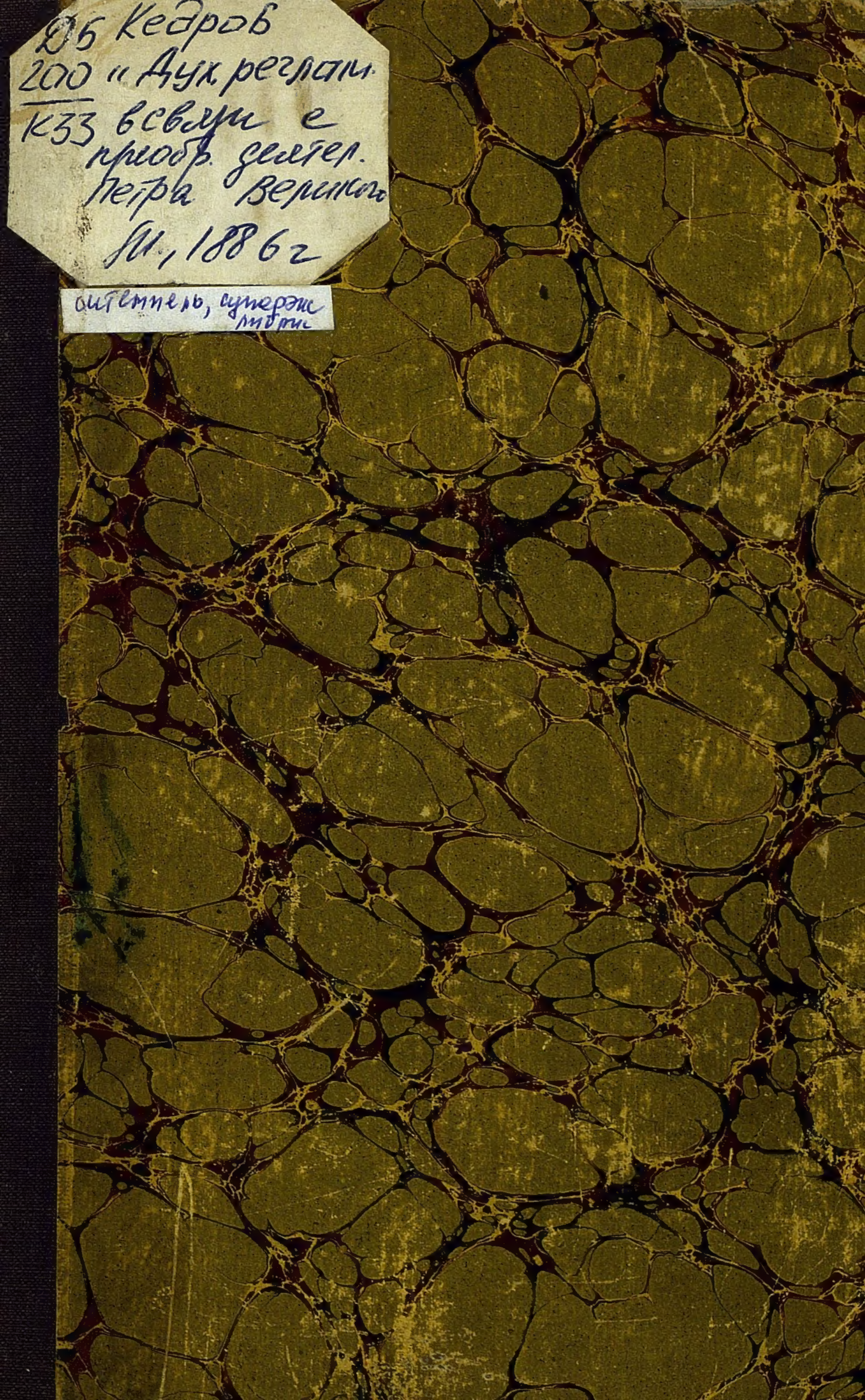

Д5 Кедров
200 „Дух. реглам.
К33 в связи с
преобр. деятел.
Петра Великого
М., 1886 г

ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТІЮ

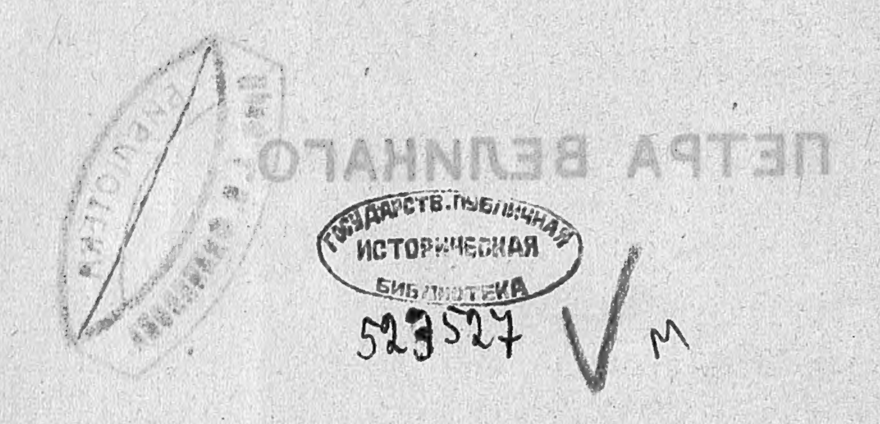
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. И. Кедрова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

Печатать позволяется. Москва, 14-го мая 1886 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ:

					Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр.	1	строка	7	*снизу*	также, какъ	такъ же какъ
„	7	„	18	*сверху*	временно	времени
„	8	„	13	„	Дѣйствительно указанныя перемѣны	Дѣйствіе указанныхъ перемѣнъ.
„	10	„	5	*сверху*	было	было бы
„	28	„	21	„	крутилъ	крушилъ
„	30	„	23	„	како	какъ.
„	—	„	27	„	монаршескою:	монаршескою пріѣзжай
„	49	„	1	*снизу*	дѣлали	дѣлами
„	65	„	6	*сверху*	такъ какъ	такъ, какъ
„	82	„	13	„	регламентомъ	регламентами
„	84	„	4	„	именемъ	именемъ словемъ
„	89	„	11	„	языкъ	языкѣ.
„	91	„	26	„	мѣропріятелей	мѣропріятій
„	95	„	2	*снизу*	„трактовъ	„трактатовъ“
„	96	„	11	*сверху*	показываетъ	показывать.
„	101	„	5	*снизу*	ручательства	ручательства не подсказывалось оно.
„	109	„	9	*сверху*	кормскій	конскій.
„	112	„	15	„	за	подъ
„	115	„	21	„	церковными	церквами
„	147	„	20	„	что	чтобы

ВВЕДЕНІЕ.

Въ нашей церковно-исторической литературѣ послѣдній, такъ-называемый синодальный или петербургскій церковный періодъ совсѣмъ не имѣетъ своей исторіи въ научномъ смыслѣ этого слова. Не говоря уже о томъ, что темная, непроницаемая завѣса почти совершенно покрываетъ собою ближайшую къ намъ по времени послѣпетровскую исторію нашей церкви, самая церковная реформа Петра Великаго, несмотря на все важное значеніе, которое имѣетъ она въ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ отечественной церкви, доселѣ представляется, если и не совсѣмъ уже неразгаданнымъ сфинксомъ, то во всякомъ случаѣ далеко не вполнѣ уясненнымъ предметомъ. Тогда какъ свѣтская, государственная дѣятельность великаго преобразователя имѣетъ за собою обширную историческую литературу, слагавшуюся въ продолженіе почти цѣлыхъ двухъ вѣковъ, тогда какъ относительно исторической оцѣнки гражданскихъ реформъ Петра успѣли создаться опредѣленныя, хотя правда далеко не всегда и во всемъ согласныя между собою, положительныя научно-историческія воззрѣнія,—церковныя реформы Петра далеко не пользовались и не пользуются такимъ вниманіемъ историковъ. Гражданскіе изслѣдователи-историки, имѣвшіе въ виду спеціальную цѣль—изученіе государственной, гражданской жизни преобразовательной эпохи, большею частію лишь косвеннымъ образомъ касались вопроса о церковно-преобразовательной дѣятельности Петра и изучали этотъ вопросъ по-

стольку и съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ и поскольку представлялось имъ необходимымъ это изученіе для выясненія ближайшихъ спеціальныхъ задачъ, которыя они себѣ ставили. Краснорѣчивое подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что даже такіе корифеи русской исторической науки, какъ историки С. М. Соловьевъ и Устряловъ, посвящавшіе цѣлые томы своихъ изслѣдованій спеціальному изученію такъ-называемаго преобразовательнаго періода Русской исторіи, отводили въ этихъ томахъ лишь отдѣльныя страницы вопросу о состояніи церковной жизни въ указанный періодъ времени. Но мы съ глубокою благодарностію должны отнестись и къ тому немногому, что находимъ въ трудахъ поименованныхъ историковъ по вопросу о церковно-преобразовательной дѣятельности Петра, потому что собственно въ церковныхъ исторіяхъ извѣстныхъ нашихъ церковныхъ историковъ-спеціалистовъ мы находимъ едва ли не меньше, чѣмъ сколько въ трудахъ свѣтскихъ историковъ. Вниманіе весьма немногочисленныхъ нашихъ церковныхъ историковъ доселѣ сосредоточивается лишь на отдѣльныхъ частныхъ вопросахъ церковно-преобразовательной дѣятельности Петра. Благодаря трудамъ такихъ изслѣдователей вопросъ о церковно-преобразовательной дѣятельности Петра исчерпывается по частямъ все болѣе и болѣе глубже и всестороннѣе. Настоящее изслѣдованіе имѣетъ въ виду разсмотрѣніе не какого-либо частнаго, спеціальнаго вопроса изъ области церковно-преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, а очеркъ и уясненіе смысла этой дѣятельности во всей ея совокупности и притомъ въ связи съ гражданскими реформами Петра.

Извѣстно, что свое окончательное завершеніе и полное выраженіе церковная реформа Петра Великаго получила въ такъ-называемомъ синодальномъ устройствѣ высшаго центральнаго церковнаго управленія, существующемъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно въ своей сущности до настоящаго времени, и связанныхъ съ этимъ устройствомъ перемѣнъ въ другихъ сферахъ церковной жизни. Всестороннее, оффиціальное опре-

дѣленіе новаго, даннаго великимъ преобразователемъ церковнаго устройства, изложено въ такъ-называемомъ Духовномъ Регламентѣ. Духовный регламентъ есть прежде всего оффиціальный актъ, определяющій устройство и положеніе церкви въ государствѣ въ моментъ произведенной преобразователемъ въ ея средѣ реформы. Въ этомъ своемъ качествѣ Духовный регламентъ, несмотря на то, что изображенные въ немъ идеалы церковнаго устройства никогда не были во всей своей точности фактически осуществлены въ послѣдующей церковной жизни, представляется весьма важнымъ и такъ-сказать кореннымъ даже историческимъ памятникомъ при изученіи различныхъ сторонъ петровской церковной реформы. Прежде всего, какъ оффиціальный актъ, содержащій въ себѣ опредѣленіе плановъ преобразователя относительно всесторонняго переустройства церковной жизни, Духовный регламентъ весьма важенъ при историческомъ изученіи церковной реформы Петра уже въ томъ отношеніи, что онъ объединяетъ, полнѣе выражаетъ и завершаетъ собою почти всѣ отдѣльныя отрывочныя законодательныя постановленія Петра относительно церкви. Эти послѣднія сведены здѣсь, такъ-сказать, въ одну общую сумму, а потому, при свѣтѣ Регламента, несравненно легче уловить тѣ основныя идеи, которыя проходятъ по всѣмъ предшествовавшимъ ему законодательнымъ постановленіямъ Петра относительно церкви. Но самыя важныя и существенныя стороны Духовнаго регламента при историческомъ изученіи церковныхъ реформъ Петра открываются изъ того значенія, какое представляетъ собою регламентъ какъ учредительный актъ новой формы церковнаго правленія и какъ полный организаціонный актъ духовнаго сословія. Съ этихъ сторонъ Духовный регламентъ представляетъ особенную важность въ томъ отношеніи, что намѣчая основныя начала административнаго и соціальнаго строя, которыя желалъ ввести въ сферу церковной жизни преобразователь, онъ даетъ прямой отвѣтъ на вопросъ, насколько отразилось на этихъ новыхъ началахъ церковной жизни вліяніе началъ тогдаш-

няго государственнаго, гражданскаго быта и въ какой мѣрѣ сохранены были при этомъ начала старо-русской церковной жизни.

Ближайшая задача, разрѣшеніе которой имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе, и состоитъ именно въ томъ, чтобы разсмотрѣть начертанный въ Духовномъ регламентѣ планъ устройства русской церкви въ связи съ устройствомъ государства, созданнымъ реформами Петра; показать какія начала и формы регламентъ вносилъ въ церковное устройство подъ вліяніемъ создававшагося тогда государственнаго порядка и въ чемъ онъ отступалъ отъ началъ и формъ послѣдняго, сохранялъ ли самобытность строя и жизни церкви. Но при этомъ мы не входимъ въ подробный анализъ содержанія Духовнаго регламента, не разсматриваемъ его спеціально какъ историко-юридическій актъ; мы пользуемся только готовымъ матеріаломъ, заключающимся въ регламентѣ, и при помощи его въ связи съ другими актами, дополняющими и объясняющими этотъ матеріалъ, пытаемся поставить церковныя преобразованія Петра въ связь съ гражданскими его реформами. А такъ какъ матеріалъ, заключающійся въ Духовномъ регламентѣ, положенъ въ основу нашего изслѣдованія, такъ какъ, съ другой стороны, матеріалъ этотъ, какъ мы замѣтили, объединяетъ въ себѣ почти всѣ связанныя съ учрежденіемъ Синода законодательныя распоряженія Петра относительно церкви, то поэтому мы и озаглавили свое изслѣдованіе такимъ именемъ: «Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго».

ГЛАВА I.

Очеркъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго въ области церковной въ связи съ государственными его реформами до времени учрежденія Синода.

Реформа, произведенная Петромъ Великимъ въ жизни отечественной церкви, выраженіемъ которой служитъ Духовный регламентъ, появилась не вдругъ во всей своей широтѣ и подробностяхъ, а была подготовлена постепенно многими раннѣйшими отрывочными и частными законодательными постановленіями Петра относительно церкви. Почти съ самыхъ первыхъ лѣтъ и до конца царствованія Петра параллельно съ различными перемѣнами, производимыми преобразователемъ въ строѣ гражданскаго государственнаго быта, такими же частными и иногда такъ же какъ и тамъ не совсѣмъ согласными одна съ другою мѣрами вырабатывается подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра и новый строй быта церковнаго. Здѣсь въ сферѣ преобразованій церковныхъ, великій преобразователь дѣйствуетъ на первыхъ порахъ повидимому также, какъ и въ сферѣ преобразованій гражданскихъ, безъ всякой опредѣленной, заранѣе начертанной программы, безъ всякаго предвзятаго плана. Уже самаго поверхностнаго взгляда на массу издававшихся почти во все продолженіе царствованія Петра отрывочныхъ его распоряженій относительно церкви достаточно для того, чтобы примѣтить, что эти распоряженія представляютъ изъ себя такой

хаосъ, въ которомъ повидимому совершенно не было какой-либо одной руководящей нити и цѣли. Только лишь сводя всѣ отдѣльныя законодательныя распоряженія Петра относительно церкви и разсматривая ихъ при свѣтѣ такого историческаго памятника, какъ Духовный регламентъ (произведенія вышедшаго хотя и по инціативѣ Петра, но не ему лично принадлежащаго), который служитъ какъ бы завершеніемъ и наиболѣе точнымъ выраженіемъ всѣхъ ихъ, можно кажется дать болѣе или менѣе точный отвѣтъ на вопросъ: какими общими руководящими нитями связаны между собою отрывочныя законодательныя распоряженія Петра относительно церкви или, говоря другими словами, можно отвѣтить на вопросъ: что хотѣлъ сдѣлать преобразователь съ русскою церковью? Имѣя въ виду общій характеръ преобразовательной дѣятельности Петра, нельзя кажется и требовать отъ его распоряженій послѣдовательнаго и стройнаго развитія. Реформы Петра вызывались большею частію подъ вліяніемъ минуты, притомъ въ нихъ замѣтно отразился личный практическій взглядъ преобразователя. Вотъ почему и для того, чтобы уяснить себѣ смыслъ произведенныхъ Петромъ церковныхъ реформъ, достаточно помнить, что свой практическій или выражаясь точнѣе техническій взглядъ на вещи, который такъ рѣзко обнаруживается въ гражданской государственной преобразовательной дѣятельности Петра, онъ всецѣло переноситъ и въ сферу церковной жизни и начинаетъ производить здѣсь всестороннее переустройство, повсюду руководясь этимъ взглядомъ. „Съ своей практической точки зрѣнія, говоритъ Самаринъ, не совсѣмъ точно характеризуя отношенія Петра къ церкви, Петръ поступалъ въ своихъ церковныхъ преобразованіяхъ такъ, какъ будто вовсе не было церкви, отрицалъ ее неумышленно, а скорѣе по невѣдѣнію“ [1]). Съ своей практической технической точки зрѣнія, добавимъ мы отъ себя, Петръ поступалъ въ своихъ церковныхъ преобразованіяхъ вовсе не отрицая церкви ни умышленно, ни неумышленно, а лишь прилагая къ строю церковной жизни тоже самое воззрѣніе, которое весьма рельефно выступаетъ при разсмотрѣніи его всестороннихъ гражданскихъ реформъ. Если нужно точнѣе охарактеризовать отношенія Петра къ церкви, то мы

---

[1]) Соч. Самарина, т. V, стр. 252.

сказали бы, что Петръ неизмѣняя основъ старорусской церковной жизни, стремился только развивать эти основы, прилагая къ этому развитію свои обычные техническіе пріемы. При этомъ справедливость требуетъ замѣтить одно только относительно внѣшней стороны церковныхъ преобразованій Петра, именно то, что въ дѣлѣ преобразованія церкви Петръ дѣйствуетъ съ бóльшею осторожностію, чѣмъ какъ поступаетъ онъ въ своихъ гражданскихъ реформахъ. И это вполнѣ естественно и понятно по свойству самыхъ предметовъ, съ которыми въ данномъ случаѣ приходилось имѣть дѣло преобразователю. Вводя различныя переустройства въ строѣ церковной жизни и при этомъ часто не задумываясь относительно пригодности или непригодности тѣхъ или другихъ средствъ къ достиженію предпринятыхъ цѣлей, преобразователь на каждомъ шагу имѣлъ безчисленное множество случаевъ убѣждаться въ томъ, что здѣсь ему приходится имѣть дѣло съ предметами совершенно иного круга, чѣмъ тѣ, съ какими встрѣчался онъ въ своихъ работахъ по военному или адмиралтейскому вѣдомствамъ и что оппозиція противъ его дѣйствій въ сферѣ церковной и со стороны духовенства и со стороны народа можетъ быть и гораздо болѣе сильною и гораздо болѣе опасною.

По весьма счастливой для преобразователя случайности обстоятельства церковной жизни тогдашней Россіи сложились весьма благопріятнымъ образомъ къ тому, чтобы въ первые же годы царствованія Петра дать болѣе или менѣе безопасный просторъ преобразовательной его дѣятельности въ сферѣ церковной. Во главѣ высшаго церковнаго управленія въ послѣднее десятилѣтіе XVII столѣтія стоялъ болѣзненный и безхарактерный патріархъ Адріанъ, который вовсе не обладалъ энергіею и мужествомъ въ такой мѣрѣ, чтобы онъ былъ въ состояніи открыто выступить противъ преобразовательныхъ мѣропріятій правительства. Двѣ-три неудачныя и имѣвшія очень печальный исходъ попытки со стороны Адріана въ этомъ отношеніи въ родѣ всѣмъ извѣстнаго „посланія патріарха противъ брадобритія“, „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ“ [2]), небольшаго замедленія въ постриженіи ненравившейся царю царицы Евдокіи Лопухиной и намѣренія патріарха печаловаться предъ царемъ

---

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 277.

за обреченныхъ на казнь стрѣльцовъ, заставили патріарха навсегда закрыть уста и стать безучастнымъ и молчаливымъ зрителемъ того, что совершалось вокругъ него. Говорятъ, что по случаю замедленія въ постриженіи царицы Евдокіи, Петръ такъ опалился на Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести отъ себя бѣду, сославшись на архимандрита и четырехъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли въ Преображенское. А когда патріархъ, помня старинный обычай печалованія предъ стрѣлецкими казнями, явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ, Петръ встрѣтилъ его словами: „зачѣмъ эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышлявшихъ“ [3]). Послѣдніе годы своей жизни патріархъ Адріанъ даже и проживалъ большею частію въ любимомъ своемъ подмосковномъ Николоперервинскомъ монастырѣ, въ сторонѣ отъ шумнаго круговорота происходившихъ тогда въ столицѣ событій, за что и долженъ былъ переносить укоризны со стороны народной массы. Недовольный спокойнымъ молчаніемъ патріарха, народъ говорилъ про Адріана: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска; спать бы ему да ѣсть; бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“ [4]). Но патріархъ Адріанъ, по кратковременности своего правленія московскою патріаршею каѳедрою, былъ свидѣтелемъ только лишь начальныхъ и незначительныхъ нововведеній Петра въ сферѣ церковной.

Въ концѣ сентября 1700 года Адріанъ пожелалъ лично освятить новопостроенную церковь въ своемъ излюбленномъ Перервинскомъ монастырѣ. Въ осеннюю сентябрскую стужу патріарха съ трудомъ перевезли изъ Москвы на Перерву; а на возвратномъ пути въ Донской монастырь онъ уже такъ занемогъ, что всѣ думали—умретъ онъ дорогой. Едва-едва довезли больнаго патріарха до его загороднаго двора въ селѣ Голенищевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы. Здѣсь 13 октября 700 года патріархъ былъ пораженъ смертельнымъ параличнымъ ударомъ.

[3]) Знаменскій Руков. къ церк. исторіи, стр. 329—330.
[4]) Соловьевъ Ист. Рос. т. XV, стр. 117.

Онъ лежалъ „трое сутокъ безъ памяти и безъ языка, мало взглядывая лѣвымъ глазомъ и шевеля лѣвой рукой“ [5]), а на 16 октября 700 года патріарха не стало и такимъ образомъ дѣятельности энергическаго преобразователя самъ собою открывался полный и безпрепятственный просторъ съ той именно стороны, отъ которой могла исходить наиболѣе опасная помѣха.

Во время смерти патріарха Адріана царь былъ въ отлучкѣ изъ столицы: онъ находился въ это время съ войсками подъ Нарвою и о кончинѣ первосвятителя церкви получилъ два почти одновременныя донесенія изъ столицы, заключавшія вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и запросъ о планахъ Петра относительно устройства высшаго церковнаго управленія. „Кому соборную церковь вѣдать изволишь?“ Спрашивалъ государя бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ донесеніемъ отъ 18 октября 700 года· „А на Москвѣ архіереи смоленскій, крутитскій, вятскій. Прежде изволеніе твое было вѣдать холмогорскому владыкѣ (это былъ преосвященный Аѳанасій), только по него не послано,—изволишь ли послать“ [6])? Донося царю въ такихъ словахъ о кончинѣ патріарха, бояринъ Стрѣшневъ очевидно предполагалъ, что вдовствующій теперь патріаршій престолъ замѣстится обычнымъ, давно установившимся въ русской церкви порядкомъ избранія патріарха соборомъ епископовъ и утвержденіемъ его въ санѣ царскою властію. Въ своемъ донесеніи Стрѣшневъ, какъ видимъ, указываетъ даже и на кандидата, которому и по мысли самаго Петра, выраженной имъ когда-то еще при жизни патріарха Адріана, считалось возможнымъ вручить на первыхъ порахъ временное управленіе патріаршею каѳедрою съ тѣмъ, чтобы потомъ поставить этого временнаго кандидата во главѣ управленія церковнаго съ титуломъ патріарха, какъ это обыкновенно всегда бывало въ предшествовавшей практикѣ церковной жизни. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло Алексѣй Курбатовъ, извѣстный петровскій „прибыльщикъ“, изобрѣтатель гербовой бумаги въ Россіи, „оберегатель“ государевой казны, повсюдный зоркій „надсмотрщикъ какъ бы и изъ чего бы учинить прибытокъ казнѣ государевой“. Вникая съ своей практической точки зрѣнія въ положеніе цер-

---

[5]) Устряловъ, Исторія цар. Петра Вел. т. IV, стр. 536.
[6]) Тамъ же.

ковныхъ дѣлъ по смерти патріарха Адріана, прибыльщикъ Курбатовъ кажется болѣе всего останавливался на мысли о необходимости произвести нѣкоторыя поправки въ сильно разстроенномъ при жизни болѣзненнаго патріарха Адріана патріаршемъ и вообще церковномъ управленіи. Мысль объ этомъ такъ сильно занимала Курбатова, что вопросъ о назначеніи преемника умершему патріарху отступалъ передъ нею на задній планъ въ его сознаніи. Прибыльщикъ писалъ Петру подъ Нарву: „покойному патріарху въ болѣзни трудно было за всѣмъ смотрѣть: отъ того большіе безпорядки въ духовномъ управленіи. Избраніе архимандритовъ и другихъ священнаго чина людей предоставлено было архидіакону, о которомъ тебѣ извѣстно, каковъ человѣкъ: собой править не можетъ, гдѣ же ему избирать? Назначеніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же надъ всѣмъ и для собиранія домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе безпорядки. Также зѣло нужно распорядиться о монастыряхъ и архіерейскихъ имѣніяхъ; надобно учредить особливый расправный приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣтелей. Школа бывшая подъ управленіемъ монаха Палладія въ разстройствѣ. Живущіе въ ней до 150 человѣкъ зѣло скорбятъ, всего лишены и учиться имъ невозможно: потолки и печи обвалились. Изъ архіереевъ для временнаго управленія дѣлъ духовныхъ мнится добръ быти холмогорскій; изъ мірскихъ въ начальство для усмотрѣнія и собиранія казны зѣло добръ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Муссинъ-Пушкинъ, или стольникъ Дмитрій Петровичъ Протасьевъ“ [7]).

Это замѣчательное письмо прибыльщика указываетъ почти на всѣ главные предметы духовнаго вѣдомства, стоявшіе въ то время на очереди и требовавшіе надлежащаго распорядка. Въ то же время оно даетъ возможность понять и то впечатлѣніе, которое должно было произвести на преобразователя изложенное здѣсь подробное, живое и правдивое извѣщеніе о положеніи дѣлъ церковныхъ по смерти патріарха. Внѣ церкви, въ сферѣ государственнаго управленія подобная безпорядочность уже давно

---

[7]) Устряловъ, тамъ же.

обратила на себя вниманіе преобразователя и здѣсь началось уже великое дѣло преобразованія. „Съ самаго вступленія нашего на престолъ, писалъ Петръ позднѣе въ своемъ манифестѣ отъ 16 апрѣля 700 года, всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе. Для сей цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны“ [8]). Правда, эти „нужныя и служащія къ благу земли перемѣны, въ сферѣ государственнаго управленія еще не носили на себѣ въ эту раннюю пору преобразовательной дѣятельности Петра какого-нибудь опредѣленно сложившагося характера, тѣмъ не менѣе онѣ служатъ живымъ выраженіемъ правительственныхъ стремленій произвести коренную реформу въ строѣ административномъ. Общій характеръ этихъ перемѣнъ въ сферѣ государственнаго управленія въ означенный періодъ временно состоялъ въ томъ, что преобразователь, продолжая дѣятельность правительства XVII вѣка въ этой средѣ, стремился внести повозможности большій порядокъ и легкость въ отправленіе дѣлъ въ прежнюю крайне запутанную систему государственнаго управленія. Въ этомъ направленіи прежде всего произведены были нѣкоторыя перемѣны въ центральномъ административномъ учрежденіи, стоявшемъ во главѣ государственнаго управленія, въ старой боярской думѣ. Эти первоначальныя нововведенія во внутреннемъ устройствѣ думы вызваны были разными безпорядками со стороны самихъ членовъ или, какъ они теперь были названы Петромъ, „министровъ“ думы и главнымъ образомъ тѣмъ, что министры подъ различными предлогами очень нерѣдко старались манкировать назначаемыми царемъ собраніями въ ближней канцеляріи. Пріѣдутъ не всѣ, а потомъ при взыскѣ отговариваются: „я де не былъ на конзиліи и дѣла не рѣшалъ“ [9]). Во избѣжаніе этихъ безпорядковъ постановлено было, чтобы послѣ выслушанія доклада дьяка, министры полагали резолюцію словесно, а доклады списывали для себя, держали ихъ въ сво-

[8]) П. С. З. т. IV, № 1910.
[9]) Соловьевъ, т. XVI, стр. 2.

емъ вѣдомствѣ и руководствовались ими въ подлежащихъ случаяхъ [10]). Старая московская боярская дума не вела протоколовъ; теперь же велѣно было министрамъ все рѣшающееся на совѣтѣ записывать и записанное скрѣплять своею подписью. Въ эти протоколы велѣно было вводить и всѣ мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Одинъ позднѣйшій указъ Петра, настрого предписывающій эти записи, обозначаетъ и цѣль введенія частныхъ мнѣній въ общіе думскіе протоколы. Указъ говоритъ, чтобы министры съѣзжающіеся въ ближнюю канцелярію на конзилію „всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый министръ своею рукою подписывали, что зѣло нужно, надобно и безъ того отнюдь никакихъ дѣлъ не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ“ [11]). Дѣйствительно указанныя перемѣны въ сферѣ высшаго центральнаго административнаго учрежденія отразились и на подчиненныхъ органахъ. Такими подчиненными органами въ московскомъ государствѣ XVII вѣка были многочисленныя и разновременныя по своему происхожденію приказныя учрежденія, представлявшія крайній хаосъ въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Еслибы пришлось въ настоящее время сгруппировать эти учрежденія, то представился бы страшный безпорядокъ, поражающій собою глазъ современнаго наблюдателя, привыкшаго видѣть на каждомъ шагу правильно организованныя административныя учрежденія. Чтобы придать этимъ разнохарактернымъ учрежденіямъ, потребность преобразованія которыхъ еще задолго до времени Петра была выдвинута практическимъ ходомъ жизни на степень вопроса, требующаго безотлагательнаго рѣшенія, хоть какой-нибудь порядокъ, правительство преобразовательной эпохи стремилось въ началѣ своей дѣятельности къ тому, чтобы соединить нѣсколько приказовъ, кругъ вѣдомства которыхъ состоялъ большею частію изъ однородныхъ по своимъ свойствамъ дѣлъ. Такъ соединены были въ одинъ приказы иноземный, рейтардскій и др. Съ другой стороны для достиженія большей упорядоченности въ сферѣ приказнаго управленія многіе приказы и совсѣмъ были уничтожены. Таковы были напримѣръ приказы разрядный, сыскной, казенный, ямской, рудныхъ

---

[10]) Петровскій, о Сенатѣ при Петрѣ, стр. 27.
[11]) П. С. З. т. IV.

дѣлъ и др. [12]) Наконецъ наряду съ этимъ такъ-сказать передвиженіемъ приказовъ въ виду указанныхъ же цѣлей повелѣно было, чтобы въ оставшихся приказахъ, которые по большей части получаютъ названіе „канцелярій“, бояре и судьи съѣзжались непремѣнно по три дня въ недѣлю для рѣшенія дѣлъ и закрѣпляли по примѣру министровъ думы послѣднія своимъ общимъ подписомъ [13]). Въ виду такихъ перемѣнъ въ сферѣ государственнаго управленія не трудно было угадать, что преобразовательныя стремленія монарха едва ли остановятся у предѣловъ церковнаго управленія, особенно въ тотъ моментъ, когда со смертію патріарха обнаружились столь большіе „безпорядки“ и не всегда быть-можетъ раньше того доходившіе до слуха гражданскаго правительства. Еще при жизни покойнаго патріарха нѣсколько новыхъ узаконеній, нѣсколько рѣзкихъ словъ брошено было вскользь юнымъ монархомъ на замѣчаніе духовному начальству о безпорядочности церковнаго управленія. Теперь эти вскользь брошенныя слова могли дать поводъ предугадывать въ немъ замыслы еще не высказанные, но обдуманные и по всей вѣроятности не безопасные для церкви [14]). Первый вопросъ, который предстояло теперь со смертію патріарха рѣшить преобразователю въ сферѣ церковной жизни и рѣшеніе котораго было естественно самымъ горячимъ ожиданіемъ какъ духовенства, такъ и всего остальнаго общества, былъ безъ сомнѣнія вопросъ о назначеніи преемника умершему патріарху. Ровно черезъ недѣлю по возвращеніи изъ-подъ Нарвы въ Москву, Петръ далъ свой отвѣтъ на полученныя имъ во время его отлучки изъ столицы донесенія о кончинѣ первосвятителя церкви. Въ этомъ отвѣтѣ Петръ прежде всего спѣшитъ озаботиться тѣмъ, чтобы привести въ возможный порядокъ запущенныя дѣла церковнаго управленія, жалкое положеніе которыхъ было описано ему въ письмѣ прибыльщика Курбатова такими мрачными красками. Въ виду этой неотложной заботливости преобразователь вполнѣ раздѣляетъ мысль прибыльщика

---

[12]) П. С. З. 1766, 1859, 1191 и др. №.

[13]) П. С. З. т. IV, 2116, 2184, 2185. Т. V, 2721, 2932 и др.

[14]) П. С. З. т. III, 1697, дек. 26, 1697 окт. 20, 31. Указы въ Сибирь 1699 мая 13, дек. 9 и др.

относительно того, чтобы „повременить“ неопредѣленное время избраніемъ главы церковной іерархіи и назначить какое-либо высшее іерархическое лицо для временнаго управленія церковными дѣлами. Только относительно выбора такого лица, которому можно было „вручить“, по выраженію боярина Стрѣшнева, „вѣдать соборную церковь“, Петръ измѣняетъ теперь свое „первоначальное изволеніе“ и почему-то не останавливается на преосвященномъ Аѳанасіи холмогорскомъ, а поручаетъ это дѣло совершенно новому тогда въ московской Руси духовному лицу, только-что посвященному незадолго предъ кончиною патріарха Адріана въ апрѣлѣ 1700 года [15]) изъ игуменовъ южно-русской Никольской пустыни прямо въ санъ митрополита рязанскаго и муромскаго“, даровитому южно-русскому проповѣднику и ученому малороссу Стефану Яворскому „...Которыя дѣла въ патріаршемъ приказѣ были и впредь будутъ въ расколѣ и въ какихъ противностяхъ церкви Божіей и въ ересяхъ и тѣ дѣла вѣдать преосвященному Стефану митрополиту рязанскому и муромскому“, писалъ Петръ въ своемъ указѣ отъ 16-го декабря 700 года. Одновременно съ этимъ порученіемъ рязанскому митрополиту дѣлъ церковныхъ приступлено было къ нѣкоторымъ перемѣнамъ въ области церковной администраціи. Нововведенія, которыя вводилъ преобразователь въ это время въ сферѣ гражданской администраціи съ цѣлью достиженія большаго порядка и легкости въ государственномъ управленіи, естественно сами собой наталкивали теперь его на тотъ путь, на которомъ казалось возможнымъ достигнуть большаго порядка и въ разстроенномъ духовномъ управленіи. Это путь возможнаго упрощенія и облегченія крайне сложнаго, а потому и крайне запутаннаго порядка отправленія дѣлъ въ вѣдомствѣ церковнаго управленія. Въ ряду другихъ административныхъ учрежденій церковнаго вѣдомства первое мѣсто принадлежало тогда патріаршему разряду, который былъ центромъ всего церковнаго управленія [16]). Одного простаго перечня круга дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію патріаршаго разряда, достаточно для того, чтобы видѣть съ какими неудобствами и затрудненіями должно было быть

---

[15]) Соч. Самарина т. V, 257 стр.

[16]) Соч. Каптерева „Свѣтскіе архіерейск. чиновники“, 201 стр.

сопряжено отправленіе этихъ дѣлъ въ вѣдомствѣ этого разнохарактернаго церковно-административнаго учрежденія при патріархахъ XVII вѣка. Вѣдѣнію патріаршаго разряда подлежали тогда дѣла собственно духовныя (напр. дѣла о раскольникахъ и др.), различныя дѣла по епархіальному и общецерковному управленію. Здѣсь а) давались настольныя подписныя грамоты митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ и протодіаконамъ и строительныя грамоты строителямъ и келарямъ, о созданіи святыхъ Божіихъ церквей патріаршей области благословенныя грамоты; б) здѣсь производилась опись монастырей и монастырскаго имущества при назначеніи въ монастырь новаго настоятеля; в) разряду подчинены были всѣ десятильничьи дворы, въ которыхъ засѣдали поповскіе старосты, обязанные наблюдать за всѣмъ церковнымъ благочиніемъ и жизнію духовенства въ ихъ округахъ и о всемъ сколько-нибудь важномъ обязанные доносить въ патріаршій разрядъ; г) патріаршій разрядъ судилъ все бѣлое и черное духовенство во всѣхъ дѣлахъ; д) въ патріаршемъ разрядѣ вѣдались и судились всѣ мірскія лица по дѣламъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію и суду церкви еще уставами первыхъ христіанскихъ русскихъ князей Владиміра и Ярослава; е) въ патріаршемъ разрядѣ хранились списки всѣхъ служилыхъ патріаршихъ людей; ж) въ него подавались челобитныя отъ различныхъ лицъ, желавшихъ поступить въ число патріаршихъ дворянъ и пр.; з) сюда посылалъ свои указы царь съ различными распоряженіями по духовному вѣдомству; і) къ обязанности патріаршаго разряда наконецъ относилось также наблюдать за точнымъ отбываніемъ со всѣхъ церковныхъ и патріаршихъ земель военной повинности, такъ что его дѣятельность въ этомъ отношеніи вполнѣ совпадала съ дѣятельностію царскаго разряда. Такими широкими границами опредѣлялся кругъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію патріаршаго разряда. Заботы преобразователя о приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ по смерти послѣдняго патріарха дѣлъ церковнаго управленія и останавливаются прежде всего на этомъ обширномъ церковно-административномъ учрежденіи. Какъ въ гражданскихъ приказахъ, такъ и здѣсь онъ стремится къ тому, чтобы освободить широкій кругъ дѣлъ изъ-подъ вѣдѣнія этого учрежденія и распредѣлить его между тѣми вѣдомствами, кото-

рымъ эти дѣла, казалось, ближе подлежали по своему характеру. „Патріаршу приказу разряду не быть, писалъ Петръ отъ 16-го декабря 700 года, отвѣчая на полученныя имъ во время его отлучки изъ столицы извѣщенія о текущихъ церковныхъ событіяхъ, а дѣла и приводы, которые въ томъ приказѣ есть по челобитью бояръ и окольничьихъ и думныхъ и московскаго чина и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и прочихъ во всякихъ искѣхъ и въ иныхъ какихъ дѣлахъ, также которыя дѣла были по челобитью архиреевъ и духовнаго чина съ причетники вышеозначенныхъ московскихъ и иныхъ чиновъ людей и тѣ дѣла отослать въ тѣ приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы и впредь расправу чинить въ такихъ дѣлахъ въ тѣхъ приказахъ“. Черезъ полтора мѣсяца послѣ уничтоженія патріаршаго разряда, тоже самое начало, которымъ руководился преобразователь при его уничтоженіи, было приложено имъ и къ другой области церковнаго управленія, къ той области, на которую почти каждый изъ предшествовавшихъ Петру царей московскихъ съ не совсѣмъ легкаго почина Ивана III налагалъ свои руки и на которую Петръ по особымъ обстоятельствамъ его царствованія долженъ былъ обратить преимущественное вниманіе. Мы говоримъ о церковныхъ имуществахъ и возстановленіи Петромъ монастырскаго приказа. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ, ставшій особымъ, спеціальнымъ пунктомъ нашего законодательства еще съ XIV-го в., ко времени Петровской реформы de jure порѣшался уже почти окончательно, но de facto онъ еще далеко не представлялся такимъ. Правительство все еще колебалось между чисто государственными началами и уваженіемъ къ духовному чину, идеею ненарушимости имущественныхъ правъ церкви. Вотъ почему рядомъ съ опредѣленіями, ограничивавшими увеличеніе церковныхъ имѣній, отмѣной всѣхъ тархановъ, мы видимъ грамоты объ отдачѣ монастырямъ множества селъ, деревень, подтвержденіе и новую раздачу жалованныхъ грамотъ, объ освобожденіи монастырскихъ вотчинъ почти ото всѣхъ государственныхъ податей, повинностей и суда. Такой порядокъ продолжался даже и послѣ того, какъ Уложеніе выяснило и развило до подробностей всѣ основныя начала государственнаго строенія. Только лишь при Петрѣ отношенія правительства къ вотчиннымъ правамъ духовенства получили болѣе ясный и опредѣленный характ-

теръ. Правительство XVI и XVII вв. стремилось преимущественно къ ограниченію вотчинныхъ правъ духовенства, Петръ Великій поставилъ себѣ главною и прямою цѣлью совершенное уничтоженіе правъ этого рода. Никто болѣе Петра не былъ способенъ дать отношеніямъ правительства къ вотчиннымъ правамъ духовенства этотъ новый характеръ и никто болѣе его не сознавалъ, кажется, необходимости такого преобразованія. Въ своемъ подробномъ извѣщеніи по кончинѣ патріарха Адріана о положеніи дѣлъ въ патріаршемъ управленіи практическій прибыльщикъ Курбатовъ, кажется, всего больше задѣлъ такъ-сказать за живое мысль Петра напоминаніемъ о „зѣло необходимомъ“ распоряженіи въ монастыряхъ и архіерейскихъ имѣніяхъ. Съ самаго начала царствованія преобразователь неоднократно выставлялъ на видъ церковной власти, что церковныя имѣнія „туне гибнутъ“, и въ виду этого съ одной стороны старался вводить различныя ограниченія вотчинныхъ привиллегій духовенства, а съ другой сильно заботился объ уничтоженіи всякой возможности новаго возрастанія церковныхъ вотчинъ. Вмѣстѣ съ этимъ преобразователь заботился и о томъ, чтобы сдѣлать болѣе правильное употребленіе матеріальныхъ средствъ духовенства. Въ этихъ видахъ между прочимъ было запрещено строгими предписаніями монастырскимъ властямъ и архиреямъ „строить лишнія строенія и отнюдь не держать денегъ въ расходъ безъ великаго государя указу, а деньгамъ и хлѣбу приходъ и расходъ записавъ въ книгу присылать тѣ книги къ великому государю къ Москвѣ“ [17]). Но всѣ эти постановленія были такъ-сказать лишь случайными выраженіями секуляризаціонныхъ началъ. Это начало не разъ проявлявшееся de facto не было еще сформулировано въ одно общее положеніе, не было выставлено открытымъ образомъ. Только со смертію послѣдняго патріарха царю представился наиболѣе удобный моментъ для окончательнаго изъятія церковныхъ имуществъ изъ-подъ власти ихъ прежнихъ владѣльцевъ и передачи ихъ въ государственное вѣдѣніе. Явленій въ исторіи и законодательствѣ, подготовлявшихъ передачу ихъ отъ церкви къ государству, накопилось много: государственныхъ нуждъ, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ

---

[17]) П. С. З. т. III, 1721, 1725, 1733 и 1663 №№.

имуществъ, теперь было также больше, чѣмъ когда-либо; одни войны, для которыхъ, по выраженію царя „деньги были артеріею“, требовали весьма много расходовъ. Для покрытія же ихъ въ казнѣ денегъ было недостаточно и правительство уже не разъ раньше этого обращалось къ монастырямъ за единовременными деньгами пособіями на настоятельныя военныя нужды [18]). Двадцать четвертаго января изданъ былъ именной царскій указъ, которымъ повелѣвалось: „домъ святѣйшаго патріарха и домы жь архирейскіе и монастырскія дѣла (т.-е. завѣдываніе домашними доходами патріарха, архіереевъ и монастырей, челобитныя въ дѣлахъ и искахъ на патріаршихъ и архіерейскихъ домовыхъ и иноческаго и священнаго чина и церковнаго причета людей и монастырскихъ стряпчихъ и т. д.) вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову и сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ и писать монастырскимъ приказомъ, а въ приказѣ большаго двора монастырскихъ дѣлъ не дѣлать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же приказъ (т.-е. новый монастырскій) [19]). Послѣ двухъ законодательныхъ распоряженій о уничтоженіи патріаршаго и возстановленіи монастырскаго приказовъ, последовавшихъ вскорѣ за смертію патріарха Адріана, въ теченіе долгаго времени мы не видимъ новыхъ распоряженій преобразователя по дѣламъ церковной администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Церковное управленіе повидимому во всемъ оставалось въ старомъ видѣ, исключая двухъ указанныхъ перемѣнъ въ его строѣ. Высшее управленіе спеціально духовными дѣлами сосредоточено было, какъ мы видѣли, въ рукахъ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, облеченнаго титуломъ „екзарха, блюстителя и администратора святѣйшаго патріаршаго престола русской церкви“. Въ важныхъ случаяхъ по дѣламъ этого рода екзархъ патріаршаго престола долженъ былъ совѣтоваться съ другими епископами, которыхъ положено было попеременно

---

[18]) Примѣчаніе. Такъ напримѣръ у Троицкаго монастыря было взято въ 697 г. „на ратныхъ людей“ 50 т. руб.; въ томъ же году и для той же цѣли 20 т. руб.; въ 98 г.—20 т. руб., въ 700 году для той же цѣли 30 тыс. руб. См. Истор. Солов. Т. XVI, 348 стр.

[19]) П. С. З. Т. 18, 1182 №.

вызывать для этой цѣли въ Москву „въ чреду священнослуженія съ ризницею, съ церковники и съ пѣвчими и съ домовымъ людьми и съ запасы,—безъ чего, будучи въ Москвѣ, пробыть невозможно“.[20]), и представлять о послѣдствіяхъ своихъ совѣщаній на утвержденіе государя. Это собраніе очередныхъ епископовъ изъ епархій называлось какъ и въ прежнее время при патріархѣ „освященнымъ соборомъ“ [21]). Соборъ этотъ былъ, такъ сказать, прообразомъ того собора, который получилъ названіе Святѣйшаго Синода и несомнѣнно, что онъ существовалъ до самаго времени учрежденія послѣдняго [22]). Трудно было рѣшить, что означалъ собою въ данное время въ воззрѣніи преобразователя данный имъ рязанскому митрополиту новый титулъ. Самъ Стефанъ Яворскій и окружавшіе его высшіе іерархи церкви повидимому готовы были трактовать новый титулъ и положеніе рязанскаго митрополита, какъ приготовительную ступень къ принятію послѣднимъ патріаршаго сана. Въ головѣ рязанскаго митрополита идея патріаршества не угасала ни на минуту въ періодъ его мѣстоблюстительства патріаршею каѳедрою. Авторъ „Молотка“ на „Камень вѣры“, хотя быть-можетъ и съ пристрастнымъ, озлобленнымъ чувствомъ говоритъ о Стефанѣ, что онъ „крайнимъ прилежаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великіе, а инымъ обѣщалъ“ [23]). Поведеніе митрополита Стефана въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршества ясно обнаруживаетъ въ немъ стремленіе отстоять старую церковную форму и возстановить патріаршество. Будучи мѣстоблюстителемъ патріаршества, Стефанъ постоянно высказывалъ недовольство своимъ положеніемъ. Несмотря на всѣ первоначальныя милости и расположенія къ нему царя, Стефанъ часто и упорно требовалъ увольненія отъ должности, отпуска на родину, представляя свои немощи. Но ему какъ человѣку скрытному, непрямому не вѣрили; предполагали, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, что ему чего-то хочется, что еслибы напримѣръ, его сдѣлали патріар-

---

[20]) Монастырскій приказъ Горчакова приложенія стр. 21, № 26.

[21]) Чистовичъ. Ѳ. Прок. и его время 59 стр.

[22]) Описаніе документовъ Синод. Архива 22—11 №.

[23]) Чистовичъ тамъ же 391, а также 109 стр.

хомъ, то онъ не пошелъ бы на покой [24]). Что Стефанъ желалъ возстановленія патріаршества—если и не въ свою собственную пользу—въ доказательство тому мы имѣемъ нѣсколько положительныхъ фактовъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ прежде всего вниманія отвѣтное письмо Стефана Сорбонскимъ богословамъ, писанное имъ по извѣстному вопросу о соединеніи церквей: „Но аще бы мы и восхотѣли сему злу коимъ-либо образомъ забѣжати, пишетъ здѣсь между прочимъ мѣстоблюститель, возбраняетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничтоже, а наипаче въ такомъ великомъ дѣлѣ церковномъ творити попускаетъ: престолъ же святѣйшаго патріаршества россійскаго празденъ и вдовствующій быти мнимъ, яко извѣстно есть иностраннымъ, и сего ради епископамъ безъ своего патріарха хотѣти что-либо замышляти тожде было бы, аки бы членомъ безъ своея главы хотѣти движитися, или безъ первыя вины или движенія въ звѣздахъ свое теченіе совершати. Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ больше намъ не попущаетъ глаголати что-либо или творити" [25]). Отсюда видно, какъ глубоко былъ убѣжденъ Стефанъ въ необходимости патріаршества и какъ сильно желалъ онъ его, представляя, что безъ него церковь не можетъ двигаться и жить. Стефанъ Яворскій положительно не могъ помириться съ мыслію о совершенномъ уничтоженіи патріаршества даже и послѣ того, когда уже былъ учрежденъ синодъ и онъ былъ сдѣланъ президентомъ новаго учрежденія. По учрежденіи Синода въ февралѣ 21-го года отмѣнено было при возношеніяхъ употребленіе патріаршаго имени, которое замѣнено было именемъ Святѣйшаго Синода. По этому поводу митрополитъ Стефанъ писалъ въ Синодъ: „Преосвященные іерархи и прочіи отцы святыя и братія! Понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ члены коллегіи по уставу, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ эктеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ можно обоя вмѣстити: напримѣръ такъ: о святѣйшихъ православныхъ патріархахъ и святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ миромъ Господу помолимся; или святѣйшія пра-

---

[24]) Соловьевъ, т. XVI.

[25]) Соч. Самарина, т. V, 279 стр.

вославныя патріархи и святѣйшій правительствующій Синодъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ. Какой въ томъ грѣхъ? Какой убытокъ славы и чести святѣйшему Россійскому Синоду? Кое безмѣстіе и непристойность? Паче же Богу пріятно и народу весьма угодно было бы, а что помѣта монаршеская написана: о Святѣйшемъ Синодѣ или о Св. правительствующемъ Синодѣ, отъ сего то только дается знать, како нарицатися имать коллегіумъ духовный въ молитвѣ, а объ отставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничтоже извѣствуется“ [26]). Такъ ратовалъ Яворскій даже о сохраненіи въ церковнослужебномъ языкѣ самаго имени патріаршества въ то время, когда de facto уже отняты были у него и его сторонниковъ всякія надежды на возстановленіе патріаршества. Что касается того, какъ понималъ положеніе митрополита Стефана въ періодъ его мѣстоблюстительства преобразователь, то въ разрѣшеніи этого вопроса изслѣдователи историки несогласны между собою. Одни изъ нихъ утверждаютъ [27]), что Петръ, назначая по смерти патріарха Адріана мѣстоблюстителя патріаршества вмѣсто патріарха, еще гораздо раньше этого рѣшилъ въ мысляхъ окончательную отмѣну патріаршества. Но зная, что разомъ покончить съ нимъ значило бы прямо высказать народу свои властолюбивые замыслы и вооружить его противъ себя, онъ поступаетъ въ данномъ случаѣ съ весьма большею обдуманностію и осторожностію, отводитъ такъ-сказать глаза народу: не назначая новаго патріарха, преобразователь поручаетъ управленіе патріаршею каѳедрою временному правителю церкви съ титуломъ мѣстоблюстителя патріаршества. Прошло двадцать лѣтъ послѣ этого, когда любовь къ патріаршеству поохладѣла, когда вдобавокъ и матеріальныя силы преобразователя возрасли для борьбы, и онъ осмѣливается объявить во всеуслышаніе объ упраздненіи патріаршаго престола и замѣнѣ его новою формою церковнаго правленія. Другіе изслѣдователи наоборотъ думаютъ, что мысль о совершенномъ уничтоженіи патріаршества сложилась у преобразователя лишь въ послѣдствіи, съ теченіемъ времени, когда отъ отсутствія патріарха не чуствовалось никакого неудобства, когда

---

[26]) Соловьевъ т. XVI, 367 стр.
[27]) Чистовичъ Ѳ. Пр. стр. 58.

коллегіальная форма признана была лучшею по всѣмъ частямъ управленія, когда наконецъ дѣло царевича Алексѣя возбудило въ душѣ Петра сильно сомнѣніе на счетъ сочувствія большинства высшаго духовенства къ новому порядку; въ данное же время, назначая Стефана Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршества, Петръ вовсе еще не имѣлъ въ виду навсегда покончить съ патріаршествомъ [28]). Съ своей стороны, не придавая какого нибудь важнаго историческаго значенія рѣшенію затруднительнаго вопроса о томъ, когда именно у Петра созрѣла мысль объ окончательной отмѣнѣ патріаршества, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что, строго говоря, никакой новости въ томъ, что Петръ вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ послѣдняго патріарха не издалъ указа о созваніи собора для избранія новаго патріарха, а назначилъ лишь мѣстоблюстителя патріаршества, пожалуй, нельзя было еще усматривать и на основаніи этого факта нельзя еще строить заключенія о томъ, что Петръ уже теперь твердо рѣшилъ вопросъ объ уничтоженіи патріаршества. Какъ извѣстно, въ церковной практикѣ XVII в. встрѣчаются примѣры того, что въ періоды между-патріаршества управленіе патріаршею каѳедрою сосредоточивалось въ рукахъ временнаго правителя церкви съ титуломъ мѣстоблюстителя. Такимъ напримѣръ былъ Іона митрополитъ сарскій и подонскій, правившій дѣлами патріаршей каѳедры въ теченіе цѣлыхъ почти семи лѣтъ отъ смерти патріарха Гермогена до вступленія на патріаршій престолъ знаменитаго Филарета Никитича. Обыкновенно же мѣстоблюстителемъ на время между-патріаршества въ XVII в. назначался митрополитъ Крутицкій, какъ постоянно жившій въ Москвѣ [29]). Назначеніе Стефана на верховную каѳедру церкви съ титуломъ мѣстоблюстителя патріаршества говорило только объ одномъ, именно, что это была мѣра, устанавливаемая правительствомъ „пока, на время". Именно при тогдашнемъ положеніи церкви и государства больше чѣмъ когда-либо въ другое время все соединялось, кажется, для того, чтобы затруднить дѣло избранія преемника умершему патріарху и заставить Петра отложить его. Прежде всего въ первое время по

---

[28]) Соловьевъ И. Р. т. XV, 119 стр.

[29]) Тамъ же 124 стр.

смерти Адріана все вниманіе преобразователя, никогда и ни въ чемъ нетерпѣвшаго растройства и безпорядковъ, было сосредоточено, какъ мы упомянули, на мысли о необходимости „зѣло нужныхъ“ исправленій въ сферѣ церковной. Существовавшее здѣсь неустройство требовало для своего исправленія твердой руки, энергичной дѣятельности. Петръ по своему характеру не могъ быть покойнымъ зрителемъ совершавшихся кругомъ него явленій жизни. Онъ всюду прежде всего самъ лично желалъ за всѣмъ присмотрѣть и во все вникнуть. Ясно сознавая свое отношеніе къ церкви, онъ не могъ считать для себя неправымъ дѣломъ вмѣшательство въ область церковной жизни,—особенно если сама церковная власть заявляла здѣсь себя недѣятельною. Помимо всѣхъ сторонниxъ побужденій, заставлявшихъ Петра взяться за исправленіе въ церкви, онъ конечно могъ всегда сказать о себѣ, какъ сказалъ впослѣдствіи [30]) въ оправданіе своихъ отношеній къ церкви, что видя „много нестроеній въ духовномъ чинѣ и великую въ дѣлахъ его скудость“, онъ постоянно „и на совѣсти несуетный имѣлъ страхъ, да не будетъ безъотвѣтенъ и неблагодаренъ Вышнему, аще пренебрежетъ исправленіе духовнаго чина“. Оглядываясь кругомъ, Петръ въ первое время послѣ смерти патріарха не могъ наконецъ даже разсчитывать найдти среди тогдашнихъ іерарховъ церкви человѣка, сочуствовавшаго дѣлу преобразованія церкви, человѣка, который бы безъ принужденій, безъ небезопаснаго во всякомъ случаѣ воздѣйствія на него со стороны, по личному расположенію взялся за это дѣло. Извѣстно, съ какимъ дружнымъ несочуствіемъ отнеслось все великорусское духовенство къ преобразовательнымъ стремленіямъ царя не только въ сферѣ церковной, но даже и чисто государственной. Во главѣ съ самимъ патріархомъ оно въ самомъ началѣ дѣятельности Петра высказало сильный протестъ противъ его преобразовательныхъ плановъ. Уже первый патріархъ Петрова времени Іоакимъ, видѣвшій только лишь слабыя зачатки преобразованій, далеко разошелся съ царемъ во взглядахъ. Умирая онъ завѣщалъ царю: „да не како же онъ попустить кому изъ христіанъ съ еретиками и иновѣрцами общеніе и содружество творити, но яко враговъ Божіихъ и ру-

[30]) Манифестъ объ учрежденіи Д. Коллегіи, приложенный къ Д. Регл.

гателей церковныхъ тѣхъ удалятися да повелѣваетъ". Поведеніе преемника Іоакима по патріаршей каѳедрѣ въ его отношеніи къ дѣлу преобразованія хорошо извѣстно. Только сила воли Петра заградила и ему уста. Все остальное духовенство, дружно вторя высшимъ архипастырямъ церкви, тѣмъ рѣзче и сильнѣе возвышало противъ реформы свой голосъ, чѣмъ больше разгаралась борьба послѣдней съ противодѣйствіями. Въ общемъ хорѣ народнаго ропота, ославившаго царя врагомъ мірскимъ, міроѣдомъ и антихристомъ", духовенство тянуло всегда самыя возвышенныя ноты. Оно было какъ бы центромъ, сосредоточивавшимъ въ себѣ выраженіе всенароднаго протеста. Даже и тогда, когда древняя Русь выставила свой открытый протестъ противъ новаго духа въ формѣ стрѣлецкихъ бунтовъ и народныхъ волненій, духовенство всюду шло во главѣ и этого протеста и своимъ участіемъ какъ бы освящало его. Стрѣльцы, готовясь на смертоубійства, служили молебны, несли предъ собою иконы и чаши св. воды, какъ будто отправлялись на дѣло угодное Богу. Въ послѣднемъ ихъ бунтѣ замѣшаны были ихъ попы, предводительствовавшіе ими съ крестами въ рукахъ и были казнены [31]). При такомъ настроеніи большинства великорусскаго духовенства, при такомъ нерасположеніи его къ дѣлу преобразованія, понятно, что симпатіи преобразователя далеко не лежали на сторонѣ этого духовенства. Недовольство его великорусскимъ духовенствомъ, можно сказать, усиливалось годъ отъ году и большую часть своихъ неудачъ въ дѣлахъ внутреннихъ онъ ставилъ на счетъ духовенству, члены котораго занимали самое видное мѣсто въ спискахъ Преображенскаго приказа. „Большія бороды, которыя, по выраженію Петра, нынѣ по тунеядству своему не въ авантажѣ обрѣтаются", были для него всего болѣе непріятны. „О бородачи! часто повторялъ онъ, отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами, многому злу корень старцы и попы [32]).

Конечно назначеніе на патріаршую каѳедру такого умнаго и талантливаго архіерея, какимъ былъ рязанскій митрополитъ Стефанъ, повидимому было бы очень сообразнымъ съ преобразова-

[31]) Самар. V т., 243 стр.
[32]) Соловьевъ И. Р. XVII т., 216 стр.

тельными планами царя и съ потребностями тогдашняго положенія церкви. Ученый рязанскій митрополитъ тогда еще далеко не заявлялъ себя такимъ рьянымъ сторонникомъ стараго духа, какими заявляло себя большинство тогдашнихъ великорусскихъ іерарховъ. Но именно это обстоятельство въ связи съ происхожденіемъ Стефана и должно было, кажется, больше всего служить для него препятствіемъ при назначеніи на патріаршую каѳедру Великороссіи. Въ Москвѣ уже давно смотрѣли на пріѣзжихъ малороссскихъ архіереевъ, какъ на „черкасишковъ никуда негодныхъ“ [33]), и извѣстно какимъ недружелюбнымъ пріемомъ былъ встрѣченъ здѣсь южнорусскій ученый Стефанъ. „Изощренный завистію и досадою языкъ“, жаловался митрополитъ Стефанъ царю, упорно отказываясь принять на себя управленіе рязанскою митрополіею, „многія досады и поклепы на меня взводилъ иные рекли будто я купилъ себѣ архіерейство за три тысячи червонныхъ золотыхъ; иные именовали меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливанникомъ“ [34]). Какъ извѣстно на Стефана былъ сдѣланъ даже доносъ со стороны великорусскаго духовенства іерусалимскому патріарху Досиѳею, обвинявшій его въ томъ, что онъ проповѣдуетъ латинское мнѣніе о пресуществленіи [35]). Было бы большимъ неблагоразуміемъ и конечно меньше всего свойственнымъ Петру,—уступить этому чувству ненависти на Стефана въ виду представлявшейся необходимости. Иное дѣло было сдѣлать его митрополитомъ въ Рязани; но поставить его во главѣ высшаго управленія всею всероссійскою церковью съ титуломъ патріарха было бы слишкомъ... Что заговорили бы тогда въ Москвѣ изощренные завистью языки?!... Но чтобы ни означалъ собою данный рязанскому митрополиту титулъ „блюстителя патріаршества“, какъ бы ни трактовалъ свое положеніе самъ носитель этого титула и какъ бы наконецъ ни понималъ положеніе экзарха Петръ Великій,—во всякомъ случаѣ судьба Стефана Яворскаго въ исторіи нашей,—церкви въ періодъ его временнаго управленія патріаршею каѳедрою чрезвычайно интересна. Случайно поставленный въ качествѣ высшаго церковнаго іерарха на рубежѣ

---

[33]) Соловьевъ. Публ. чт. о П. В. 84—85 стр.
[34]) Соловьевъ И. Р., т. XV, 120 стр.
[35]) Тамъ же, 124 стр.

отъ до-петровской, патріаршей формы церковнаго правленія къ петровской синодальной, Стефанъ стоитъ не безучастнымъ зрителемъ совершающагося переворота, но страдательною его жертвою. Двумя законодательными постановленіями о уничтоженіи патріаршаго и возстановленіи монастырскаго приказовъ власть и права мѣстоблюстителя патріаршества повидимому опредѣлялись довольно точно: ему предоставлено было вѣдѣніе духовныхъ дѣлъ церкви, какъ высшему іерарху. Но на практикѣ и въ дѣлахъ собственно духовныхъ мѣстоблюститель съ организованнымъ при немъ соборомъ епископовъ далеко не былъ полновластнымъ распорядителемъ. На практикѣ очень часто случалось, что дѣла этого рода шли помимо него чрезъ Мусина-Пушкина завѣдывавшаго монастырскимъ приказомъ. Такъ напримѣръ въ междупатріаршество мы видимъ много назначеній на мѣста духовнаго управленія помимо Яворскаго по представленіямъ Меньшикова, Мусина-Пушкина, архимандрита Өеодосія и другихъ лицъ [36]). Мусинъ-Пушкинъ въ качествѣ завѣдывающаго монастырскимъ приказомъ всюду выдвигался правительствомъ какъ какой-то помощникъ, товарищъ мѣстоблюстителя въ дѣлахъ церковныхъ. Такъ въ 707 году холмогорскій архіепископъ Сильвестръ былъ переведенъ въ Смоленскъ, на его мѣсто нужно было поставить архіерея, и Стефанъ представилъ Петру, находившемуся тогда въ Москвѣ двоихъ кандидатовъ—архимандритовъ Троицкаго и Знаменскаго. Ни тотъ ни другой не понравились и Головкинъ писалъ Стефану, чтобы онъ избралъ на холмогорскую епархію трехъ или двухъ, которые бы были и искусные и ученые и политичные люди: „понеже та холмогорская епархія у знатнаго морскаго порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ областей иноземцевъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично, къ чести и славѣ русскаго государства, якоже и прежде бывшій Аѳанасій архіепископъ со изряднымъ порядкомъ тамо поступалъ“ [37]). Царь отвергаетъ кандидатовъ, велитъ выбрать другихъ; но что всего хуже, велитъ Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этомъ выборѣ. Головкинъ писалъ Мусину-Пушкину: „къ Сте-

---

[36]) Петровскій, о сенатѣ при Петрѣ, 319 стр.

[37]) Соловьевъ, И. Р., т. XVI, стр. 24.

фану митрополиту я писалъ, что въ томъ выборѣ будетъ и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно тѣ особы избраны будутъ, о томъ извольте милость ваша съ нимъ митрополитомъ писать царскому величеству, на что его величество соизволитъ тогда указъ свой послать кого изъ тѣхъ особъ на холмогоры на архіепископы посвятить" [38]). Почти во всѣхъ другихъ случаяхъ Пушкинъ объявлялъ Стефану повелѣнія государя и вообще полновластно распоряжался дѣлами, которыя подлежали вѣдѣнію мѣстоблюстителя по первоначальному порученію царя. Патріаршая типографія была подъ исключительнымъ вѣдѣніемъ Мусина-Пушкина; сочиненія, переводы и изданія книгъ, даже исправленіе Библіи, которое поручено было главному надзору Стефана, шли помимо Стефана. Школы московскія также во многомъ зависѣли отъ Мусина-Пушкина [39]).

Еще болѣе и рѣзче ограничена была духовная власть мѣстоблюстителя патріаршества со времени коренныхъ реформъ Петра въ сферѣ государственной администраціи. Въ 711 году, какъ извѣстно, мѣсто старой боярской думы заступилъ правительствующій сенатъ. Послѣдній, по указамъ о немъ царя, сразу является высшимъ государственнымъ установленіемъ, сосредоточивающимъ въ себѣ всѣ аттрибуты верховной власти, „понеже и цѣль учрежденія сего собранія, какъ нерѣдко замѣчалъ царь, состояла въ томъ, что оно установлено было вмѣсто присутствія его величества персоны". „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, гласитъ царскій указъ отъ 11 года 2 марта о полномочіяхъ сената, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію по винѣ смотря" [40]). Указъ 26 іюня 17 года грозитъ смертною казнію всякому, кто дерзнетъ приносить жалобы на сенатъ, какими бы ни оказались относительно своей справедли-

---

[38]) Тамъ же.
[39]) Монастырскій приказъ Горчакова.
[40]) П. С. З., 2329 №.

вости рѣшенія сената [41]). Если начальнику монастырскаго приказа Мусину-Пушкину приходилось вмѣшиваться въ дѣла духовнаго вѣдомства, то тѣмъ болѣе вправѣ ждать того же отъ сената, надѣленнаго такими полномочіями, отъ сената привыкшаго не встрѣчать ни откуда никакихъ сопротивленій, которому до всего было дѣло, сената видѣвшаго предѣлъ своей власти единственно въ волѣ государя, незнавшаго границъ своему вѣдомству. И дѣйствительно мы видимъ, что въ періодъ междупатріаршества у сената бывали совмѣстныя засѣданія съ освященнымъ соборомъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ церковной жизни [42]). Блюститель безъ сената теперь не можетъ поставить архіерея на епархію. Такъ въ 711 году Яворскій сдѣлалъ представленіе объ архіереяхъ, отвѣтомъ былъ указъ: „въ Ростовъ дается на соизволеніе архіерейское купно съ сенатомъ, только быти епископу, а не митрополиту" [43]). Сенатъ положительно считаетъ своею обязанностію заботиться о чистотѣ православія и его распространеніи. Сенатъ запрещаетъ печатать въ Малороссіи духовныя книги безъ дозволенія православнаго духовенства. Сенатъ строитъ православныя церкви въ Перновѣ и Дюнаминдѣ для нашихъ православныхъ гарнизоновъ и велитъ псковскому митрополиту поставить къ нимъ священниковъ и снабдить ихъ антиминсами и всѣмъ нужнымъ; сенатъ заботится о распространеніи православія между иновѣрцами, опредѣляетъ игуменовъ и игуменій въ монастыри, къ сенату же обращаются служащіе на военной службѣ старые инвалиды, желающіе на старости лѣтъ отдохнуть въ монастырѣ и пр. и пр. [44]). Это преобладаніе свѣтской власти надъ духовной въ періодъ петровскаго междупатріаршества особенно рѣзко отразилось въ судебной сферѣ. Извѣстное дѣло о лѣкарѣ Твиритиновѣ, обвиняемомъ въ приверженности къ лютеранству, берется въ сенатъ и сенатъ освобождаетъ его. Яворскій разсматриваетъ сочиненія Твиритинова и снова объявляетъ его еретикомъ. Снова поднимается дѣло и снова поступаетъ въ сенатъ. Сначала на разбирательствѣ при-

---

[41]) П. С. З., 3264 №.

[42]) Соловьевъ, И. Р., т. XVI.

[43]) Тамъ же, 352 стр.

[44]) Петровскій, о сенатѣ при Петрѣ, отдѣлъ о церк. дѣят. сената.

сутствуетъ и мѣстоблюститель патріаршества, но въ маѣ 715 года подаетъ Петру слѣдующее донесеніе: „по твоему великаго государя указу велѣно мнѣ въ св. четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое началось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрестанно во всю седьмицу крестопоклонную и никтоже меня тогда не изгонялъ, а нынѣ мая въ 14 день, по прежнему указу пришелъ я въ судебную избу и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я, плачущъ исходя изъ палаты судебной, говорилъ: бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите,—и излагаетъ далѣе цѣлый рядъ уликъ противъ Твиритинова, непринятыхъ въ уваженіе сенатомъ [45]). Жалоба Яворскаго осталась безъ послѣдствій. А въ дѣлѣ, напр. калужанина Эраста Кадмина, обвинявшагося въ распространеніи раскольничьихъ книгъ и въ противностяхъ св. восточной церкви, сенатъ рѣшилъ все дѣло о немъ даже не сносясь съ духовными властями. Сенатъ самъ призываетъ его предъ себя, увѣщеваетъ Кадмина принесть повинную въ своихъ противностяхъ; Сенатъ же наконецъ и постановляетъ окончательный приговоръ относительно Кадмина. Такое вмѣшательство свѣтской власти въ чуждую для нея область, въ область духовныхъ дѣлъ, разумѣется не могло не раздражать и не огорчать того, кто имѣлъ законное право полновластнаго распоряженія здѣсь. Правда, эти случаи вмѣшательства иногда были необходимы для лучшаго благоустройства церковной жизни; но при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ средѣ духовенства, они естественно казались посягательствомъ на права церковной власти. Если свѣтскій человѣкъ М. Пушкинъ былъ приглашенъ къ выбору болѣе способнаго кандидата на епархію, требовавшую особенной осмотрительности при выборѣ въ эту епархію архіерея, если онъ, какъ ближе знавшій положеніе церковныхъ дѣлъ въ Великороссіи, считался правительствомъ болѣе компетентнымъ человѣкомъ въ этомъ и подобныхъ дѣлахъ, если наконецъ правительствующій Сенатъ даетъ болѣе или менѣе практическія указанія въ той или другой области церковной жизни, то что повидимому можно было бы усматривать во всемъ этомъ?... Не повторялись ли всѣ эти случаи

[45]) И. Р., Соловьевъ, т. XVI.

вмѣшательства гражданской власти въ область церковнаго управленія въ такой или иной формѣ и въ предшествовавшее время при патріаршемъ управленіи? Такъ разсуждала тогда одна сторона—люди сочувствовавшіе идеямъ реформы. Но, разсуждала сторона духовенства, если теперь и до нашей братіи дошло, если и у насъ начали брать съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги, чего наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали, что же это значитъ?... да никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ?! [46]). „Да вамъ ли овцамъ про насъ пастырей разыскивать", говорили почти въ одинъ голосъ епархіальные архіереи, открыто и рѣзко высказывая свое недовольство противъ распоряженія свѣтской власти въ сферѣ церковной,—„какое же послѣ этого и наше архіерейство, что отнимаютъ нашу собственность, хоть затворяй церкви да покидай архіерейство [47]). И такъ говорили не только такіе архіереи, какъ Исаія нижегородскій, но даже и такіе, которые съ весьма большимъ сочувствіемъ относились къ преобразованіямъ Петра. Разумѣемъ святителя Димитрія Ростовскаго и Іова Новгородскаго. „Я грѣшный, писалъ святитель Ростовскій Димитрій въ Новгородъ къ преосвященному Іову, пришедши на престолъ ростовской паствы, завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть недурно; но, попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ вознегодовалъ будто много издерживается на учителей и учениковъ и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapienti" [48]). Общее недовольство духовенства новыми распоряженіями преобразователя раздѣлялъ и мѣстоблюститель патріаршества Стефанъ. Разсчитывая найти въ Стефанѣ себѣ товарища по направленію, помощника въ преобразовательной дѣятельности, Петръ кажется ошибся на этотъ разъ въ своемъ выборѣ. Яворскій далеко не былъ такимъ человѣкомъ, какого желалъ бы видѣть на занимаемомъ имъ іерархическомъ посту преобразователь. Правда, отличенный на

---

[46]) Соловьевъ, т. XVI.

[47]) Тамъ же, стр. 32.

[48]) Тамъ же.

первыхъ порахъ особенною милостію царя, Яворскій повсюду старался изобразить свою готовность служить государственнымъ интересамъ. Себя самаго предъ царемъ „екзархъ, блюститель и администраторъ святѣйшаго патріаршаго престола“, называетъ неиначе, какъ „вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ пастушокъ рязанскій“. Какъ человѣкъ ученый и наблюдательный и притомъ нечуждый желанія снискать въ своекорыстныхъ цѣляхъ расположеніе сильныхъ міра сего Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ отзывается и на разные общественные вопросы того времени. Къ царю и его дѣйствіямъ онъ обыкновенно относился въ крайне панегирическомъ тонѣ. „Что царь, то орелъ въ высотѣ своей не удобозрительной, родъ святъ, племя Божіе, фамилія, начатокъ свой отъ самаго Бога имущая“ [49]). Повидимому на первыхъ порахъ поведеніемъ мѣстоблюстителя былъ доволенъ и самъ царь. Стефанъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ „услаждался какъ сахаромъ милостію царскаго величества и отеческимъ его благопризрѣніемъ“. „Отъ самого великаго государя, говоритъ Стефанъ, много разъ получалъ я за побѣдительныя проповѣди иногда тысячу золотыхъ иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ царскаго дома. Многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургію и проповѣди слова Божія“ [50]). Но несмотря на все это, подъ смиренною рясою рязанскаго пастушка, скрывался человѣкъ съ сильными стремленіями отстоять церковную власть. Воспитанный на католической доктринѣ о главенствѣ церкви, Яворскій естественно не могъ мириться съ существующимъ порядкомъ церковной жизни на Руси. Какъ онъ ни витійствовалъ въ своихъ проповѣдяхъ, однако въ его превыспреннемъ витійствѣ не трудно было различить фальшивую ноту, напыщенное риторство и отсутствіе серьёзнаго пониманія дѣлъ Петровыхъ. Мало этого: Яворскій отнюдь и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Напротивъ то прямыми и рѣзкими обличеніями въ проповѣдяхъ, то болѣе тонкими косвенными намеками въ своихъ сочиненіяхъ, онъ старался показать и доказать незаконность вторженія свѣтской власти въ дѣла церкви. Онъ находилъ достаточно поводовъ выступить открыто

[49]) Соч. Морозова, Ѳ. Пр. какъ писатель.
[50]) Соловьевъ, И. Р. т. XVI, стр. 23.

даже и противъ самого государя и обнаружить предъ нимъ силу церкви. Общественное и частное поведеніе Петра, противорѣчившее укоренившимся обычаямъ, законъ о фискалахъ вызвали со стороны Яворскаго открытое порицаніе. Несоблюденіе постовъ, легкость нравовъ при дворѣ, объявленіе Екатерины, женщины темнаго происхожденія и до замужества съ Петромъ не безукоризненнаго поведенія, императрицей послужили для Яворскаго поводомъ къ открытому нападенію во имя религіи. Въ знаменитой проповѣди мѣстоблюстителя, сказанной имъ по случаю учрежденія фискаловъ, недовольство Стефана современнымъ порядкомъ вещей вылилось въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ. Здѣсь говорилось о произволѣ и злоупотребленіяхъ царской власти, здѣсь Петръ обвинялся въ раззореніи закона Божія, въ увлеченіи протестантскимъ нечестіемъ, въ развратной и блудной жизни, представлялся какъ виновникъ бѣдствій государственныхъ, открыто объявлялся еретикомъ и отлучался отъ церкви. Здѣсь же въ контрастъ развращенному отцу самыми свѣтлыми красками рисовался его гонимый и нелюбимый сынъ, на котораго Стефанъ указывалъ русскому народу, какъ на его единственную надежду и защиту его древнихъ преданій и формъ жизни, которыя съ такою безпощадностію ломалъ и крутилъ „преступникъ заповѣдей Господнихъ“. Но несмотря на всѣ столкновенія съ блюстителемъ патріаршаго престола, Петръ не удалялъ отъ себя Стефана и даже не особенно рѣзко мѣнялъ тонъ своихъ отношеній къ нему [51]). Только лишь слѣдствія по извѣстнымъ дѣламъ о царевичѣ Алексѣѣ и царицѣ Евдокіѣ Лопухиной имѣли кажется рѣшительное вліяніе на отношеніе Петра къ мѣстоблюстителю и духовенству. Слѣдственнымъ дознаніемъ обнаружено было, что и малороссійскіе іерархи во главѣ съ представителемъ ихъ, мѣстоблюстителемъ патріаршества, не безучастны въ дѣлѣ царевича и царицы; вскрылось, что и эти обласканные и излюбленные царемъ пришельцы далеко не всѣ раздѣляютъ новыя идеи преобразователя. Слѣдственное дѣло по поводу царевича Алексѣя и царицы Евдокіи возобновило на время было-утихшее взаимное нерасположеніе сторонъ между царемъ и партіею,

---

[51]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. XVI, стр. 353, 354.

окружавшею мѣстоблюстителя Яворскаго. Крайне натянутыя отношенія между обѣими сторонами съ этого времени становятся особенно замѣтными. Государь видѣлъ и явно показывалъ, что въ Стефанѣ онъ не нашелъ себѣ сотрудника способнаго войти въ его мысли. Государь и прежде косо смотрѣлъ на распущенность духовенства, на множество празднобродящихъ поповъ и монаховъ, на кликушъ и юродивыхъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагу, на множество вымышленныхъ чудесъ и ложно объявляемыя мощи святыхъ, на недостатокъ школъ для образованія духовенства и народа и приписывалъ все это недѣятельности мѣстоблюстителя. Теперь тонъ отношеній царя къ мѣстоблюстителю сталъ еще болѣе строгимъ, безцеремоннымъ и настойчивымъ. Стефанъ оставался глухъ къ этому новому тону отношеній къ нему царя. Въ средѣ приближенныхъ къ нему іерархическихъ лицъ онъ не скрывалъ своихъ клерикальныхъ воззрѣній, „папежскаго духа", который такъ ненавистенъ былъ преобразователю. Проникнутый этимъ духомъ, Яворскій и теперь даже, когда преобразованія жизни гражданской далеко увлекли за собою жизнь церковную, не могъ помириться съ мыслію о безглавности церковнаго управленія на Руси. И при постепенно вырабатывавшемся подъ вліяніемъ петровскихъ преобразованій новомъ строѣ жизни гражданской и церковной, эта мысль представлялась ему аномаліею, подобно той, „еслибы звѣздное теченіе совершалось безъ первопричины", тогда какъ понятія объ этомъ государя рѣзко расходились съ воззрѣніями Стефана. Съ своей государственной точки зрѣнія Петръ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою себя самого [53]). Говорятъ, что въ 712 г. въ Виттенбергѣ Петръ сказалъ предъ статуей Лютера: „сей мужъ подлинно заслужилъ памятникъ, онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступилъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ". Въ 718 году мѣстоблюститель

---

[52]) Труды Кіевской Д. Акад. 1869 г. т. I, стр. 378.

получилъ царскій указъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ. Стефанъ думалъ, что его пребываніе здѣсь будетъ временное, но 16 іюля великій государь указалъ: „преосвященному Стефану митрополиту рязанскому жить въ С.-Петербургѣ; а при немъ первой очереди быть Игнатію, епископу суздальскому, а прочихъ архіереевъ изъ Петербурга отпустить въ свои епархіи, а по прошествіи первой чреды въ Петербургъ архіереямъ пріѣзжать поочередно, противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали“. Недовольный такимъ распоряженіемъ о перемѣнѣ митрополичей ризиденціи Стефанъ подалъ царю „пункты“, на которые получилъ рѣзкіе отвѣты: „выѣхалъ я изъ Москвы, писалъ владыка, на почтовыхъ подводахъ, не взявъ съ собою ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди и для скораго выѣзда порядка никакого не учинилъ, ни въ соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ, чая скораго возвращенія; нынѣ, скитаясь въ Петербургѣ, живу въ наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды и въ такомъ дворѣ, въ которомъ зимою мнѣ немощному отнюдь жить невозможно и ожидаю милостиваго отпуска, чтобы зимою совсѣмъ собраться и здѣсь жить вовсе и о томъ, что великій государь укажетъ?“ „О житьѣ здѣшнемъ уже за три года сказано, отвѣчалъ на вопросъ недовольнаго митрополита царь, и самъ ваша милость въ просухѣ хотѣлъ быть, како я съ вами прощался на Москвѣ, а зачѣмъ въ три года не собрался и не распорядился не знаю, ибо и болѣе того дѣлано: ѣздилъ на Украйну для освященія церкви“. „Было милостивое слово о дворѣ, писалъ далѣе Яворскій и написано было ко мнѣ рукой монаршескою: а дворъ для тебя будетъ готовъ; сего милостиваго обѣщанія будетъ ли исполненіе или нѣтъ? Отвѣтъ: „мѣсто готово, а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается, а вамъ все какъ было прежде, еще жъ и тамбовское епископство поддано“. „Во многихъ епархіяхъ архіереевъ нѣтъ“, спрашивалъ наконецъ мѣстоблюститель. Отвѣтомъ было: „выбрать напримѣръ и подать роспись; также и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ монастырь Невскій привесть, дабы здѣсь жили, чтобы такихъ не поставить, какъ тамбовскій и ростовскій были; а для лучшаго впредь упра-

вленія мнится быть удобно духовной коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно" [53]).

Совѣщаясь во время своихъ заграничныхъ путешествій съ знающими людьми и заботясь о лучшемъ устройствѣ государственнаго управленія на Руси, Петръ давно уже обращалъ вниманіе на коллегіальное устройство правительственныхъ учрежденій за границей въ Даніи, Швеціи и Голландіи. Философъ Лейбницъ особенно увлекъ Петра коллегіальностью. Россія давно интересовала Лейбница особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о преобразованіяхъ, начатыхъ въ ней ея великимъ царемъ. Для его математическаго, систематическаго ума Россія въ своемъ качествѣ tabula rasa, представляла любопытный пунктъ для всевозможныхъ экспериментовъ. Молодая страна и ея преобразователь рисовались въ его воображеніи въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ. Отправляясь въ Торгау на свадьбу царевича Алексѣя Петровича, гдѣ онъ долженъ былъ представиться Петру, Лейбницъ писалъ къ Аббату Фабрицію, что онъ ѣдетъ туда „non ut solemnia nuptarium, quam ut Russorum Czarem spectarem, sunt enim ingentis magni principis Virtutis" [54]). Познакомившись съ царемъ и его приближенными, узнавъ отъ нихъ о характерѣ управленія, существовавшаго тогда въ Россіи, Лейбницъ понялъ потребность административныхъ реформъ въ странѣ и представилъ Петру проектъ объ устройствѣ коллегій. Однимъ изъ главныхъ положеній этого проекта было выставлено слѣдующее: какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую; и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности, то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія [55]). Петру великому нельзя было ничего такъ хорошо растолковать, какъ сравнивъ предметъ съ механизмомъ.

Согласно съ проектомъ Лейбница уже съ 715 года начинаются дѣятельныя приготовительныя работы относительно устройства коллегій. Въ августѣ этого года Петръ поручилъ генералу Вэй-

---

[53]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. XVI, стр. 358.
[54]) Градовскій. Высшая админ. въ XVIII в., стр. 63.
[55]) „Русскій Вѣстникъ", т. XXXII, стр. 376.

де „достать иностранцевъ ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ будущихъ коллегіяхъ“ [56]). Въ слѣдующемъ 16 году Петръ старается вызвать для этой цѣли дѣльцовъ изъ Австріи и Швеціи; въ то же время усиленно посылаетъ и русскихъ заграницу для изученія коллегіальнаго строя на мѣстѣ [57]). Три года спустя послѣ учрежденія сената мы уже видимъ написанный Петромъ перечень коллегій съ помѣтою: „о коллегіяхъ къ соображенію“ [58]). Съ конца девятнадцатаго года на мѣсто старыхъ приказовъ и явились центральныя коллегіальныя учрежденія, устроенныя по проекту Лейбница однообразно, съ лучшимъ разграниченіемъ вѣдомствъ, чѣмъ въ приказахъ.

Намъ кажется, что не представляетъ большихъ затрудненій рѣшеніе вопроса о томъ, когда возникла у Петра Великаго мысль объ учрежденіи духовной коллегіи. Мало имѣетъ за себя основаній мнѣніе тѣхъ историковъ, которые утверждаютъ будто съ самой минуты смерти патріарха Адріана Петръ лелѣялъ въ глубинѣ своего сознанія мысль объ учрежденіи коллегіи. Очевидно мысль эта была не случайностію въ головѣ Петра и внушена была ему въ періодъ его дѣятельныхъ приготовленій по устройству государственныхъ коллегій. Практическій ходъ дѣлъ въ гражданскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ наталкивалъ естественно Петра на мысль о введеніи коллегіальнаго устройства въ сферу церковнаго управленія; онъ не могъ не служить для Петра достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что и въ сферѣ церковной, гдѣ дѣла находятся въ такомъ „нестроеніи и безпорядкѣ“, будетъ гораздо больше порядка и удобства при коллегіальномъ отправленіи дѣлъ. Коллегіальная форма церковнаго управленія признана была Петромъ „лучшимъ способомъ“ въ дѣлѣ „исправленія нестроеній духовнаго чина“, тѣмъ болѣе, что эта форма удовлетворяла и прямымъ каноническимъ требованіямъ относительно устройства церковнаго управленія. Соборная или коллегіальная форма церковнаго управленія и есть, какъ извѣстно, единственно истинная и законная форма церковнаго управленія, имѣющая свое основаніе въ самомъ Священномъ Писаніи. Отъ

---

[56]) Соловьевъ, И. Р. т. XVI, стр. 186; П. С. З. №№ 2928, 2967, 3701.

[57]) Тамъ же.

[58]) Ж. М. Н. П. 1875 г. іюль, т. 180.

этой формы церковнаго управленія русская церковь никогда не отрѣшалась и во весь предшествовавшій учрежденію Святѣйшаго Синода періодъ жизни. Въ самое близкое по времени къ учрежденію синода время, въ періодъ патріаршескій, эта форма церковнаго управленія оставалась во всей своей силѣ. При патріархѣ, какъ извѣстно, всегда былъ постоянный соборъ архиреевъ, архимандритовъ и пр., съ которыми они совѣщались о всѣхъ дѣлахъ, касающихся церкви.

На ряду съ дѣятельными работами по устройству гражданской администраціи идутъ приготовленія для учрежденія и духовной коллегіи. Приготовленія эти продолжаются слишкомъ два года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи намѣренія царя относительно учрежденія духовной коллегіи пришлось быть Ѳеофану Прокоповичу, тогда уже бывшему псковскимъ епископомъ. Намъ нужно остановиться нѣсколько на изображеніи характера этого знаменитаго сподвижника Петра на поприщѣ церковнопреобразовательной дѣятельности для того, чтобы точнѣе уяснить смыслъ этой дѣятельности.

Личность псковскаго архіепископа, сподвижника Петра въ дѣлѣ реформъ, настолько извѣстна въ нашей церковноисторической литературѣ по капитальнымъ изслѣдованіямъ о немъ Чистовича, Самарина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, что намъ остается ограничиться лишь самою общею характеристикою этой личности нужною для нашихъ цѣлей. По нашему мнѣнію, какими бы мотивами ни объясняли характеръ отношеній Прокоповича къ Петру Великому (а попытки объяснять эти отношенія очень нерѣдко проглядываютъ въ литературныхъ сужденіяхъ о Ѳеофанѣ), во всякомъ случаѣ и при допущеніи всѣхъ ихъ остается здѣсь во всей силѣ справедливости мысль о томъ, что исторія представляетъ намъ довольно нечастые примѣры такого сближенія характеровъ двухъ историческихъ дѣятелей, какое можно наблюдать при сопоставленіи личности Петра и Ѳеофана. Всѣмъ извѣстная способность Петра Великаго узнавать людей съ перваго знакомства съ ними, съ перваго ихъ взгляда и слова, весьма мѣтко обнаружилась на его выборѣ и приближеніи къ себѣ Ѳеофана. Исторія ихъ взаимнаго знакомства извѣстна. Въ 704 году 4 іюля государь прибылъ въ Кіевъ для основанія печерской крѣпости. На другой день по его прибытіи сюда молодой учи-

тель риторики въ кіевской академіи Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ государю привѣтственную предику, какихъ дотолѣ неслыхали въ Москвѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго государя. Еще нѣсколько проповѣдей, сказанныхъ Ѳеофаномъ въ присутствіи царя, обратили на него вниманіе преобразователя. Молодаго проповѣдника вызвали сначала въ Москву, а потомъ въ Петербургъ и здѣсь онъ съ полнѣйшею готовностію отозвался на призывъ царя быть защитникомъ его нововведеній. Въ этой роли Прокоповичу пришлось выступить почти съ первымъ же днемъ по прибытіи его въ Петербургъ. Въ моментъ его прибытія сюда почва новоустрояемой столицы колебалась не только подъ ударами возводимыхъ въ разныхъ мѣстахъ ея новыхъ построекъ и укрѣпленій, но и отъ оглашавшаго ее неумолкаемаго шума событій. Послѣднія смѣнялись здѣсь одно другимъ съ такою неудержимою быстротою, такъ страшно и чудовищно перепутывались между собою, что нужно было обладать громадною энергіею ума и воли для того, чтобы не попасть въ ихъ шумный коловоротъ и вмѣсто желаемаго берега не очутиться въ самой срединѣ клокочущаго моря. Помимо важнѣйшихъ политическихъ событій, каковыми были дѣло царевича Алексѣя, вопросъ о престолонаслѣдіи, Ништадскій миръ, коронація Екатерины, здѣсь съ каждымъ новымъ днемъ возникали новыя событія первостепенной по тогдашнему времени важности. Такими событіями были и походы, и спускъ кораблей, и прорытіе каналовъ, и постройки новыхъ фабрикъ и заводовъ и проч. и проч. все это предстало предъ глазами Прокоповича и каждое требовало отъ него живаго слова, живаго участія. Затѣмъ его и позвали въ Петербургъ, затѣмъ и возвысили; Прокоповичу не нужно было напоминать: онъ хорошо зналъ свое дѣло и выполнялъ оное съ большимъ усердіемъ и жаромъ. Ни одно почти событіе тогдашняго времени не ускользнуло отъ его вниманія, не получивъ отъ него похвалы или порицанія. Онъ оправдывалъ войны Петра, возбуждавшія такое недовольство въ русскихъ, хвалилъ его личное мужество и самопожертвованіе въ бояхъ, защищалъ труды царя по устроенію флота, предоставляя здравому смыслу каждаго разсудить: „къ чему толь пространныя поля, водныя моря и безмѣрный океанъ

создалъ Богъ, какъ не къ тому, чтобы люди имѣли взаимную коммуникацію отъ конецъ до конецъ міра сего" [59]), удивлялся величеству и великолѣпію новоцарствующаго града Петрова, прославлялъ административное устройство данное Россіи Петромъ, одобрялъ установленіе чина прокуроровъ, которыхъ называетъ „всевидящими очами", и даже учрежденіе „фискальнаго чина", ибо оный Петръ опредѣлилъ для того, чтобы всякое злодѣйство аки въ земли эхидна укрытися не могло"; полезныя экономическія учрежденія, созданныя Петромъ, фабрики, заводы, монетный дворъ, аптеки, холстяныя, шелковыя и суконныя мануфактуры, бумагопрядѣльни, корабельныя верфи, законы о ношеніи новой одежды, вводимые Петромъ новые обычаи и пр. и пр.—все это находило свое одобреніе и похвалу въ живомъ словѣ Ѳеофана [60]). Но если гдѣ особенно оказалъ Ѳеофанъ важную услугу Петру, такъ это въ учрежденіи духовной коллегіи и реформахъ Петра по духовному вѣдомству. Въ этой сферѣ дѣятельности Прокоповичъ является предъ нами не только сторонникомъ преобразователя, его правой рукой, но почти равносильнымъ ему реформаторомъ. Какъ бы утомленный кипучею преобразовательною государственною дѣятельностію, могучій преобразователь, искренно увѣрившись въ сочувствіи дѣлу реформъ со стороны Ѳеофана, казалось, сдаетъ ему съ своихъ рукъ дѣло преобразованія церкви, самъ оставаясь лишь наблюдателемъ и контролеромъ надъ дѣятельностію Ѳеофана въ этой области. И справедливость требуетъ отдать долгъ чести искреннему слугѣ Петра. Ни въ одномъ даже самомъ мелочномъ дѣлѣ, ни однимъ начинаніемъ Ѳеофанъ необнаружилъ ни малѣйшей попытки вести дѣло болѣе или менѣе несогласно съ планами и благожеланіями Петра.

Въ томъ же 718 году, въ которомъ царь высказалъ, какъ мы видѣли, неотложное намѣреніе объ учрежденіи духовной коллегіи, Ѳеофанъ съ жаромъ и принялся за ея устройство. Здѣсь дѣло было начато имъ съ того же, съ чего начиналось обыкновенно дѣло устройства и каждой изъ государственныхъ коллегій. При устройствѣ государственныхъ коллегій въ 18 году Петръ повелѣлъ особымъ указомъ всѣмъ коллегіальнымъ президентамъ

---

[59]) Пропов. Ѳеофана Прокоповича ч. I и II.
[60]) Тоже.

„на основаніи шведскаго устава сочинять во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ регламентъ по пунктамъ, а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ необозначены или съ ситуаціею сего государства несходны и оные ставить по своему разсужденію и поставя объ оныхъ докладывать такъ ли имъ быть“ [61]). По порученію царя и для будущей духовной коллегіи Θеофанъ Прокоповичъ долженъ былъ также прежде всего написать подробный уставъ или регламентъ. Взятое дѣло быстро закипѣло въ рукахъ энергичнаго дѣятеля. Царь, какъ узнаемъ изъ анекдотовъ Нартова, и самъ свѣрялся у Θеофана о ходѣ работы по составленію Духовнаго регламента. На одной пирушкѣ онъ спрашивалъ въ шутку у псковскаго владыки: „скажитка, отче, скоро ль нашъ патріархъ-то поспѣетъ? и когда Θеофанъ отвѣчалъ: скоро, государь, я дошиваю ему рясу,—то его величество улыбнувшись сказалъ: а у меня шапка для него готова [62]). По свидѣтельству Θеофана въ письмѣ къ Марковичу отъ 10 мая 720 года трудъ составленія Духовнаго регламента былъ оконченъ имъ въ началѣ 720 года и представленъ къ царю, который приказалъ: „прочесть регламентъ въ своемъ присутствіи и перемѣнивъ кое что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ“ [63]). Приписка къ Духовному регламенту обозначаетъ и день, въ который происходило это чтеніе регламента въ присутствіи государя: „сія вся здѣ написанная, гласитъ означенная приписка, первѣе самъ Всероссійскій монархъ его царское священнѣйшее величество слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ сего 720 года февраля 11 дня“ [64]). Послѣ прочтенія и исправленія духовнаго регламента государемъ, присланъ былъ имъ слѣдующій собственноручный указъ оберъ-секретарю сената: „по полученіи сего (т. е. указа) объяви преосвященнымъ архиреомъ и господамъ сенату, дабы проектъ духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали, такъ ли оному быть,—и ежели что не такъ покажется, тобъ ремарки постави-

[61]) Т. Н. П. З. генеральный регламентъ т. VI.

[62]) Москвитянинъ 1842 г. № 8, 338 стр.

[63]) Соч. Морозова Θеоф. Прок., какъ писатель.

[64]) Примѣчаніе. Самимъ государемъ сдѣланы весьма немногія и незначительныя поправки отдѣльныхъ выраженій регламента. Поправки эти указаны въ сочиненіи Пекарскаго „Наука и Литература при Петрѣ“.

ли и на каждой ремаркѣ экспликацію вины дѣла“ [65]). Согласно съ этимъ указомъ 23 февраля 720 года „регламентъ слушали, и разсуждали и исправляли преосвященные архіереи, архимандриты, купно же правительствующіе сенаторы“ [66]). Изъ архіреевъ въ это время присутствовали въ сенатѣ шестеро и три архимандрита. Но никто изъ слушавшихъ проектъ коллегіи никакой „ремарки и экспликаціи“ на него повидимому не представилъ. На другой день послѣ этого Петръ писалъ сенату: „понеже вчерась отъ васъ я слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи, какъ архиреи такъ и вы слушали и приняли все за благо, того ради надлежитъ архиреомъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю, а лучше бъ два подписать и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписанія прочимъ архиреомъ“. Послѣ этого къ регламенту приложили свои руки съ одной стороны епископы и архимандриты, съ другой сенаторы. Къ первому маю по именному царскому указу велѣно было прибыть въ Москву для подписи регламента архиреямъ ростовскому, суздальскому и коломенскому, а также патріаршей области рязанской и помянутыхъ епархій степенныхъ монастырей архимандритомъ и игуменомъ. Для этой цѣли посланъ былъ въ Москву подполковникъ Давыдовъ съ регламентомъ и съ указомъ сената къ московскому вице-губернатору Воейкову и къ Златоустовскому архимандриту Антонію, которые, объявивъ регламентъ, должны были предложить подписать его. Но изъ опасенія, вѣроятно, что такое предложеніе можетъ встрѣтить недоразумѣніе, въ указѣ найдено было нужнымъ добавить, что если кто сталъ бы уклоняться отъ подписанія, у того взять письменное объясненіе о причинѣ уклоненія. Послѣ того, когда было окончено подписаніе регламента вышеуказанными лицами въ Москвѣ, перваго сентября того же года данъ былъ Златоустовскому архимандриту новый указъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Давыдовымъ ѣхалъ въ Казань и Вологду, гдѣ должны архиреи казанскій, астраханскій, вятскій, холмогорскій и устюжскій, а также архимандриты и архиреи степенныхъ монастырей подписаться подъ регламентомъ. Архимандритъ Антоній

---

[65]) Бумаги и письма Петра Великаго стр. 400.
[66]) Приписка въ концѣ регламента духовнаго.

уклонился впрочемъ на этотъ разъ отъ возложеннаго на него порученія подъ предлогомъ невозможности отъѣхать изъ Москвы по случаю отправленія имъ въ приказѣ церковныхъ „превеликихъ дѣлъ“ (раскольническихъ) и на его мѣсто назначенъ былъ Спасскаго монастыря въ Казани архимандритъ Іоаннъ Салникѣевъ. Къ декабрю 720 года подпись подъ регламентомъ была совсѣмъ уже окончена и повидимому благополучно. Только мѣстоблюститель патріаршества по свидѣтельству „Молотка на Камень вѣры“ весьма противился и чрезъ долгое время подписать Духовный регламентъ отрицался, отговариваясь немощми, иногда же яко неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ толкованіемъ“ [67]).

Вслѣдъ за подписаніемъ регламента вызваны были въ С.-Петербургъ назначенныя для присутствія въ духовной коллегіи лица, которыя „по учиненіи присяги“ до приготовленія свѣтлицъ, т.-е. до 14-го февраля 721 года въ александровскомъ подворьѣ пребываніе имѣли“. Въ январѣ 25 числа изданъ былъ царскій манифестъ объ учрежденіи духовной коллегіи. Этотъ манифестъ, судя по его слогу и мыслямъ, принадлежитъ также вѣроятно перу автора регламента. Февраля 9-го того же года сенатъ особыми указами далъ повсемѣстно знать, „дабы писать о чемъ надлежитъ къ Святѣйшему правительствующему духовному Синоду доношеніями и патріаршія и архіерейскія вотчины сборами и правленіемъ вѣдать въ томъ же Синодѣ“. Приблизительно около этого же времени „его величество слушалъ сочиненнаго духовнаго регламента во второй разъ и аппробовалъ оный, по которому учиненъ духовный Синодъ, который того же мѣсяца въ 14-й день начало свое воспріялъ“. Объ этомъ „воспріятіи начала“ Святѣйшимъ Синодомъ на другой день, т.-е. 15-го февраля было помѣщено въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующее извѣстіе [68]): „сего февраля въ 14-й день въ церкви Живоначальныя Троицы на литургіи было народное собраніе великое, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, при которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ и предика была о объявленіи начинающіяся

[67]) Труды кіев. дух. акад. 1878 г, іюль 162 стр.
[68]) Сочин. Пекарскаго, Н. и Л. въ вѣкъ Петра.

духовныя коллегіи, которую чинилъ архіепископъ псковскій. А по окончаніи оной служили молебенъ опредѣленныя быть въ той коллегіи особы“. Эта предика о началѣ духовной коллегіи была произнесена псковскимъ епископомъ Ѳеофаномъ на текстъ: „избрахъ васъ и положихъ да вы идете и плодъ многъ принесете“. Такъ учреждена была духовная коллегія 14-го февраля 721 года. Духовный же регламентъ напечатанъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя послѣ ея учрежденія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Регламентъ или уставъ духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, также и мірскихъ лицъ поелику оные управленію духовному подлежатъ и притомъ въ отправленіе дѣлъ своихъ поступать имѣетъ.“ [69]). Тридцатаго сентября того же 721 года отправлена была изъ С.-Петербурга отъ государя грамота къ константинопольскому патріарху Іереміи, въ коей испрашивалось какъ отъ него, такъ и отъ прочихъ вселенскихъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго признанія со стороны патріарховъ бытія и каноническаго достоинства новоустроеннаго въ русской церкви Синода и вмѣстѣ съ тѣмъ право имѣть послѣднему съ первыми „о всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ сношеніе и корреспонденцію“. Ровно чрезъ два года послѣ посылки Петромъ означенной грамоты восточнымъ патріархамъ послѣдніе прислали свои отвѣтныя грамоты по вопросу, съ которымъ къ нимъ обращались изъ Россіи (23 сентября 723 года). „Мѣрность наша, писали въ этихъ грамотахъ восточные первосвятители патріархи Іеремія константинопольскій и Аѳанасій антіохійскій (іерусалимская патріаршая каѳедра вдовствовала въ это время за смертію патріарха), благодатію и властію всесвятаго и животворящаго и совершенноначальствующаго Духа укрѣпляетъ и утверждаетъ и обновляетъ и узаконяетъ... что опредѣленный въ россійскомъ святомъ великомъ царствѣ Синодъ есть и нарицается нашею во Христѣ братіею святою и священнымъ Синодомъ отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ священныхъ и людей начальствующихъ и подначальныхъ и отъ всякаго лица сановитаго и имѣетъ позволеніе совершати елика четыре апостольска святіи престолы, наставляетъ же, увѣщаваетъ и уста-

[69]) Ibidem.

вляетъ, да хранитъ и содержитъ непоползновенные обычаи и правила священныя вселенскихъ семи соборовъ и иная елико восточная св. церковь содержитъ и пребываетъ во всѣхъ весь непоползновенно“ [70]).

Послѣ сдѣланнаго нами краткаго изложенія исторіи учрежденія Святѣйшаго Синода, держась основной задачи нашего изслѣдованія, мы должны были бы разсмотрѣть проектируемый Духовнымъ регламентомъ строй жизни церковной въ связи съ устройствомъ государства, созданнымъ петровскими преобразованіями, показать, какія начала и формы внесены были въ этотъ строй подъ вліяніемъ создавшагося тогда государственнаго порядка, въ чемъ сохранена была при этомъ самобытность прежняго строя и жизни церковной и какія побудительныя причины могли заставить Петра ввести новую форму церковнаго правленія на Руси. Но прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію всѣхъ этихъ вопросовъ, мы необходимо должны сдѣлать характеристику и разборъ того историческаго памятника, который кладемъ въ основу нашего изслѣдованія.

Какъ памятникъ русскаго церковно-государственнаго законодательства, Духовный регламентъ прежде всего съ внѣшней своей стороны, со стороны изложенія рѣзко отличается какъ отъ соименныхъ съ нимъ историческихъ памятниковъ петровскаго времени, регламентовъ разныхъ другихъ учрежденій, такъ и вообще отъ законодательныхъ актовъ тогдашняго времени. Обращаясь къ разсмотрѣнію его содержанія, мы напрасно стали бы искать въ немъ спокойнаго и хладнокровнаго тона рѣчи, какой приличенъ канцелярскимъ уставамъ. Духовный регламентъ—это литературное произведеніе, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ отразились характерныя черты его автора. Живой и подвижной умъ составителя духовнаго регламента Ѳеофана Прокоповича, въ данномъ случаѣ (при составленіи регламента) особенно возбужденный, не могъ помириться съ тѣсными рамками сухаго оффиціальнаго законодательнаго предписанія. Въ Духовномъ регламентѣ виденъ живой человѣкъ, рѣзко опредѣляющій свои симпатіи и антипатіи, раздраженный своими противниками и преслѣдующій

---

[70]) Грамоты царя и патріарховъ помѣщены въ П. С. З. т. VII, 4310 № и изданы отдѣльнымъ изданіемъ 1860 года.

ихъ съ желчною язвительностію, безпощадно осуждающій все, что противорѣчитъ его убѣжденіямъ. Этою страстностію тона, которая повсюду разлита на страницахъ регламента, этою неспокойною рѣчью его автора объясняется и недостатокъ систематичности и частыя повторенія одного и того же и наконецъ неполнота, потребовавшая въ послѣдствіи многихъ дополненій. Этимъ объясняется также и то, что регламентъ, принятый церковною практикою для руководства, никогда не имѣлъ въ исторіи нашей церкви силы обязательнаго законодательнаго акта, никогда не имѣлъ дѣйствительнаго приложенія во всей своей широтѣ и подробностяхъ къ нашей церковно-исторической жизни.

Сличая Духовный регламентъ съ другими актами древне-русскаго церковно-государственнаго законодательства, находимъ, что въ основаніи его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго управленія, которыя опредѣлены уже отчасти въ Священномъ Писаніи, но раскрыты главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ православной вселенской церкви и которыя были приняты во всей силѣ и нашею русскою церковью и всегда считались у насъ необходимымъ условіемъ истинно-православной церковной жизни. Въ оглавленіи, которое придано было регламенту Ѳеофаномъ, мы читаемъ: „управленія основаніе, то-есть Законъ Божій, въ Священ. Писаніи предложенный, такожъ каноны или правила соборныя святыхъ отецъ, и уставы гражданскіе, слову Божію согласные, собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются". Впрочемъ, несмотря на поставленное сейчасъ замѣчаніе, авторъ регламента въ очень многихъ параграфахъ своего труда въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно и изъ правилъ отцовъ и учителей церкви вселенской и даже изъ самаго Священнаго Писанія. Иногда не приводя самаго текста тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, онъ замѣчаетъ вообще что „суть каноны" (т.-е. каноническія правила) запрещающія епископу напр. или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайшихъ источниковъ, которые легли въ основу Духовнаго регламента, то разбирая его, не трудно примѣтить, что автору его небезъизвѣстны были памятники и древне-русскаго церковнаго законодательства и онъ нерѣдко ими поль-

зовался, какъ готовымъ и уже вполнѣ обработаннымъ матеріаломъ. Нѣкоторыя опредѣленія напримѣръ Стоглаваго собора и соборовъ позднѣйшихъ регламентомъ повторяются почти съ буквальною точностію. Таковы особенно постановленія о монашествѣ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ и власти епископовъ и нѣкоторыя другія. На ряду съ правилами русскихъ церковныхъ соборовъ въ основаніе регламента легли и тѣ памятники, которые были первоисточниками древне-русскаго церковнаго законодательства съ самаго начала принятія нами христіанства. Мы разумѣемъ Номоканонъ и Кормчую книгу. Постановленія послѣдней, т.-е. Кормчей книги авторъ регламента приводитъ иногда прямо, иногда же какъ напримѣръ послѣ изложенія правилъ о монашествѣ, просто лишь заявляетъ, что де „многая о сихъ обрѣтаются въ книгѣ Кормчей“. Такъ духовный регламентъ, какъ актъ законодательства церковнаго, въ своей основѣ держится всѣхъ тѣхъ источниковъ и признаетъ ихъ важность и значеніе, кои всегда считались нашею церковью за источники опредѣляющіе церковное право. Но помимо этихъ церковныхъ источниковъ въ регламентѣ живо отразился духъ и характеръ современнаго ему гражданскаго, государственнаго законодательства. И съ этой стороны регламентъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ русской церкви. Вотъ почему регламентъ является памятникомъ сколько церковнаго, столько и государственнаго законодательства. Такъ прежде всего за образецъ при составѣ новаго устава церкви брались несомнѣнно раньше его появившіеся регламенты разныхъ гражданскихъ учрежденій. Вліяніе гражданскаго государственнаго законодательства отразилось въ Духовномъ регламентѣ настолько, что авторъ его не счелъ нужнымъ писать даже особыхъ правилъ о порядкѣ отправленія дѣлъ въ устанавливаемой имъ духовной коллегіи, замѣтивъ, что образцемъ въ этомъ отношеніи для дѣятельности коллегіи долженъ служить такъ-называемый генеральный регламентъ.

ГЛАВА II.

Церковноадминистративныя реформы Петра Великаго — центральныя и областныя со времени учрежденія Синода.

Со стороны своего содержанія Духовный регламентъ, какъ мы уже имѣли случай о томъ замѣтить, представляетъ изъ себя особенный интересъ прежде всего въ томъ отношеніи, что онъ есть учредительный актъ новой формы церковнаго правленія. Вводя послѣднюю, регламентъ прежде всего старается въ первой своей части дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе ея и выставить тѣ соображенія, въ силу которыхъ она признана была необходимою; во второй части онъ очерчиваетъ кругъ дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію духовной коллегіи и наконецъ въ третьей, по его выраженію, онъ опредѣляетъ „должность, дѣйство и силу“ ея членовъ. Во всѣхъ означенныхъ пунктахъ, относящихся до устройства новой формы церковнаго правленія, уставъ является, какъ извѣстно, невполнѣ удовлетворительнымъ ни съ точки зрѣнія полноты, ни съ точки зрѣнія ясности. Это особенно нужно имѣть въ виду при разсмотрѣніи тѣхъ параграфовъ устава, коими опредѣляется регламентація дѣлъ или предметовъ вѣдомства новаго высшаго церковно-административнаго учрежденія. Вотъ почему и Синоду въ его первоначальной дѣятельности во многихъ случаяхъ представлялось широкое поле для дѣятельности произвольной.

Первый вопросъ, который подлежитъ нашему вниманію при разсмотрѣніи регламента, есть вопросъ объ устройствѣ вводимой имъ новой формы высшаго церковнаго управленія. Для того, чтобы по возможности яснѣе и отчетливѣе представить себѣ, какая перемѣна произошла въ устройствѣ и характерѣ высшаго церковнаго управленія по Духовному регламенту и законодательству Петра его сопровождавшему, чтобы затѣмъ дать отвѣтъ на вопросъ о связи церковно-административныхъ преобразованій Петра съ реформами его въ государственномъ управленія, о сходствѣ или тожествѣ началъ, какія проводились преобразователемъ въ томъ и другомъ управленіи, намъ прежде всего необходимо остановиться нѣсколько и бросить бѣглый взглядъ на дѣйствовавшій въ древней Руси порядокъ церковнаго управленія и отмѣтить вмѣстѣ съ этимъ существовавшія тогда отношенія между государственнымъ и церковнымъ управленіемъ. Этимъ путемъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности уяснимъ себѣ происхожденіе реформъ, произведенныхъ Петромъ въ церковномъ управленіи.

Когда хотятъ отвѣчать на вопросъ о томъ, какая перемѣна произошла въ устройствѣ и положеніи нашей церкви со времени Петровской реформы, то отвѣтъ этотъ въ краткихъ словахъ очень нерѣдко формулируютъ приблизительно такъ: „Петръ Великій ввелъ отечественную церковь въ общій порядокъ государственной жизни". Такому отвѣту обыкновенно всегда предшествуетъ представленіе о томъ, что въ древній до-петровскій періодъ своего существованія церковь у насъ всегда занимала самостоятельное, почти ни въ чемъ независимое отъ государства положеніе, что она была „status in statu" и какъ бы особымъ государствомъ въ государствѣ. Такъ какъ такое представленіе основывается лишь на поверхностномъ взглядѣ на положеніе древне-русской церкви, то оно съ перваго раза можетъ казаться справедливымъ. Древне-русская до-петровская церковь потому главнымъ образомъ представляется по своему положенію малозависимою отъ государства и какъ бы составляющею status in statu, что на ней въ означенный періодъ времени ея историческаго существованія лежало чрезвычайно много, помимо чисто церковныхъ, духовныхъ,—еще государственно-матеріальныхъ обязанностей. Получивъ свое первое бытіе отъ церкви греческой, руководствуясь въ своемъ управленіи законными книгами по-

слѣдней, русская церковь вмѣстѣ съ этимъ получила отъ своихъ православныхъ государей тѣ же права и тотъ же кругъ дѣйствій, какія имѣла церковь греческая. Но при этомъ, такъ какъ положеніе Россіи было во многомъ отлично отъ положенія греческой имперіи, то естественно и само собою понятно, что и постановленія греческаго законодательства будучи примѣняемы въ Россіи, не могли остаться безъ измѣненій сокращеній или распространеній. Впрочемъ, что касается собственно вѣдомства церковной власти, то уже самыми первыми законодательными нашими актами, опредѣлявшими положеніе церкви, оно распространяется гораздо далѣе тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно заключалось у грековъ. Въ своемъ развитіи дальнѣйшемъ область церковной юрисдикціи частнѣйшимъ образомъ расширялась и слагалась постепенно. Здѣсь мы попытаемся въ самомъ общемъ очеркѣ показать, какими границами очерчивался кругъ церковнаго вѣдомства въ древней до-петровской Руси. Дѣлаемъ это для того, чтобы яснѣе была видна перемѣна, произведенная въ этой области Петромъ.

Съ самаго начала бытія русской церкви въ вѣдомствѣ ея легко замѣтить распаденіе круга дѣлъ на два разряда, изъ коихъ одинъ составляли дѣла собственно церковныя въ строгомъ смыслѣ этого слова и другой дѣла гражданскія. Къ первому разряду относились дѣла, касавшіяся внутренняго управленія церковію, разрѣшеніе сомнительныхъ случаевъ и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ къ нему относящихся, духовное обличеніе и наказаніе нарушителей законовъ церкви. Сюда же должно быть отнесено и охраненіе гражданскихъ правъ, получаемыхъ церковію отъ мірской власти съ самаго начала утвержденія церкви на Руси. Права этого послѣдняго рода, какъ извѣстно, были чрезвычайно широки и разнообразны. Однимъ изъ самыхъ первыхъ и притомъ едва ли не самыхъ важныхъ дѣлъ церковнаго вѣдомства означеннаго нами втораго разряда, были различныя дѣла по гражданскому управленію. Во всѣ періоды нашей древней церковноисторической жизни, какъ извѣстно, духовенство являлось у насъ сословіемъ, имѣвшимъ величайшее вліяніе на всѣ дѣла гражданскаго управленія, особенно же представители его высшія церковно-іерархическія лица. Наша церковная исторія полна примѣрами, изъ которыхъ видно самое живое и прямое участіе нашего духовенства въ дѣлѣ споспѣше-

ствованія цѣлямъ государственнымъ. Въ особенности XVII столѣтіе представляетъ множество примѣровъ участія духовной власти въ дѣлахъ государственныхъ [1]). Помимо прямаго и непосредственнаго участія, которое время отъ времени представители церкви принимали въ дѣлахъ гражданскихъ съ самаго начала утвержденія у насъ христіанства, въ вѣдомство церкви поступилъ широкій и разнообразный кругъ дѣлъ чисто гражданскаго характера. Это были дѣла юридическаго преимущественно характера. Такъ съ самаго начала введенія у насъ христіанства подъ защиту церкви были приняты всѣ лица, которыя, какъ замѣчаетъ Неволинъ, „въ прежнія времена или совсѣмъ непользовались покровительствомъ законовъ или пользовались имъ только несовершенно“ [2]). Къ числу такихъ лицъ особенно принадлежали дѣти, женщины, престарѣлые родители, рабы. Особенно судьба послѣднихъ является тѣсно связанною съ церковію во всѣ періоды ея историческаго существованія. На ряду съ сейчасъ указанными классами лицъ, находившихся подъ покровительствомъ церкви, такого же покровительства или прямой защиты церкви нерѣдко искали для себя лица обвиняемыя въ разнаго рода преступленіяхъ; нерѣдко также наоборотъ и сама церковь, какъ извѣстно, принимала на себя ходатайство предъ мірскимъ правительствомъ за преступниковъ или за людей обвиняемыхъ въ преступленіи. Помимо этихъ такъ-сказать особливыхъ случаевъ юридическая власть древне-русской церкви широко распростиралась надъ лицами всѣхъ безъ исключенія состояній. Прежде всего издавна суду церковному у насъ подлежали дѣла семейныя въ самомъ обширномъ ихъ значеніи. Таковыми были дѣла союза супружескаго, дѣла союза родителей и дѣтей, дѣла союза родоваго, дѣла опеки, дѣла по наслѣдству и прочія дѣла, вытекавшія изъ семейныхъ отношеній. Послѣ этихъ дѣлъ гражданскаго характера суду церковному подлежало множество дѣлъ уголовныхъ надъ лицами всѣхъ состояній. Преступленія этого послѣдняго рода могутъ быть сгруппированы по слѣдующимъ группамъ: 1) преступленія противъ вѣры, 2) преступленія противъ чистоты нравовъ, 3) преступленія противъ

---

[1]) Полн. собр. соч. т. VI, стр. 323.

[2]) Ibid. стр. 330—331.

союза семейнаго, 4) преступленія противъ личности ближняго, 5) преступленія противъ имущества ближняго. Если лица всѣхъ вообще состояній подвѣдомственны были по извѣстному сейчасъ обозначенному нами кругу преступленій суду церковному, то естественно ожидать еще болѣе широкаго распространенія этого суда надъ лицами собственно духовнаго вѣдомства. Къ этому послѣднему разряду въ нашей древней церкви, какъ извѣстно, принадлежали: 1) лица духовнаго званія; 2) міряне по особенному ихъ отношенію къ церкви причислявшіеся къ церковнымъ людямъ; 3) лица жившія на земляхъ духовнаго вѣдомства и дворовые люди этого вѣдомства. Лица духовнаго званія подлежали суду церковной власти за проступки: а) по должностямъ, соединеннымъ съ саномъ тѣхъ, которые имѣли его; б) по тяжбамъ и искамъ гражданскимъ; в) по дѣламъ уголовнымъ. Къ людямъ подсуднымъ церковной власти причислялись еще нѣкоторые міряне, находившіеся въ близкомъ отношеніи къ церкви и ея установленіямъ. Уставомъ Владиміра къ этому разряду лицъ причисляются: лѣчецъ, прощенникъ, задушной человѣкъ и всѣ люди жившіе въ монастыряхъ, больницахъ, гостинницахъ, странноприимницахъ, разумѣется, церковныхъ, а также паломникъ, сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ. По смыслу и позднѣйшихъ памятниковъ опредѣлявшихъ пространство церковнаго суда надъ мірянами, стоявшими въ особенно близкомъ отношеніи къ церкви, къ числу такихъ мірянъ относились лица обозначенныя Владиміровымъ уставомъ [3]). Наконецъ церковный судъ въ древней Руси распространялся надъ лицами жившими на земляхъ духовнаго вѣдомства и дворовыми людьми этого вѣдомства. Обыкновенно почти всегда вмѣстѣ съ пожалованіемъ земель отъ власти гражданской всегда жаловалось духовенству и право судить живших на ней людей; впрочемъ оно иногда было жалуемо и независимо отъ пожалованія земли. Право суда относилось здѣсь не только къ дѣламъ гражданскимъ, но и къ дѣламъ уголовнымъ, обыкновенно, хотя не всегда исключались отъ него только дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и воровствѣ. Помимо дѣлъ юридическаго свойства гражданскаго характера въ вѣдомствѣ древне-русской церкви заключалось немалое количество и другихъ дѣлъ, кото-

[3]) Собр. соч. Невол. т. V, стр. 376.

рыя съ теченіемъ времени перешли въ вѣдомство власти гражданской, какъ ближе относящіяся къ послѣдней по своимъ свойствамъ. Таковыми прежде всего были дѣла общественной благотворительности въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Не только церковь и духовенство своими увѣщаніями возбуждали проявленіе общественной и частной благотворительности въ обществѣ, не только указывали направленіе для той и другой, но обыкновенно принимали подъ свое непосредственное попеченіе и самыя благотворительныя заведенія.

Такими широкими границами захватывался кругъ церковнаго вѣдомства въ древней Руси. Разсматривая его, мы находимъ, что въ его составѣ былъ цѣлый рядъ дѣлъ чисто гражданскаго нецерковнаго характера. Соприкасаясь тѣсно кругомъ своего вѣдомства съ государственною гражданскою жизнью, древне-русская до-петровская церковь соприкасалась съ нею еще тѣснѣе устройствомъ внѣшнихъ формъ своего управленія.

Извѣстно, что существенныя черты церковнаго управленія, опредѣленныя уже отчасти въ священномъ Писаніи, но раскрытыя главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ православной церкви, были приняты во всей силѣ и нашею русскою церковью и всегда считались у насъ необходимымъ условіемъ истинно православной церковной жизни. Такъ что касается высшаго церковнаго управленія, то оно съ самаго начала бытія русской церкви сосредоточено было во власти собора іерарховъ русскаго духовенства и въ лицѣ сначала митрополитовъ, а потомъ патріарховъ. Въ древній, до-петровскій періодъ существованія отечественной церкви соборная форма правленія была, какъ извѣстно, временною, вызывавшеюся большею частію тѣми или другими обстоятельствами церковной жизни, которыя по обыкновенному порядку церковнаго дѣлопроизводства надлежало разрѣшать посредствомъ собора. Вотъ почему у насъ никогда не были съ точностію опредѣлены какъ всѣ предметы церковнаго управленія долженствовавшія подлежать соборнымъ опредѣленіямъ, такъ равно и самое время созванія соборовъ. Постоянную силу и значеніе въ тогдашнемъ устройствѣ такой соборной церковной администраціи издавна получило лишь одно правило, въ силу котораго опредѣленія соборовъ получали свою силу не иначе какъ

по царскому ихъ утвержденію, такъ какъ самъ царь нерѣдко и предсѣдательствовалъ тогда на соборѣ и ему же часто принадлежала инициатива созванія послѣднихъ. Обыкновенными же текущими дѣлами церкви завѣдывала постоянная высшая церковная администрація въ лицѣ до 1589 года митрополита московскаго, а съ конца XVI столѣтія въ лицѣ всероссійскаго патріарха. Внѣшній порядокъ управленія дѣлами церкви какъ при верховномъ архипастырѣ, такъ равно и при епархіальныхъ архіереяхъ организовался постепенно. Эта его организація во весь до-петровскій періодъ слагалась подъ сильнымъ и замѣтнымъ вліяніемъ управленія государственнаго. Извѣстно, что до самаго почти начала XVII вѣка въ основѣ какъ центральнаго высшаго церковнаго управленія, такъ равно и низшаго епархіальнаго лежалъ частно владѣльческій характеръ, на которомъ основывалось и древнее гражданское княжеское управленіе [4]). Выраженіемъ такого порядка служилъ многочисленный штатъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, совмѣщавшихъ въ себѣ въ одно и тоже время обязанности домашнихъ слугъ архіерея и вмѣстѣ обязанности епархіальныхъ чиновниковъ. Когда въ теченіе XV и XVI вѣковъ государственная жизнь, подъ вліяніемъ которой слагался такой порядокъ церковнаго управленія, измѣнилась и на мѣсто прежняго частно владѣльческаго княжескаго управленія сталъ постепенно выдвигаться государственный порядокъ съ цѣлою сѣтью правительственныхъ учрежденій правильно болѣе или менѣе организованныхъ, между которыми раздѣлены были всѣ области государственнаго управленія, то это измѣненіе оказало рѣшительное вліяніе и на внѣшнія формы церковнаго управленія. У носителей высшей церковной власти явилось желаніе, возбужденное и чисто церковными (учрежденіе патріаршества) и политическими обстоятельствами, управлять всею русскою церковью чрезъ точно такія же учрежденія, чрезъ какія совершалось царское управленіе. Центральными органами гражданскаго управленія въ XVI столѣтіи въ московскомъ государствѣ были такъ-называемые приказы, существованіе которыхъ очень древне и впервые отмѣчено княжескимъ судебникомъ. И порядокъ управленія дѣлами церкви въ послѣдній

[4]) Сочин. Каптерева свѣтскіе архіер. чиновники.

предъ временемъ учрежденія Синода періодъ, въ періодъ управленія патріаршаго выразился въ формѣ приказовъ, устроенныхъ по образцу гражданскихъ государственныхъ приказовъ. Общія черты этого порядка за означенный періодъ времени можно представлять себѣ приблизительно въ такомъ видѣ. Верховный правитель церкви, содержа въ своихъ рукахъ главное управленіе церковными дѣлами, имѣлъ своимъ помощникомъ жившаго въ Москвѣ владыку сарскаго и подонскаго. Въ позднѣйшее время постановлено было, чтобы въ епархіи его находилось нѣсколько такихъ подвластныхъ ему епископовъ. Широкій кругъ дѣлъ по управленію дѣлами церкви сосредоточенъ былъ при немъ въ церковныхъ приказахъ. Такихъ приказовъ въ XVII столѣтіи было нѣсколько. Такъ, прежде всего въ числѣ ихъ былъ такъ-называемый *патріаршій разрядъ*, который былъ какъ бы центромъ всего церковнаго управленія и разнообразные предметы вѣдомства котораго нами уже перечислены. Рядомъ съ этимъ центральнымъ приказомъ для надзора за благочиніемъ въ церквахъ и поведеніемъ духовенства при патріархахъ существовалъ *приказъ церковныхъ дѣлъ*, значеніе котораго точно также простиралось на всю русскую церковь. Непродолжительный промежутокъ времени (1668 по 1675 г.) при патріархѣ съ такимъ же общецерковнымъ значеніемъ существовалъ *патріаршій духовный приказъ*, имѣвшій своею исключительною обязанностію судить все духовенство какъ бѣлое, такъ и черное во всѣхъ дѣлахъ [5]). Наконецъ Уложеніе царя Алексѣя придало самостоятельное существованіе такъ-называемому монастырскому приказу, учрежденному ранѣе изданія Уложенія. Таковы были приказныя учрежденія при первосвятителѣ церкви, кругъ вѣдомства которыхъ обнималъ собою предѣлы всей русской церкви. Къ нимъ нужно присоединить еще тѣ приказныя учрежденія, значеніе которыхъ не простиралось на всю церковь, а ограничивалось болѣе узкою сферою управленія. Это были тѣ патріаршіе приказы, въ вѣдомствѣ которыхъ состояло управленіе патріаршимъ дворомъ въ самомъ широкомъ, тогдашнемъ смыслѣ этого слова. Сюда относился такъ-называемый казенный патріаршій приказъ, завѣдывавшій различными сборами посту-

---

[5]) Свѣт. арх. чин. Капт. стр. 214—215.

павшими въ казну патріаршую. Недвижимыми имуществами, населенными и ненаселенными людьми принадлежавшими патріарху, управляло вѣдомство такъ-называемаго патріаршаго двора. Здѣсь же былъ даваемъ судъ на патріаршихъ людей приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ, крестьянъ и вообще на всѣхъ людей, жившихъ въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ. Наконецъ патріаршій судный приказъ вѣдалъ патріаршіе и монастырскіе излишніе доходы и сборы съ раскольниковъ, которые должны были обращаться на содержаніе больницъ, богадѣленъ, сиротскихъ домовъ и училищъ.

Такъ устроена была сфера высшаго церковнаго управленія въ до-синодальный періодъ исторіи нашей церкви. По принципу въ ней всегда строго соблюдался и уважался порядокъ соборнаго правленія, приложеніе котораго на практикѣ имѣло мѣсто по различнымъ обстоятельствамъ только лишь въ случаяхъ особливой важности и необходимости. Обыкновенный же всегдашній порядокъ высшаго церковнаго управленія сосредоточенъ былъ въ рукахъ сначала митрополитовъ, а потомъ патріарховъ всероссійскихъ. Порядокъ отправленія различныхъ церковныхъ дѣлъ при нихъ былъ устроенъ по образцу гражданскаго государственнаго порядка и развивался параллельно съ развитіемъ послѣдняго. Управленіе это подъ высшимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ самого архипастыря церкви распредѣлено было между различными вѣдомствами, обнимавшими подъ именемъ патріаршихъ приказовъ тотъ или другой кругъ дѣлъ.

Въ своей дѣятельности по преобразованію администраціи Петръ, говоря вообще, стремился съ самаго начала этой дѣятельности къ тому, чтобы изъ безчисленнаго множества административныхъ учрежденій старой Руси создать болѣе крупныя, значительно ограниченныя числомъ административныя учрежденія, сгруппировавъ въ нихъ съ возможною систематичностію дѣла прежняго управленія. Мысль, которую имѣлъ при этомъ въ виду преобразователь, состояла въ томъ, чтобы установить болѣе легкій контроль за управленіемъ. Въ этихъ цѣляхъ за лучшее средство при организаціи администраціи признанъ былъ Петромъ принципъ коллегіальности и потому слабыя зачатки коллегіальности, которыя можно было подмѣчать въ устройствѣ администраціи

XVI—XVII вв. имъ были широко развиты и проведены сверху до низу какъ въ гражданской, такъ равно и въ церковной администраціи съ тою только разницею, что въ устройствѣ первой принципъ коллегіальности проведенъ былъ съ гораздо большею послѣдовательностію. Это замѣчаніе впрочемъ имѣетъ мѣсто при сопоставленіи только лишь низшей или областной гражданской администраціи съ епархіальною или низшею церковною администраціею, какъ это мы сейчасъ и увидимъ при разсмотрѣніи свойствъ новаго административнаго порядка.

Коллегіальное начало церковнаго управленія, выраженное въ Духовномъ регламентѣ, раньше времени учрежденія духовной коллегіи было проведено Петромъ въ сферу гражданской администраціи. Здѣсь оно выразилось прежде всего въ устройствѣ центральнаго государственнаго управленія въ формѣ Сената и коллегій. Высшее центральное государственное учрежденіе—правительствующій Сенатъ, обязанное своимъ происхожденіемъ чисто внѣшней случайности—необходимости „частыхъ отлучекъ" царя изъ столицы, во все продолженіе царствованія своего творца подвергалось неоднократно различнымъ измѣненіямъ въ своемъ устройствѣ большею частію благодаря случайнымъ же внѣшнимъ причинамъ, благодаря тому, что энергическій преобразователь нерѣдко допускалъ промахи и несообразности въ своихъ распоряженіяхъ и „многое неосмотря дѣлалъ". Въ первое время по его учрежденіи въ Сенатѣ велѣно было засѣдать тѣмъ же думскимъ сановникамъ, которые засѣдали и въ ближней канцеляріи. При рѣшеніи дѣлъ, какъ это было введено въ ближней канцеляріи всѣ сенаторы имѣли равные голоса, точно также, какъ и всѣ они должны были собственноручно подписывать и сенатскіе приговоры. Дѣла рѣшались здѣсь въ первое время единогласіемъ и несогласіе одного сенатора дѣлало сенатскій приговоръ недѣйствительнымъ; но не согласившійся сенаторъ обязанъ былъ дать протестацію за своею рукою на письмѣ, т.-е. протестъ долженъ былъ быть чѣмъ-нибудь мотивированъ, а не быть слѣдствіемъ одного лишь упрямства, каприза. Впрочемъ указомъ 714 года апрѣля 4 введено было рѣшеніе дѣлъ въ Сенатѣ по большинству голосовъ, что естественно должно было быть наиболѣе удобнымъ и сообразнымъ съ дѣятельностію Сената тогдашняго времени. Всѣ дѣла поступающія на рѣшеніе въ Сенатъ, къ какой

бы сферѣ они ни принадлежали, поступали сначала въ сенатскую канцелярію къ оберъ-секретарю, который и давалъ уже имъ дальнѣйшее движеніе. Если по дѣлу не требовалось какой-нибудь справки, то оно могло быть прямо доложено Сенату; если же дѣло требовало справки, то оберъ-секретарь обыкновенно дѣлалъ на немъ помѣту. Дѣла, подготовленныя канцеляріей къ сенатскому докладу, докладывались оберъ-секретаремъ по реэстру, по старшинству ихъ поступленія. Послѣ выслушанія дѣла рѣшенію его обыкновенно предшествовала подача сенаторами мнѣній начиная съ низу [6]). Таково въ общемъ было устройство Сената и таковъ порядокъ отправленія дѣлъ въ немъ, надъ описаніемъ котораго мы позволили себѣ остановиться нѣсколько долѣе потому, что такому же точно порядку въ отправленіи своей дѣятельности долженъ былъ слѣдовать и святѣйшій Синодъ, такъ какъ источникомъ для руководства того и другаго учрежденія служилъ одинъ и тотъ же такъ-называемый генеральный регламентъ. Подлѣ сената поставлены были въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчиненныя ему центрально-административныя учрежденія коллегіи. Устройство ихъ въ общемъ напоминало собою устройство Сената. Въ декабрѣ 717 года изданъ былъ Петромъ указъ о штатѣ коллегій и о времени открытія оныхъ. По этому штату каждая изъ десяти коллегій состояла изъ одиннадцати членовъ: президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ коллегіи и четырехъ ассессоровъ. У каждой коллегіи положено было быть своей особой канцеляріи, которая управлялась коллежскимъ секретаремъ съ нотаріемъ, актуаріемъ, регистраторомъ и переводчикомъ. Первоначально Петръ старался имѣть въ каждой коллегіи по одному или больше свѣдущихъ иностранцевъ. Вотъ почему на должность вице-президента въ коллегію Петръ почти всегда назначалъ иностранца. Наприм. въ коллегіи иноземской президентомъ былъ графъ Головинъ, вице-президентомъ баронъ Шафировъ—крещеный еврей; воинская коллегія—президентъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, вице-президентъ нѣмецъ Вейдэ. Только въ бергъ-коллегію требовавшую больше всего спеціальныхъ знаній и президентомъ былъ назначенъ иностранецъ химикъ и знатокъ своего дѣла генералъ Брюсъ. По ука-

---

[6]) Петровскій о Сенатѣ при Петрѣ, стр. 44 и др.

замъ Петра коллегіи должны были рѣшать всякія дѣла большинствомъ голосовъ и это производило ихъ отличіе отъ Сената, гдѣ по крайней мѣрѣ первоначально установлено было рѣшеніе дѣлъ по единогласію.

Внѣшнія черты устройства духовной коллегіи по Духовному регламенту и сопровождавшему его законодательству опредѣлились почти во всемъ примѣнительно къ государственнымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ. Такъ, прежде всего по отношенію къ личному составу духовной коллегіи Духовнымъ регламентомъ цѣликомъ проводится тоже начало, которое Петръ старался провести въ организацію свѣтскихъ государственныхъ учрежденій. Тѣже иностранныя названія членовъ, тѣ же условія избранія, то же безразличіе по отношенію іерархическихъ степеней, равно какъ и въ правѣ подачи голоса. Духовная коллегія по регламенту должна была состоять изъ „двѣнадцати правительствующихъ особъ“ или членовъ изъ лицъ разныхъ чиновъ—архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ игуменовъ и другихъ. Въ числѣ этихъ правительствующихъ особъ непремѣнно должны были быть три архіерея, а прочихъ чиновъ лицъ, т.-е. игуменовъ, протопоповъ и другихъ „сколько достойныхъ сыщется“ для замѣщенія должности членовъ въ Синодѣ. Въ полное соотвѣтствіе государственнымъ гражданскимъ коллегіямъ преобразователь называетъ членовъ духовной коллегіи иностранными именами, распредѣливъ эти имена также, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ: одинъ президентъ, два вице-президента, четыре совѣтника и пять ассесоровъ. Спустя пять лѣтъ по учрежденіи духовной коллегіи въ 726 г. эти иностранныя названія ея членовъ были замѣнены болѣе приличными для назначенія коллегіи именами первоприсутствующаго, членовъ Синода и присутствующихъ въ Синодѣ [7]). При составѣ членовъ духовной коллегіи законодатель больше всего заботился о томъ, чтобы дать возможно большее обезпеченіе свободы дѣйствій этихъ членовъ коллегіи. Съ этою цѣлію при организаціи состава коллегіи онъ предписываетъ правило, чтобъ архимандриты и протопопы „не были въ чину сего собранія, которые подручны суть нѣкоторому архіерею въ семъ же собраніи обрѣтающемуся“, т.-е. не должны

[7]) Истор. русской церкви Филарета, т. V, стр. 3.

быть въ Синодѣ въ качествѣ членовъ въ одно и то же время лица подначальныя съ своимъ епархіальнымъ архіереемъ, ибо въ противномъ случаѣ подчиненные всегда будутъ склоняться на сторону начальника „архимандритъ или протопопъ будетъ непрестанно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой преклоненъ есть епископъ его, къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ преклоненъ будетъ“. Такимъ образомъ составъ духовной коллегіи изъ разно-епархіальныхъ духовныхъ лицъ по мысли регламента долженъ былъ имѣть своею цѣлію большую свободу дѣятельности лицъ входившихъ въ него. Президенту духовной коллегіи регламентомъ усвояется голосъ совершенно равный съ прочими членами коллегіи и онъ „подлежати имать суду своея братіи, сіесть тойжде коллегіи, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ“, какъ гласилъ царскій манифестъ объ учрежденіи духовной коллегіи. Имя „президентъ“ старается объяснить въ другомъ мѣстѣ регламентъ, отнюдь не содержитъ въ себѣ какихъ-нибудь преимуществъ, которыя бы усвоялись лицу, носящему это имя. Имя это „не гордое есть“, оно не иное что означаетъ собою, какъ только „предсѣдателя“ духовной коллегіи, поэтому и лицо носящее этотъ простой и скромный титулъ не можетъ и не должно „помышлять о себѣ высоко“. Да еслибы наконецъ это лицо и пожелало гордиться носимымъ имъ именемъ, то такое его желаніе едва ли пошло бы дальше простаго желанія, потому что при своемъ проявленіи вовнѣ нигдѣ не находило бы для себя фактической опоры. „На президентѣ духовной коллегіи, объясняетъ регламентъ, нѣтъ великія и народъ удивляющія славы, нѣтъ лишнія свѣтлости и позора, а потому ни самъ онъ, еслибы пожелалъ, не можетъ возноситься безмѣрными похвалами, ни „ласкатели“ его не могутъ этого сдѣлать, потому что не имѣютъ нужныхъ для достиженія цѣли средствъ въ своемъ распоряженіи.

Такъ долженъ былъ быть устроенъ по Духовному регламенту первоначальный персоналъ состава духовной коллегіи. Подробнѣе этотъ личный составъ коллегіи опредѣленъ былъ послѣдовавшимъ вслѣдъ за регламентомъ церковно-гражданскимъ законодательствомъ.

Особыми какими-либо преимуществами члены Синода не пользовались. Архіереямъ засѣдавшимъ въ немъ предоставлено было

право носить митры съ крестомъ на верху [8]), а архимандритамъ въ званіи совѣтниковъ золотые кресты [9]). Нельзя смотрѣть, какъ на особое преимущество членовъ Синода на то обстоятельство, что ихъ монастыри и вотчины подчинены были непосредственно самому Синоду [10]). Это было сдѣлано лишь для удобства, какъ видно изъ распоряженій Синода на этотъ счетъ [11]). Кромѣ того это непосредственное подчиненіе Синоду вотчинъ синодальныхъ членовъ сдѣлано было съ цѣлью избавить подчиненныхъ синодальнымъ членамъ отъ тѣхъ непріятностей и тягостей, какія имъ могли наносить въ отсутствіе ихъ посылаемые отъ монастырскаго приказа „посыльщики“ [12]). Позднѣйшимъ указомъ отъ 18 января 727 года членамъ Синода положено жалованье въ такихъ размѣрахъ: президенту 3000 р. вице-президентамъ по 2500 р., совѣтникамъ по 1000 р., ассесорамъ—600 р. Исключеніе было сдѣлано только для ассесора грека іерея Анастасія Кондоиди, которому за вѣрную его императорскому величеству будущую въ Цареградѣ при полномочномъ послѣ господинѣ Толстомъ его службу „государь указалъ давать жалованье наравнѣ съ синодальными совѣтниками. „Сія дача, говорилось въ указѣ о жалованьѣ синодальнымъ членамъ, имѣетъ съ тѣмъ, что они могутъ получить изъ своихъ мѣстъ, а именно: архіереи съ епархій, архимандриты съ монастырей, а протопопы съ ихъ жалованья“.

Предъ вступленіемъ въ отправленіе своей должности члены Синода или, какъ говоритъ регламентъ „всякъ коллегіатъ какъ призидентъ, такъ и прочіе“ должны были принести присягу, въ которой они даютъ обѣщаніе какъ относительно справедливо честнаго выполненія своихъ обязанностей по ввѣренному имъ управленію, такъ и относительно строгаго соблюденія интересовъ государственныхъ. Въ первомъ отношеніи „подъ именнымъ штрафомъ анафемы и тѣлеснаго наказанія“ „они обѣщаются искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды“ „и посту-

[8]) Чистовичъ Ѳ. Прок. стр. 88.

[9]) Ibid. стр. 93.

[10]) Опис. докум. и дѣл. арх. Св. Син. т. I, № 481; П. С. П. и Р. т. I, № 8.

[11]) П. С. П. и Р. т. I, № 196, стр. 217.

[12]) Тамъ же.

[13]) П. С. З. т. IV, № 3, 712.

вать во всемъ по написаннымъ въ духовномъ регламентѣ уставамъ и впредь могущимъ послѣдовать дополнительнымъ къ нимъ опредѣленіямъ". Въ случаѣ же, еслибы въ чемъ-нибудь явилось недоразумѣніе, то „коллегіатъ" долженъ искать всячески „уразумѣнія и вѣденія отъ св. писаній и правилъ соборныхъ и согласія древнихъ великихъ учителей, а не претворять своего невѣжества". Вмѣстѣ съ вѣрностію служенія назначенному дѣлу члены коллегіи даютъ клятву на вѣрность служенія царствующему государю и его преемникамъ, на то, чтобы съ „пожертвованіемъ своею собственною жизнію, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять все къ высокому его царскаго величества самодержавству силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя, доносить заблаговременно о ущербѣ его величества интереса, вредѣ и убыткѣ, строго содержать ввѣренныя тайны" и наконецъ члены Синода клятвенно должны были „исповѣдывать крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха". Эта подробная формула клятвы написана также, какъ и манифестъ объ учрежденіи Синода, несомнѣнно Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Указаніе на это даютъ слѣдующія замѣчательныя слова, написанныя въ концѣ клятвенныхъ обѣщаній: „кленуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія мною нынѣ обѣщаваемая неинако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ". Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ-называемой reservatio mentalis, какъ замѣчаетъ о ней г. Морозовъ, будетъ совершенно непонятною, если не признать въ ней тонкаго укора президенту Синода, Стефану Яворскому—укора, который конечно не могъ исходить ни отъ кого другаго, какъ именно отъ автора регламента. Оговорка эта въ связи съ тѣмъ извѣстіемъ, какое даетъ намъ авторъ „Молотка на камень вѣры" о поведеніи президента Синода относительно регламента, дѣлается совершенно понятною и нетребующею для себя никакого комментарія. Личный составъ духовной коллегіи, невполнѣ обозначенный регламентомъ ея, опредѣленъ былъ лишь позднѣйшими законодательными распоряженіями. Это опредѣленіе сложилось подъ вліяніемъ устройства свѣтскихъ

коллегіальныхъ учрежденій Сената и коллегій. При организаціи послѣднихъ учрежденій Петръ рѣзче всего кажется стремился проявить свое любимое правило—заботу объ отчетности. Онъ крѣпко держался здѣсь правила, „чтобы дѣла не на столѣ только вершились, но и самымъ дѣйствомъ по указамъ воспроизводились“. Въ этихъ видахъ созданный Петромъ центральный правительственный механизмъ былъ увеличенъ рано двумя контрольными учрежденіями—прокуратуры и фискалъ. Прокурорскій надзоръ былъ явнымъ административнымъ контролемъ. Петръ дѣлаетъ попытки къ установленію этого надзора въ Сенатѣ очень рано. Въ 15 году Петръ назначилъ въ Сенатъ съ званіемъ „генералъ-ревизора“ Зотова. Ему было приказано: „имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ сенаторы сидятъ и записывать указы и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть, чтобы все исполняемо было по указамъ“. Послѣ Зотова тѣ же обязанности надзора за сенаторами и порядкомъ сенатскихъ преній были поручены сенатскому оберъ-секретарю. Послѣдній долженъ былъ смотрѣть: „дабы въ Сенатѣ все было сдѣлано порядочно и суетныхъ разговоровъ, крику и прочаго не было“. Не задолго до учрежденія должности генералъ-прокурора эти обязанности въ Сенатѣ должны были отправлять гвардейскіе штабъ офицеры. По указу Петра они по очереди сидѣли въ Сенатѣ и смотрѣли, „чтобы дѣла шли правильно“; въ случаѣ неправостей должны были напоминать Сенату два раза, а въ третій доносить уже на сенаторовъ государю: „а ежели кто станетъ браниться или невѣжливо поступать, такого арестовать и отсылать въ крѣпость и намъ потомъ дать знать“. Но сознавая несостоятельность всѣхъ этихъ мѣръ относительно надзора въ Сенатѣ, Петръ въ 22 году высказываетъ неотложную потребность въ наискорѣйшемъ учрежденіи должности генералъ и оберъ-прокурора въ Сенатѣ и просто прокуроровъ по коллегіямъ, для того „въ сіи чины дается воля выбирать изъ всякихъ чиновъ, а особливо въ прокуроры понеже дѣло нужно есть [14]). Чрезъ шесть дней послѣ этого Петръ самъ назначилъ главу прокуроровъ Ягужинскаго и Скорнякова-Писарева его помощникомъ оберъ-прокуроромъ. Представитель государя въ Сенатѣ генералъ-прокуроръ долженъ былъ смотрѣть

---

14) П. С. З. № 3877.

здѣсь за порядкомъ веденія дѣлъ и поощрять къ правильному ихъ рѣшенію. Онъ по данной ему инструкціи обязанъ былъ всегда находиться въ Сенатѣ на самыхъ засѣданіяхъ и наблюдать, дабы Сенатъ должность свою хранилъ и какъ слѣдуетъ отправлялъ. Онъ руководитъ сенатскими преніями, не допуская сенаторовъ до излишнихъ разговоровъ и брани, для чего онъ вооруженъ тѣми же средствами, какія прежде были даны сенатскому оберъ-секретарю и офицерамъ гвардіи, присутствовавшимъ при Сенатѣ; а именно: генералъ-прокуроръ назначалъ по песочнымъ часамъ срокъ обсужденія вопроса, останавливалъ черезъчуръ пылкія мнѣнія, бралъ съ бранившихся сенаторовъ штрафъ, а въ нужныхъ случаяхъ доносилъ даже на нихъ государю. Генералъ-прокуроръ собственною властію могъ останавливать неправильныя, по его мнѣнію, опредѣленія Сената. По выбору своему онъ или даетъ новый срокъ для пересмотра дѣла или уже докладываетъ его царскому величеству.

Въ вѣденіи генералъ-прокурора находится и сенатская канцелярія. Всѣ рапорты и донесенія другихъ подчиненныхъ Сенату учрежденій идутъ не иначе какъ чрезъ канцелярію; слѣдовательно всегда дѣла проходятъ и чрезъ руки генералъ-прокурора. Наконецъ генералъ-прокуроръ долженъ былъ смотрѣть, чтобы сенатскія рѣшенія безъ замедленія достигали до мѣста своего назначенія. Какъ только тотъ или другой указъ былъ подписанъ сенаторами, генералъ-прокуроръ приводилъ въ движеніе всѣ подчиненные ему органы чрезъ экзекутора или съ особенными нарочными разсылалъ онъ указы по коллегіямъ и областнымъ административнымъ учрежденіямъ. Онъ имѣлъ у себя книгу, въ которой записывалъ въ одной графѣ время посылки указа, а въ другой время его исполненія. Генералъ-прокуроръ поддерживалъ наконецъ и законодательно-административную дѣятельность Сената и своимъ согласіемъ скрѣплялъ всѣ сенатскія рѣшенія, которыя безъ этого согласія оставались недѣйствительными [15]).

Должность генералъ-прокурора соединена была съ большою отвѣтственностію. Онъ былъ полнымъ представителемъ государя въ Сенатѣ: „чинъ сей, читаемъ въ генералъ-прокурорской инструкціи, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ

[15]) См. соч. Петровскаго о Сенатѣ при Петрѣ, гл. генер.-прок.

Предписанныя ему инструкціею обязанности прокуроръ долженъ былъ исполнять со всею строгостію „ибо первое на немъ взыскано будетъ".

Генералъ-прокуроръ Сената имѣлъ своими помощниками подчиненныхъ ему прокуроровъ въ коллегіяхъ и такъ-называемыхъ надворныхъ судахъ. Какъ генералъ-прокуроръ глава надзора, состоя при высшемъ государственномъ учрежденіи, есть „око государя", которому онъ и доноситъ о всякой замѣченной имъ неправильности и незаконности, такъ прокуроры, стоя на второй ступени іерархической лѣстницы, должны были быть „окомъ" генералъ-прокурора и ему доносить о всемъ ими замѣченномъ. Какъ первый въ Сенатѣ, такъ послѣдніе въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ смотрятъ, „чтобы не на столѣ только дѣла вершились, но чтобъ по онымъ самыя дѣйствія по указамъ, какъ скоро возможно исполнены были. Для этой цѣли они пользуются почти тѣми же средствами, какъ и генералъ-прокуроръ лишь съ нѣкоторыми ограниченіями противъ перваго въ правахъ [16]).

Институтъ прокуроровъ во главѣ съ сенатскимъ генералъ-прокуроромъ являлся явнымъ административнымъ контролемъ. Параллельно съ нимъ былъ поставленъ контроль тайный. Такой контроль данъ былъ преобразователемъ въ учрежденіи другаго института—фискаловъ. Учрежденіе фискаловъ относится ко времени учрежденія правительствующаго Сената. Опредѣляя кругъ дѣятельности Сената указомъ втораго марта 711 года, между прочими порученіями послѣднему Петръ поименовалъ и то, „чтобы учинить — фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ пришлется извѣстіе" [17]). Этимъ извѣстіемъ Петръ дѣйствительно и не замедлилъ. Указомъ отъ 5 марта того же года, опредѣляя порядокъ засѣданій и дѣлопроизводства въ Сенатѣ, Петръ между прочимъ указывалъ: „выбрать оберъ-фискала въ сенатъ человѣка умнаго и добраго" [18]). Должностью государственнаго фискала при Сенатѣ институтъ фискаловъ и начинался. Въ коллегіяхъ онъ продолжался званіемъ оберъ-фискала при государственной юстицъ-коллегіи и фискала при всѣхъ прочихъ коллегіяхъ. На

---

[16]) Тамъ же и соч. Градовскаго. Высшая админ. въ XVIII в.
[17]) П. С. З. т. IV, 2330 №.
[18]) Тамъ же 2331 №.

должность фискаловъ наказывалось избирать людей добрыхъ и правдивыхъ, „которые, имѣя добрую совѣсть предъ Богомъ, могли бы никому не манить и никого напрасно не оскорблять, особливо безпорочно служащихъ"; наказывалось избирать „изъ всякихъ чиновъ"[19]). Лучшими фискалами были люди изъ низшаго класса, напримѣръ извѣстный прибыльщикъ Неклюдовъ. Сенатскій фискалъ данными ему инструкціями обязывался доносить о всякомъ лицѣ, какъ бы оно высоко ни стояло въ ряду чиновной іерархіи. Но существо фискальской должности въ отличіе отъ параллельной съ нею должности прокуроровъ состояло въ томъ, что фискалы обязаны были только: „провѣдывать и доносить и при судѣ обличать, а самимъ ничѣмъ ни докого отнюдь не явно ни тайно не касаться подъ жестокимъ штрафомъ или разореніемъ и ссылкою (смотря по дѣломъ чего будетъ достоинъ), такъ же какъ въ письмахъ такъ и на словахъ въ позывѣ всякаго чина людямъ безчестныхъ и укорительныхъ словъ отнюдь не чинить"[20]). Равнымъ образомъ имъ предписывалось: „осторожно и основательными свидѣтельствами поступать и никого безвинно въ подозрѣніе не приводить"[21]).

Кромѣ Духовнаго регламента д. коллегія въ своемъ первоначальномъ устройствѣ и дѣятельности должна была руководиться еще генеральнымъ регламентомъ. „О дѣйствахъ духовныя коллегіи собственно здѣ не написано, читаемъ мы въ первомъ изъ нихъ, понеже царское величество приказалъ дѣйствовать по генеральному регламенту". Вотъ почему и первоначальное устройство дух. коллегіи опредѣлилось параллельно устройству гражданскихъ коллегіальныхъ учрежденій. Такъ прежде всего по примѣру вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ греческихъ и русскихъ, гдѣ присутствовалъ или самъ царь или уполномоченный отъ него, въ постоянномъ соборѣ—Синодѣ положено было присутствовать оберъ-прокурору. Высочайшее повелѣніе о назначеніи въ Синодъ оберъ-прокурора состоялось 11 мая 1722 года[22]).

---

[19]) См. О фискалахъ статью Барсова Ж. М. Н. П. февраль 1878 г. 180 стр. 310, 315.

[20]) Тамъ же 320—326.

[21]) Тамъ же.

[22] П. С. т. II, № 609.

Первымъ оберъ-прокуроромъ былъ назначенъ полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ [23]). На оберъ-прокурора дух. коллегіи возложена была обязанность входить въ сношенія съ гражданскимъ начальствомъ о дѣлахъ церкви по опредѣленіямъ Синода и подавать отрицательный голосъ, когда рѣшеніи Синода въ какомъ бы то нибыло отношеніи могли казаться несогласными съ общими узаконеніями. Синодальному оберъ-прокурору дословно была повторена инструкція, данная сенатскому генералъ-прокурору [24]). Какъ этотъ, послѣдній, такъ и оберъ-прокуроръ синодскій въ данной ему инструкціи называется „окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ". Онъ долженъ „накрѣпко смотрѣть, чтобы въ Синодѣ не на столѣ только дѣла вершились, но и самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись". Для цѣлей возможно исправнѣйшаго отправленія своей должности синодскій оберъ-прокуроръ имѣетъ всѣ тѣ средства, какія даны были генералъ-прокурору Сената. Первоначально по инструкціи прокуроръ въ Синодѣ имѣлъ знач іе только наблюдателя. Но такъ какъ власть всегда стремится ъ соотвѣтствующимъ отличіямъ, а отвѣтственность оберъ-проку ра Синода была очень велика, то послѣдній скоро сдѣлался по ымъ руководителемъ синода. Оберъ-прокуроры Синода въ послѣдствіи дѣйствовали очень нерѣдко чрезъ Синодъ, какъ чрезъ свое орудіе и управляли такимъ образомъ внутренними дѣлами всей русской церкви... Подлѣ должности синодскаго оберъ-прокурора въ совершенной сообразности съ институтомъ свѣтскихъ фискаловъ былъ поставленъ институтъ фискалъ духовныхъ, или какъ они иначе назывались „инквизиторовъ". Во главѣ этого института также какъ и въ гражданской администраціи, была поставлена должность протоинквизитора при самомъ Синодѣ съ двумя подчиненными ему инквизиторами. Но протоинквизиторъ Синода съ подручными ему инквизиторами имѣлъ мѣстомъ своего наблюденія не одинъ лишь Синодъ. Для завѣдыванія ему назначена была своя особая „диспозиція" или округъ, обнимавшій нѣсколько епархій. Предъ вступленіемъ въ свою должность лица инквизиторскаго надзора обязаны были учинить присягу предъ Евангеліемъ по особо со-

---

[23]) Тамъ же № 705.

[24]) П. С. З. т. VI, № 4036.

ставленной для нихъ формѣ. Предъ вступленіемъ въ свою должность въ той или другой мѣстности лицо инквизиторскаго званія обязано было предъявить свою инструкцію „всѣмъ“ до кого должность смотрѣнія его касалась [25]), „дабы извѣстно было какъ ему по инструкціи дѣйствовать опредѣлено“. Наблюденіе и дѣятельность инквизиторовъ должны были ограничиваться дѣлами и предметами исключительно духовнаго вѣдомства, при томъ такъ, чтобы они, подобно свѣтскимъ фискаламъ „ни въ какія гласъ имѣющія дѣла ни явно, ни тайно не вступались и ничѣмъ до таковыхъ не касались и вообще поступали умѣренно и никакихъ продерзостей не употребляли“. Такъ при учрежденіи духовной коллегіи какъ и въ свѣтскихъ коллегіальныхъ установленіяхъ созданъ былъ контроль въ лицѣ оберъ-прокурора и инквизиторовъ.

По инструкціи оберъ-прокурору подчинена была канцелярія Синода. Устройство послѣдней, послѣ большихъ хлопотъ и пререканій Синода съ гражданскимъ вѣдомствомъ, опредѣлилось приблизительно въ такомъ видѣ. Во главѣ синодской канцеляріи стоялъ оберъ-секретарь, находившійся подъ непосредственнымъ надзоромъ оберъ-прокурора. Оберъ-секретарь Синода, какъ и сенатскій наблюдалъ, чтобы подъячіе прилежно отправляли дѣла. Съ нимъ сносились свѣтскія лица по дѣламъ, касающимся Св. Синода и на его обязанности лежала подпись неважныхъ синодскихъ бумагъ и пріемъ бумагъ для доклада въ Синодѣ. По штату синодской канцеляріи положены были такіе же чиновники, какіе значились и въ канцеляріи правительствующаго Сената, а именно секретари, переводчики, протоколисты, архиваріусы, актуаріусы и т. д. Для исполненія низшихъ служительскихъ обязанностей, при Синодѣ находились сторожа, которыхъ по штату положено было шесть человѣкъ. Кромѣ ихъ для исполненія тѣхъ же обязанностей здѣсь были солдаты. Генеральный регламентъ каждой коллегіи предписывалъ имѣть „вахмейстера и караульныхъ солдатъ“ [26]). Къ концу 722 г. мы находимъ при Синодѣ уже достаточное число офицеровъ и солдатъ [27]). Кромѣ чинов-

---

[25]) Смот. Ж. М. Н. П. 78 г. іюль, авг., ст. Барсова.
[26]) Генер. регл.
[27]) П. С. Пл. С. т. II, № 901, стр. 598.

никовъ, поименованныхъ въ штатѣ Св. Синода, при немъ были еще нѣкоторыя другія чиновныя лица. Такъ для того, чтобы создать живую связь Синода съ Сенатомъ, необходимость которой на первыхъ порахъ дѣятельности Синода ощущалась особенно замѣтно, при Синодѣ установлена была должность агента. По инструкціи на обязанности агента лежало „рекордовать какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіи и въ канцеляріи настоятельно, дабы по онымъ синодскимъ вѣденіямъ и указамъ надлежащая отправа чинена была, безъ продолженія времени" [28]), затѣмъ агентъ долженъ смотрѣть, чтобы синодскія вѣдомости, посылаемыя въ Сенатъ и другія установленія, слушались прежде другихъ дѣлъ, какъ о томъ повелѣваетъ Высочайшая резолюція отъ 15 марта 721 года [29]). Ежели въ которой командѣ будетъ кто въ синодальныхъ дѣлахъ поступать не по содержанію вышеозначенныхъ и прочихъ его императорскаго величества указовъ, на обязанности агента лежало: „президующимъ тамо персонамъ протестовать", а ежели протестъ не достигнетъ цѣли, то доносить объ этомъ генералъ-прокурору [30]). Важныя бумаги, поступавшія изъ Синода въ Сенатъ, а также въ коллегіи и другія ближайшія мѣста, агентъ долженъ былъ самъ туда относить и рапорты отъ президентовъ этихъ установленій приносить въ Синодъ. Инструкція агенту заключалась такими словами: „поступать ему, агенту, во званіи своемъ умѣренно и благопочтенно, дабы на Св. Синодъ не нанесъ какого нареканія и самого себя не показалъ бы штрафованію повинна, чего ему и опасаться долженствуетъ" [31]).

Кромѣ должности агента мы видимъ еще при Синодѣ должность коммиссара отъ монастырскаго приказа, установленную Синодомъ въ 21 г. 30 іюня по предложенію судіи этого приказа Ершова [32]). Обширный кругъ вѣдомства монастырскаго приказа требовалъ того, чтобы былъ постоянный представитель его въ высшемъ церковно-административномъ учрежденіи Синода. По свое-

---

[28]) П. С. П. и Р. т. II, № 511 п. 1.

[29]) Тамъ же п. 2.

[30]) Тамъ же п. 4.

[31]) Тамъ же п. 7.

[32]) Опис. док. и дѣлъ архива Св. Син., т. III, приложеніе стр. CCII.

му положенію и значенію коммиссаръ отъ монастырскаго приказа живо напоминалъ собою тѣхъ коммиссаровъ изъ губерній, которые были установлены для присутствія въ Сенатѣ. Обязанности этого коммиссара опредѣлены были инструкціею, данною ему Ершовымъ. По послѣдней коммиссару предписывалось: „вѣдать и управлять указною корреспонденціею, такъ какъ о томъ Св. Синоду въ доношеніи Ершова написано“ [33]). Сверхъ того „за неудовольствованіемъ потребныхъ къ дѣламъ служителей“, синодъ возлагалъ на коммиссара мон. приказа пріемъ денежной казны, поступавшей въ Синодъ изъ подчиненныхъ ему мѣстъ, ея храненіе и приведеніе въ исполненіе разрѣшаемыхъ Синодомъ расходовъ [34]). Выдача жалованья синодскимъ сторожамъ [35]), расходы по ремонтировкѣ зданія [36]) были также на обязанности коммиссара, который такимъ образомъ являлся въ нѣкоторомъ смыслѣ и синодальнымъ казначеемъ. Таково было внѣшнее устройство д. коллегіи, опредѣленное Дух. регламентомъ и связаннымъ съ этимъ историческимъ актомъ послѣдующимъ законодательствомъ Петра. Въ дополненіе къ нему слѣдуетъ добавить, что управленіе дѣлами, подлежавшими вѣденію коллегіи, скоро по ея открытіи распалось на особыя, такъ сказать отрасли. Восьмая глава генеральнаго регламента, которымъ Синодъ долженъ руководствоваться въ своемъ устройствѣ, между прочимъ гласитъ: „въ коллегіи не имѣютъ президенты особливаго труда или надзиранія, но генеральную и верховную дирекцію (или управленіе), а дѣла между совѣтниками и ассессорами тако раздѣляются, что каждому какъ изъ приходящихъ въ коллегіи дѣлъ опредѣленная часть, такъ и надъ канцеляріею и конторами и надъ дѣлами и трудами оныхъ особливое надзираніе дается, яко о томъ въ партикулярныхъ инструкціяхъ коллегіевъ пространно усмотрѣть можно“ [37]). Вслѣдствіе этого въ Синодѣ устроены были четыре конторы. Одна—завѣдуетъ школами и типографіями, потому и называется конторою школъ и типографій; другая—вѣдаетъ судныя дѣла и

---

[33]) П. С. П. и Р. т. I, № 232.
[34]) О док. и дѣл. син. арх. т. I, № 523.
[35]) Тамъ же.
[36]) Тамъ же т. 2, ч. 2, № 1032.
[37]) 8 гл. генер. регл., приложенною къ собор. уложенію 1649, изд. 1776 г.

называется конторою судныхъ дѣлъ, третья — раскольническія дѣла и называется конторою раскольническихъ дѣлъ, наконецъ въ четвертой—сосредоточены инквизиторскія дѣла [38]). Каждая изъ этихъ конторъ долженствовала разсматривать и рѣшать своею собственною властію всѣ дѣла, которыя „не зѣло важны". Дѣла рѣшаемыя въ конторахъ подписывались членами, завѣдующими тою или другою изъ нихъ и скрѣплялись подписомъ оберъ-секретаря [39]). Дѣла же болѣе важныя конторы съ своимъ мнѣніемъ предлагали на разсмотрѣніе всего Синода [40]). Раздѣленіе Синода на конторы существовало только до 726 г. когда онѣ были закрыты [41]). Такъ новый строй высшаго церковнаго управленія получилъ больше раздѣльности въ отправленіи своихъ дѣлъ и обогатился новыми, неизвѣстными дотолѣ церковно-административными органами, образцомъ для устройства которыхъ послужили государственныя коллегіальныя учрежденія. Несмотря однако на то, что къ строю высшей церковной администраціи почти цѣликомъ приложены были формы свѣтскихъ коллегіальныхъ учрежденій, учредительный актъ новой формы церковнаго правленія—Духовный регламентъ чуждъ мысли о томъ, что со введеніемъ послѣдней высшее церковное управленіе снисходитъ на степень „государственнаго учрежденія". По мысли регламента духовная коллегія есть ничто иное какъ „постоянный церковной соборъ", имѣющій въ виду замѣнить и упразднить собою временные церковные соборы, бывшіе, какъ мы замѣчали, столь обычнымъ дѣломъ въ древне-русской церковной жизни. Это ясно видно изъ того опредѣленія, какое даетъ коллегіи регламентъ. Опредѣляя, что такое дух. коллегія, регламентъ даетъ понять, что разница между соборомъ и предполагаемою коллегіею полагается только въ томъ, что соборъ созывается на время, а дух. коллегія учреждается навсегда. „Всегдашнее же коллегіумъ есть, читаемъ въ регламентѣ, когда именнымъ нѣкимъ дѣламъ, часто или всегда во отечествѣ бываемымъ, опредѣляется ко оныхъ управленію число нѣкое мужей". Кромѣ того, вслѣдъ

---

[38]) П. С. П. и Р. т. II, № 443.

[39]) Тамъ же.

[40]) Тамъ же.

[41]) Опис. документовъ и дѣл. архива Св. Син. т. I, № 402.

за этимъ опредѣленіемъ или разъясненіемъ неупотребительнаго дотолѣ на языкѣ нашей церкви понятія „коллегія“, регламентъ указываетъ на то, что учреждаемая теперь въ Россіи новая форма церковнаго правленія вовсе не есть новость, доселѣ невиданная и неслыханная во всемъ мірѣ. Любопытно, что регламентъ прежде всего приравниваетъ новое учрежденіе къ высшему учрежденію церкви ветхозавѣтной: „Таковое было, говорится въ регламентѣ, церковное Сѵнедріонъ въ ветхозавѣтной церкви во Іерусалимѣ“. Въ другихъ мѣстахъ регламентъ прямо называетъ новое учрежденіе духовнымъ соборнымъ правительствомъ“, (ч. I) „соборомъ“, „всегдашнимъ синодомъ или синедріономъ“. Помимо Духовнаго регламента и всѣ другіе акты, относящіеся къ исторіи учрежденія Синода, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что какъ преобразователь Петръ Великій, такъ и его сподвижникъ на поприщѣ преобразованій Ѳеофанъ понимали новое учрежденіе въ русской церкви не иначе какъ постояннымъ церковнымъ соборомъ. Въ царскомъ манифестѣ объ учрежденіи дух. коллегіи послѣдняя называется „духовнымъ соборнымъ правительствомъ“; въ грамотѣ Петра къ патріарху константинопольскому Іереміи говорится: „заблагоразсудили установить со властію равнопатріаршескою духовный синодъ“. Та же самая мысль о значеніи дух. коллегіи въ русской церкви раздѣляется и восточными патріархами. „Есть и называется (синодъ), писалъ константинопольскій патріархъ Іеремія въ своей отвѣтной грамотѣ, нашимъ во Христѣ братомъ... онъ имѣетъ право совершать и установлять тоже, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола“. Что же касается соблазнительнаго для многихъ названія Св. Синода въ регламентѣ „коллегіумомъ“, то нужно замѣтить, что это названіе, ровно ничего собою не доказывающее, особенно въ глазахъ тѣхъ безпристрастныхъ изслѣдователей, для которыхъ nomina non semper sunt odiosa,“—на практикѣ вовсе не употреблялось. Соотвѣтственно „титлѣ“ данной государемъ Синоду на докладные пункты послѣдняго отъ 721 г. на практикѣ синодъ съ тѣхъ поръ всегда именовался „Святѣйшимъ правительствующимъ Синодомъ“. Титулъ „Святѣйшій“ усвоенъ Синоду конечно отъ русскихъ патріарховъ, которые именовались не иначе какъ „святѣйшими“ патріархами и основаніе для унаслѣдованія этого титула лежало не столько въ

простомъ преемствѣ власти, сколько въ томъ, что синодъ по правамъ своимъ признанъ равнымъ патріаршему достоинству. Титулъ „правительствующій“ данъ былъ Синоду по сравненію его съ Сенатомъ, который назывался „правительствующимъ“. Что новоустроенный Петромъ Великимъ Св. Синодъ не низводился послѣднимъ на степень гражданскаго государственнаго учрежденія, это особенно замѣтно обнаруживается при взглядѣ на то положеніе, которое долженъ былъ занимать онъ по регламенту въ ряду параллельныхъ съ нимъ учрежденій гражданскаго вѣдомства.

По своему значенію и правамъ всѣ государственныя коллегіи были, какъ извѣстно, равны между собою. Всѣ они принимали указы только отъ государя и Сената. Но въ послѣднемъ отношеніи коллегіямъ было предоставлено слѣдующее весьма важное преимущество: „буде Сенатъ о какомъ дѣлѣ что повелитъ, а коллегіумъ усмотритъ, что то его величества указамъ и высокому интересу противно,—то государственному коллегіуму не должно того вскорѣ исполнять, но представлять о томъ Сенату“ [42]). Если же Сенатъ подтверждалъ свой прежній указъ, то коллегія уже должна была его немедленно исполнить, но вмѣстѣ съ тѣмъ донести о томъ государю подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгой отвѣтственности [43]). Затѣмъ каждой коллегіи предоставлено было право дѣлать представленія прямо государю, а также и Сенату, „если коллегія что усмотритъ къ произведенію какой государственной пользы“ [44]). Кромѣ того велѣно: „дѣла сомнительныя и какого изъясненія требующія не скоро спѣшить вершеніемъ, но или Сенату докладывать или справиться откуда надлежитъ“ [45]). Предоставляя коллегіямъ важную власть въ дѣлахъ государственнаго управленія, Петръ грозитъ каждому за всякій непочтительный отзывъ о нихъ тяжкимъ наказаніемъ: „яко помѣшателю добрыхъ порядковъ и общаго покоя, такожде яко противнику и непріятелю его величества воли

---

42) Генеральный регламентъ гл. II.

43) Тамъ же.

44) Генер. регл. гл. VI.

45) Тамъ же.

и учрежденія" [46]). Что касается духовной коллегіи, то въ сферѣ своей специальной дѣятельности по смыслу регламента она является такимъ же высшимъ безапелляціоннымъ учрежденіемъ, какимъ правительствующій Сенатъ въ своей сферѣ. Именной высочайшій указъ объ учрежденіи этой коллегіи гласилъ: „Повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися и указовъ его слушать во всемъ подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій. Должна же есть коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакожъ дѣлать сіе должна коллегія дух. не безъ нашего соизволенія". Зависимость дух. коллегіи отъ верховной власти, кромѣ указаннаго здѣсь случая, выражалась еще въ назначеніи верховною властію членовъ Синода. Первые члены Синода, какъ и въ настоящее время это бываетъ при назначеніи членовъ Синода, были поставлены въ свою должность именнымъ царскимъ указомъ. Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, какъ значительно возвышалось надъ всѣми остальными государственными учрежденіями учрежденіе, стоявшее во главѣ ихъ, — правительствующій Сенатъ. Подчиненныя Сенату учрежденія безпрекословно должны были исполнять всѣ его распоряженія; давать ему извѣстный отчетъ въ своей дѣятельности и т. д. Очевидно, что духовная коллегія, замѣнившая собою власть патріарха, не могла стать въ подобныя отношенія подчиненности къ Сенату. Указъ объ учрежденіи коллегіи прежде всего даетъ знать, что она сама по себѣ есть „важное и сильное правительство". Въ третьей части Дух. регламента, въ главѣ о томъ, какія дѣла должны подлежать вѣденію д. коллегіи, между прочимъ читаемъ (пунктъ второй): духовная коллегія должна „обвѣстить или публиковать всѣмъ общехристіаномъ коего-либо чина, что можно всякому, усмотрѣвъ нѣчто къ лучшему управленію церкви полезное, доносить на письмѣ духовному коллегіуму такъ, какъ вольно всякому доносить Сенату о правильныхъ прибыляхъ государственныхъ". Въ

---

[46]) Генер. регл. гл. VI.

пунктѣ тринадцатомъ той же главы читаемъ: „и сіе немалая должность (т.-е. д. коллегіи), какъ бы священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства отвратить для сего полезно есть сдѣлать совѣтъ съ Сенатомъ“. Въ означенныхъ пунктахъ регламента дается понять, что юридически д. коллегія ставится законодателемъ въ совершенно параллельное положеніе съ Сенатомъ. По представленію самого преобразователя д. коллегія должна была имѣть „честь, силу и власть патріаршескую“ и быть совершенно независимымъ отъ Сената, равнымъ ему по степени власти учрежденіемъ. Это можно видѣть кромѣ сейчасъ указанныхъ пунктовъ регламента и изъ отвѣтовъ государя на такъ-называемые докладные пункты, предложенные ему Синодомъ послѣ открытія послѣдняго. Такъ напримѣръ Синодъ просилъ, чтобы на его требованія въ Сенатѣ смотрѣли не какъ на партикулярныя дѣла и докладъ ихъ былъ бы не по реэстру, иначе происходитъ въ духовныхъ дѣлахъ замедленіе и остановка. На это Петръ отвѣчалъ: о духовныхъ дѣлахъ надлежитъ прежде всякихъ коллегійскихъ дѣлъ, первыя по нашихъ указахъ слушать и рѣшать“. Или напримѣръ Синодъ спрашивалъ: „о прилучающихся требованіяхъ отъ правительствующаго духовнаго собранія въ правительствующій Сенатъ такожде и въ коллегіи и отъ нихъ въ духовное собраніе каковымъ образомъ писменное обхожденіе имѣть?“ Петръ отвѣчалъ: „въ Сенатъ вѣденіе и за подписаніемъ всѣхъ, а въ коллегіи такъ, какъ изъ Сената пишутъ и за подписаніемъ только секретарскимъ“. Изъ этихъ отвѣтовъ государя видно, что по мысли его Синодъ юридически всегда долженъ стоять на одинаковой ступени съ Сенатомъ. Какъ послѣдній былъ высшимъ правительствующимъ и судебнымъ мѣстомъ въ сферѣ государственной, такъ Синодъ д. б. быть такимъ же въ области церковной. Что касается того замѣчанія выставленнаго въ Духовномъ регламентѣ, по которому за неисполненіе указовъ и распоряженій духовной коллегіи какъ „важнаго и сильнаго правительства“, законодатель угрожаетъ наказаніемъ „противъ прочихъ коллегій“, то здѣсь вовсе нельзя видѣть указанія на то, будто степень власти новаго духовнаго правительства приравнивается ко всѣмъ другимъ коллегіямъ и что слѣдовательно духовная коллегія наравнѣ съ послѣдними должна стать въ такое или иное, но во всякомъ случаѣ подчиненное отношеніе къ высшему

административно-гражданскому учрежденію, правительствующему Сенату. Отъ одинаковости наказаній за ослушаніе распоряженій того или другаго учрежденія вовсе нельзя еще дѣлать заключенія къ одинаковости правъ и власти этихъ учрежденій, особенно въ томъ случаѣ, когда имѣется рядъ фактовъ краснорѣчиво свидѣтельствующихъ объ ихъ неодинаковости въ этомъ отношеніи. Правда, на практикѣ тотчасъ же при вступленіи въ отправленіе своей должности духов. коллегіи оказалось нужнымъ упрочивать свое положеніе и авторитетъ государственныхъ установленій. Тотчасъ же послѣ первыхъ шаговъ своей дѣятельности Синодъ обращается къ царю съ жалобами, въ которыхъ объясняетъ, что въ самомъ началѣ его дѣйствій является „уничтоженіе и противность и какъ отъ Сената, такъ и отъ другихъ подвѣдомственныхъ Сенату учрежденій и что если оскорбленіе власти Синода на первыхъ же порахъ останутся безъ „сатисфакціи", то на будущее время еще большая подастся къ презрѣнію смѣлость и продерзость и данная духовному правительству власть „не будетъ имѣть достаточнаго дѣйствія" [47]). Крайне напряженныя отношенія бывшія въ первое время между Синодомъ и гражданскими учрежденіями сдѣлали то, что Синодъ въ вѣдѣніяхъ своихъ и указахъ сталъ безпрестанно изъяснять, „что его повелѣно всѣмъ, всякаго чина духовнаго и мірскаго персонамъ за важное и сильное правительство имѣть, что оный Синодъ имѣетъ честь, славу и власть патріаршескую". Даже между лицами подвѣдомственными св. Синоду находились въ то время такія, которыя превратно понимали свои къ нему отношенія, такъ что было необходимо разъяснять и имъ его власть и значеніе. Такъ крутицкій митрополитъ Игнатій прислалъ доношеніе, въ которомъ вмѣсто того, чтобы писать: „святѣйшему правительствующему Синоду", написалъ „въ правительствующую духовную коллегію святѣйшему правительствующему Синоду". Св. Синодъ вслѣдствіе этого предписалъ Игнатію, чтобы онъ „впредь въ присылаемыхъ въ правительствующій Синодъ доношеніяхъ данную отъ царскаго величества оному Синоду честь изъяснять ему безъ всякаго умаленія и повиноватися оному во всемъ безпрекословно, понеже оный Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или

[47]) Ист. Россіи Соловьева, т. XVI, 370—371 стр.

едва и не большую, понеже соборъ есть" [48]). Такъ на практикѣ очень нерѣдко не только Сенатъ смотрѣлъ на св. Синодъ, какъ на установленіе низшее его и даже ему подчиненное, но и подвѣдомственныя Синоду лица не всегда понимали власть и значеніе новаго учрежденія. Но мы говоримъ только лишь о юридической сторонѣ дѣла, а не о томъ, какъ было на практикѣ. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, когда происходила повсюдная ломка старыхъ порядковъ, на практикѣ почти каждому новому учрежденію приходилось самому выяснять и опредѣлять свои права и положеніе въ ряду другихъ учрежденій. Это подтверждаетъ краснорѣчиво исторія почти всѣхъ учрежденій петровскаго времени.

Описанныя нами внѣшнія черты устройства духовной коллегіи по регламенту ея и дополнившему его законодательству показываютъ намъ сходство формъ устроеннаго Петромъ центральнаго государственнаго и церковнаго управленія. Для организаціи строя высшей церковной администраціи преобразователь бралъ уже готовыя формы раньше ея переустроенной свѣтской государственной администраціи. Эти формы заимствованныя отъ гражданскаго порядка тѣмъ не менѣе не нарушали самобытнаго начала церкви, не низводили ее на степень гражданскаго учрежденія, государственной коллегіи по дѣламъ церковнымъ, потому что съ признаніемъ этихъ формъ духовный регламентъ совершенно чуждъ мысли о нарушеніи церковной автономіи. Напротивъ эта автономія церкви, повсюду гдѣ нужно, подтверждается и регламентомъ и въ еще большей мѣрѣ и степени сопровождавшимъ его законодательствомъ.

Всматриваясь въ кругъ дѣлъ отнесенныхъ Духовнымъ регламентомъ къ вѣдомству новоучрежденной духовной коллегіи нетрудно примѣтить, что очерченное регламентомъ вѣдомство высшаго церковно-административнаго учрежденія весьма значительно разнится по своему объему отъ того, какое было сосредоточено въ рукахъ высшей церковной власти въ предшествовавшій патріаршій и до-патріаршій періоды нашей исторіи. „Что касается церковнаго управленія, говоритъ Неволинъ, то въ продолженіи

[48]) Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Синода, т. I, № 320, П. С. П. и Р., 1, № 20.

семи вѣковъ, истекшихъ отъ принятія русскими христіанства при Владимірѣ равноапостольномъ, сила истины, открытой людямъ въ евангельскомъ ученіи, дѣйствовала у насъ хотя медленно, но могущественно и произвела свое дѣло. Общество напиталось благотворными началами. Правила дѣятельности были высказаны, объяснены примѣромъ, поняты, приняты къ исполненію. Жизнь семейная была образована, цѣли, которыя должна осуществлять любовь къ ближнимъ, указаны. Люди научены были видѣть и уважать во всѣхъ людяхъ человѣческое, или лучше божественное достоинство. Лицамъ, которыхъ прежде не ограждали внѣшніе законы, доставлена защита. То, что во времена грубости нравовъ не считалось преступленіемъ, стало въ ряду преступныхъ дѣйствій; что не отличалось какъ особенное преступленіе получило свой должный оттѣнокъ. Власть государственная утвердилась, сознала свое призваніе и приняла на себя дѣло, которое прежде не составляло существеннаго ея занятія. Послѣ сего власть духовная сосредоточила свою дѣятельность на предметахъ преимущественно духовныхъ“ [49]). Обращаясь къ обозрѣнію круга дѣлъ, отнесенныхъ Духовнымъ регламентомъ къ синодскому вѣдомству, мы находимъ точное подтвержденіе этихъ словъ. Правда, время великихъ реформъ Петра еще очень далеко было отъ точнаго знанія государственнаго и церковнаго права; оно не знало еще вполнѣ точно теоріи раздѣленія властей, границъ, гдѣ кончаются права того или другаго подчиненнаго органа верховной власти, не умѣло точно опредѣлить задачу и кругъ вѣдомства каждаго органа власти и отдѣлить ихъ одни отъ другаго. Тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи церковно-преобразовательной дѣятельности Петра въ связи съ гражданскими его реформами, нетрудно примѣтить, что общая главная цѣль и идея церковныхъ реформъ Петра состояла въ выдѣленіи, если можно такъ сказать, права церковнаго отъ государственнаго. Въ области гражданской, государственной жизни время Петра было временемъ широкой разработки, систематизаціи гражданскаго и государственнаго права. Уже самыя начальныя реформы Петра особенно въ области гражданской администраціи носятъ на себѣ болѣе или менѣе замѣтные слѣды

[49]) Неволина сочин., т. V.

попытокъ въ этомъ родѣ. Переустроивая старыя безпорядочныя административныя учрежденія, Петръ уже тѣмъ самымъ болѣе или менѣе сознательно прокладывалъ себѣ дорогу къ той цѣли, которая или совсѣмъ чужда была древне-русскому правительству или если и сознавалась имъ, то весьма слабо. Въ учрежденіи правительствующаго Сената, замѣнившаго старую думу бояръ, можно видѣть весьма ясную попытку выдѣленія изъ всей области государственнаго права той его сферы, которой можно дать названіе сферы права всѣмъ правящаго. Сенатъ потому и названъ былъ Петромъ „правительствующимъ", что цѣль и задача его состояла въ томъ, чтобы править всѣмъ и надъ всѣми. Именно во время широкихъ преобразованій Петра осязательно чувствовалась потребность въ созданіи такого учрежденія. При кипучей и разнообразной дѣятельности царю самому не было времени для того, чтобы править дѣлами въ кругу своихъ бояръ. Самъ царь рѣдкій гость въ столицѣ, а правительственная дѣятельность всегда и прежде исходила сверху, изъ столицы. Постепенно такъ-сказать организуясь во все продолженіе царствованія Петра, Сенатъ къ концу царствованія становится высшимъ правительствующимъ учрежденіемъ, восполняющимъ, разрѣшающимъ только то, что не имѣли власти и затруднялись разрѣшать низшія учрежденія. Сенатъ представлялъ изъ себя власть охранительную, контролирующую по всѣмъ сферамъ государственной жизни. Подлѣ Сената поставленъ былъ рядъ низшихъ гражданско-административныхъ учрежденій сходныхъ съ нимъ по характеру устройства и подчиненныхъ ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ отправленія своей дѣятельности—коллегій. Низшіе органы гражданской администраціи центральной въ старомъ московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, представляли крайнюю безпорядочность въ своемъ устройствѣ. Въ нихъ кругъ дѣлъ сосредоточенъ былъ безъ всякой системы и порядка. Въ замѣнъ ихъ Петромъ установлены были на манеръ иностранный коллегіи, между которыми подѣлены были дѣла. На мѣсто цѣлыхъ десятковъ прежнихъ приказовъ такихъ коллегій Петромъ устроено было всего десять. Кругъ вѣдомства каждой коллегіи былъ опредѣленъ Петромъ съ большею или меньшею точностію, такъ что коллегіи по своей организаціи, положенію, систематичности въ распредѣленіи круга дѣлъ и наконецъ по ихъ отношенію къ

высшему государственному учрежденію Сенату далеко превосходили старые приказы. Такъ въ сферѣ высшей центральной государственной администраціи Петръ стремился къ тому, чтобы создать наиболѣе крупныя административныя учрежденія и съ возможно большею точностію сгруппировать между ними дѣла. Древне-русская администрація съ слабыми задатками коллегіальности въ своемъ устройствѣ была безпорядочна, проста; чисто коллегіальная петровская система управленія несравненно сложнѣе по своему составу. Вводя ее преобразователь, кажется и не имѣлъ въ виду цѣли создать простой и дешевый административный порядокъ. Цѣль эта лежала внѣ намѣреній Петра: онъ не опасался сложной и тяжелой системы управленія, имѣлъ въ виду лишь одно, достиженіе правильности, порядка въ центральномъ управленіи. Эти основныя начала гражданской центральной администраціи, вводимой Петромъ, въ большей или меньшей мѣрѣ отразились и на областной гражданской его администраціи. Реформы Петра въ сферѣ областнаго управленія начались съ новаго областнаго дѣленія. Какъ извѣстно старое московское государство дѣлилось на очень разнообразные по пространству округа, называвшіеся уѣздами. При Петрѣ произошло новое областное дѣленіе. Указомъ отъ 708 года 18 декабря изъ старыхъ уѣздовъ московскаго государства созданы были болѣе крупные областные округа, названные губерніями. Такихъ губерній указомъ 18 декабря назначено было восемь для всей имперіи. Итакъ это были тогда очень крупные округа. Каждая изъ этихъ губерній въ свою очередь подраздѣлена была на провинціи, а эти послѣднія на уѣзды. Итакъ, вмѣсто простаго дѣленія, существовавшаго въ древней Руси, теперь создано было тройное. Въ концѣ 16-го года губерніи подраздѣлены были еще на такъ-называемыя „доли“. Это послѣднее дѣленіе имѣло преимущественно финансовое значеніе.

Въ новыхъ областныхъ единицахъ созданъ былъ административно-судебный порядокъ непохожій на существовавшій прежде. Порядокъ этотъ опирался на желаніи примѣнить къ Россіи начала иноземнаго главнымъ образомъ шведскаго мѣстнаго управленія и поставить вновь изобрѣтенныя губернскія учрежденія въ гармонію съ новыми высшими государственными установленіями Сенатомъ и коллегіями. Во главѣ управленія губерніею

былъ поставленъ губернаторъ, въ пограничныхъ областяхъ носившій названіе генералъ-губернатора. Иногда губернія управлялась вице-губернаторомъ, что значило помощника губернатору. Такъ архангелогородскіе губернаторы съ 711 года носятъ названіе вице-губернаторовъ, несмотря на то, что кругъ ихъ вѣдомства, степень и предѣлы власти были общіе губернаторскіе. Эти новые областные правители становились теперь вполнѣ государственными чиновниками и назначались по личнымъ качествамъ для пользы службы, а не въ видахъ достиженія своекорыстныхъ цѣлей.

Губернаторская власть въ губерніи не была единоличною. Любимый принципъ Петра—коллегіальность введенъ былъ имъ и въ областную администрацію. Указы и грамоты, которые посылались отъ центральной власти къ губернаторамъ содержали въ себѣ обычную формулу: „губернатору съ товарищи". Такими товарищами по указу 702 г. тогда еще при воеводахъ для веденія дѣлъ назначались дворяне, помѣщики и вотчинники подвѣдомственныхъ воеводамъ уѣздовъ. „Вѣдать всякія дѣла съ воеводы дворянамъ тѣхъ городовъ, гласилъ означенный указъ, помѣщикамъ добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ же городовъ помѣщиковъ и вотченниковъ, въ большихъ городахъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человѣка и слушавъ тѣ дѣла и указъ по нихъ чинить съ ними воеводы тѣмъ дворянамъ обще и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого по нихъ не чинить"[50]. Этотъ указъ, невполнѣ выясняющій институтъ губернаторскаго правленія, болѣе подробно объясняется указомъ 713 года. При новомъ дѣленіи государства на губерніи при каждомъ губернаторѣ предписано было: „учинить ландратовъ въ большихъ городахъ по двѣнадцати, въ среднихъ по десяти, въ меньшихъ по восьми человѣкъ; дѣло ихъ то, что они должны всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ и имѣти оному два голоса, а прочимъ по одному"[51]. Ландраты выби-

---

[50]) П. С. З., т. IV, № 1900.

[51]) Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе въ Россіи въ XVIII в., 62, 63 стр.

рались въ каждомъ городѣ или провинціи всѣмъ мѣстнымъ дворянствомъ изъ среды его за подписью рукъ. Часто впрочемъ Сенатъ самъ безъ выборовъ назначалъ то или другое лице ландратомъ [52]).

Въ губернаторскомъ совѣтѣ ландраты ежемѣсячно присутствовали по двое, а къ концу года съѣзжались всѣ въ губернскій городъ для отчетности и составленія общегубернскихъ вѣдомостей. Ландратскіе совѣты иногда замѣняли собою губернаторовъ [53]). Но ландраты были не только совѣтниками при губернаторѣ, но и сами стояли во главѣ управленія извѣстною частію губерніи. Мы сказали, что петровская провинція для сбора податей подраздѣлена была на такъ-называемыя „доли“, изъ которыхъ въ каждой числилось 5536 подъ дворянами крестьянскихъ дворовъ. Начальниками этихъ долей и были ландраты, не переставая въ тоже время быть совѣтниками губернатора. Въ подвѣдомственной имъ части губернской территоріи ландраты были самостоятельными правителями, находившимися подъ начальствомъ только одного губернатора.

Ландратъ въ своей части дѣйствовалъ не одинъ. Онъ администраторъ, судья и сборщикъ дани въ „долѣ“; но все это онъ дѣлаетъ съ помощію „земскаго комисара“. „А съ тѣми ландраты для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ быть по одному коммиссару“, говорилось въ указѣ о назначеніи ландратовъ. Земскій коммиссаръ при ландратѣ должность важная: онъ—помощникъ ландрата. Когда ландратъ отправляетъ очередную службу при губернаторѣ въ ландратскомъ совѣтѣ, въ это время земскій коммиссаръ занимаетъ его мѣсто въ долѣ. Сборъ государственныхъ податей въ указанное время прямая и главнѣйшая обязанность коммиссара. Но кромѣ этой обязанности земскій коммиссаръ въ подвѣдомственной ему части управленія являлся вообще полнымъ блюстителемъ государственныхъ интересовъ не только матеріальныхъ, но даже и чисто нравственныхъ, потому что онъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы „подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели къ добрымъ поступкамъ обучены и поставлены были“ и пр.

---

[52]) Тамъ же, 56 стр.
[53]) Тамъ же, 56 стр.

Такъ устроена была Петромъ новая областная администрація въ связи съ новымъ областнымъ дѣленіемъ государства. Разсматривая ее находимъ, что мѣстному дворянству теперь открыто было совершенно свободное участіе въ ней. Провинціальная администрація подъ руководствомъ губернаторовъ была передана Петромъ въ руки выборныхъ изъ дворянства. Для того, чтобы создать живую связь областной администраціи съ высшею центральною—губерніи съ Сенатомъ, установлена была еще при самомъ учрежденіи Сената должность коммиссара при Сенатѣ. Опредѣляя составъ Сената указомъ 22 февраля 11 года, Петръ писалъ: „такожъ со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду (въ Сенатѣ) для спроса и принимапія указовъ быть по два коммиссара съ губерніи". Мысль учрежденія коммиссаровъ при Сенатѣ выражена въ сейчасъ приведенномъ указѣ очень сжато и кратко. Должность учреждалась „для спроса и приниманія указовъ отъ губернскихъ властей. Но очевидно, что только этимъ не могла ограничиться дѣятельность сенатскаго коммиссара. На практикѣ кругъ дѣятельности сенатскаго коммиссара не ограничивался далеко однимъ лишь пріемомъ и отсылкою входящихъ и исходящихъ бумагъ сенатскихъ. Коммиссаровъ штрафуютъ, держатъ въ канцеляріи Сената на правежѣ и учиняютъ имъ даже смертную казнь и за множество другихъ дѣлъ, неопредѣленныхъ точно и ясно указами [54]). Въ такой формѣ опредѣлены были Петромъ отношенія областной администраціи къ центральной.

Надъ областной администраціею также какъ и надъ центральною простирался надзоръ какъ явный—прокурорскій, такъ и тайный—фискальный. Въ области генералъ-прокуроръ имѣлъ своимъ помощникомъ прокурора при такъ-называемыхъ придворныхъ судахъ. Что же касается института фискальскаго, то онъ, насколько онъ выясняется въ законодательныхъ постановленіяхъ Петра, представлялъ по своей организаціи цѣлую іерархію. Начинаясь сверху должностію государственнаго фискала при Сенатѣ съ зависящими отъ него помощниками, въ числѣ которыхъ двое должны были быть изъ купеческаго сословія, которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать [55]) „институтъ

---

[54]) См. Мрочекъ-Дроздовскій и Петровскій о Сенатѣ.

[55]) П. С. З. № 3337.

фискалъ въ области выражался въ должности „провинціалъ-фискала“ при надворныхъ судахъ и „земскаго фискала“ при губернскихъ правленіяхъ.

Наконецъ въ областной администраціи замѣтнѣе чѣмъ въ центральной проведено было раздѣленіе административной власти отъ судебной. Въ губерніи администрація была отдѣлена Петромъ отъ суда. Здѣсь губернаторъ съ ландратами имѣлъ только распорядительную и исполнительную власть, судебныя же дѣла вѣдались въ особыхъ учрежденіяхъ и особыми лицами. Въ губерніяхъ для суда учреждены были такъ-называемые ландрихтеры, имя которыхъ указываетъ на то, что въ кругу ихъ вѣдомства главнымъ предметомъ былъ судъ. И дѣйствительно ландрихтеръ, хотя иногда въ кругу его дѣлъ и были несудебныя, собственно былъ помощникомъ губернатора по судебной части. „Своимъ положеніемъ при губернаторѣ, говоритъ Дмитріевъ, они напоминаютъ тѣхъ „дворянъ у судебныхъ дѣлъ“, которые въ старину находились при воеводахъ большихъ городовъ [56]). Окончательно судебный характеръ ландрихтеровъ выясняется указомъ 719 года, который предписываетъ имъ быть въ юстицъ-коллегіи, не примѣшивая къ этимъ дѣламъ никакихъ другихъ; вслѣдствіе этого въ томъ же году должность эта и была подчинена юстицъ-коллегіи. Въ 20 году въ главныхъ городахъ имперіи учреждены были надворные суды, президенты которыхъ стали называться оберъ-ландрихтерами. Учрежденіе этихъ судовъ являлось вполнѣ естественнымъ при коллегіальномъ началѣ въ центральномъ судопроизводствѣ. Съ учрежденіемъ надворныхъ судовъ областное судопроизводство распалось на три судебныхъ инстанціи: высшую между ними составлялъ надворный судъ, среднюю провинціальный, а послѣдній низшій городовой судъ. Губернаторамъ теперь уже окончательно запрещено было мѣшаться въ эти инстанціи суда. Была еще сфера выдѣленная изъ областной гражданской администраціи. То было управленіе городовъ.

Въ XVII в. дѣйствовали очень слабо остатки городскаго самоуправленія, введеннаго Грознымъ. Отецъ и старшій братъ Петра заботились о поднятіи городскаго населенія. Самодѣятель-

---

[56]) Дмитр. Суд. инст., стр. 236.

ность городскихъ общинъ тогда уже считалось главнымъ средствомъ къ поднятію городской промышленности. Петръ осуществилъ это. По указу 699 г. промышленное и торговое населеніе города Москвы получило право выбирать изъ своей среды бурмистровъ „добрыхъ и правдивыхъ людей“. Они составляли бурмистерскую палату (совѣтъ), чередуясь помѣсячно въ званіи президентовъ. Совѣтъ ихъ вѣдаетъ городское населеніе въ гражданскихъ, торговыхъ и городскихъ дѣлахъ, сбираетъ подати. И остальные города наряду съ Москвою также получили право управляться земскими выборными. Управленіе бурмистровъ было внѣ контроля губернаторовъ. Такъ возстановлено было Петромъ самоуправленіе городовъ. Новыя городскія учрежденія имѣли прямое сходство съ учрежденіями Грознаго. Только тогда не введено было обязательно самоуправленіе и окупалось самимъ городомъ. Города, хотѣвшіе выдти изъ-подъ власти воеводъ, должны были платить. Московская бурмистерская палата вѣдала всѣми палатами другихъ городовъ. Она не подчинялась приказному управленію. Въ послѣдствіи городскія ратуши были преобразованы въ магистраты. Въ Петербургѣ былъ устроенъ главный магистратъ, который замѣнилъ московскую палату. Устройство этого магистрата невполнѣ было похоже на ратуши. Городской магистратъ вѣдалъ городское общество купцовъ и ремесленниковъ. Купцы дѣлились на 2 гильдіи. Къ первой гильдіи относились оптовщики и крупные ремесленники (золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера); ко второй гильдіи торговцы и ремесленники. „Подлые люди“—чернорабочіе, числящіеся въ гражданствѣ, составляли 3-й классъ. Гильдейское купечество составляло высшій классъ города. Съ старостами его совѣтывались члены магистрата, а старосты чернорабочихъ должны были только ходатайствовать предъ магистратомъ. Лица, выбранныя въ члены магистрата, такъ и оставались навсегда, чѣмъ и отличался магистратъ отъ ратуши. Кромѣ того магистратъ завѣдывалъ полиціею города, уголовными дѣлами, писалъ даже смертные приговоры, только послѣдніе должны были представляться на конфирмацію главнаго магистрата. Такимъ образомъ новому учрежденію была указана техническая цѣль: прежнія ратуши состояли изъ представителей города, защищавшихъ городскіе интересы. Въ магистратѣ же это было *начальство*; президентъ, бургомистръ

и пр. получали чины. Значитъ Петръ кончилъ въ городѣ учрежденіемъ техническимъ и бюрократическимъ.

Изъ представленнаго нами очерка устройства администраціи при Петрѣ весьма ясно обнаруживаются тѣ цѣли и задачи, которыя имѣлъ въ виду преобразователь съ ея устройствомъ. Древне-русская администрація какъ центральная, такъ и областная представляла изъ себя крайне запутанную систему управленія, потому что при изобиліи административныхъ органовъ, совсѣмъ не было правильности въ распредѣленіи дѣлъ. Съ этого именно наиболѣе точнаго опредѣленія дѣлъ и наиболѣе систематическаго распредѣленія ихъ по ихъ сходству между административными учрежденіями и начались реформы Петра въ административной области. Цѣль созданія такой администраціи лежала внѣ послѣдней взятой самой по себѣ. Вся Петровская администрація разсчитана была въ казенномъ, чисто финансовомъ интересѣ, который подсказывался Петру, какъ предшествовавшею ему правительственною дѣятельностію, такъ и современными нуждами государственными. Но помимо этой прямой цѣли, путемъ созданія новаго государственнаго управленія весьма рельефно обозначились границы различныхъ отраслей государственнаго права, дѣйствовавшаго правда и при старой системѣ управленія, но если можно такъ сказать, ясно и отчетливо не сознаваемаго. Такой разработкѣ такъ-сказать права весьма много способствовалъ тотъ принципъ, которымъ руководился преобразователь, по которому онъ стремился изъ всей области администраціи выдѣлять отдѣльныя ея части и вводить въ этихъ послѣднихъ то, что называютъ самоуправленіемъ. Въ устройствѣ городской и дворянской администраціи, созданной Петромъ, этотъ принципъ становится весьма замѣтнымъ. Такъ устроенный Петромъ механизмъ государственнаго управленія, съ большею или меньшею точностію вобравшій въ себя всѣ предметы государственнаго вѣдомства, впервые кажется установилъ въ государствѣ извѣстную опредѣленную систему государственнаго права, болѣе или менѣе ясно сознаваемую самимъ государствомъ. Благодаря этому обстоятельству теперь государство впервые могло отдѣлять себя отъ церкви, область права которой до сего времени была перемѣшана съ областію государственнаго права.

Тоже аналогичное съ реформами государственными явленіе мы

наблюдаемъ разсматривая церковныя реформы Петра. Вводя новую систему церковнаго управленія, сходную по своимъ внѣшнимъ формамъ съ системою государственною, Петръ стремился къ тому, чтобы опредѣливъ болѣе или менѣе кругъ вѣдомства церкви, опредѣлить вмѣстѣ съ этимъ и границы церковнаго права, доселѣ неясно отдѣлявшіяся отъ государственнаго права и съ нимъ перемѣшанныя. Духовный регламентъ, какъ актъ законодательный, помимо установленія новой формы церковнаго управленія, имѣетъ въ виду еще и болѣе или менѣе точное опредѣленіе какъ права всей церкви вообще, такъ и отдѣльныхъ сторонъ церковной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ является аналогичнымъ актомъ съ памятниками гражданскаго Петровскаго законодательства—регламентомъ и законами учрежденій гражданскихъ Только въ изложеніи этихъ попытокъ регламентъ является наиболѣе живымъ памятникомъ, чѣмъ эти послѣдніе. Резсматривая его содержаніе, какъ акта опредѣляющаго права церкви, нужно поэтому имѣть въ виду лишь основныя его мысли и дополнять его другими законодательными актами.

Описаніе круга дѣлъ, подлежащихъ вѣденію духовной коллегіи, содержится во второй и третьей частяхъ духовнаго регламента. Здѣсь предусмотрѣнъ двоякій родъ дѣлъ, на которыя духовная коллегія должна была простирать свою дѣятельность. Дѣла эти могутъ быть или „общія", касающіяся „какъ духовнаго, такъ и мірскаго чиновъ и всѣхъ великихъ и малыхъ чиновныхъ степеней также и рядовыхъ особъ" или частныя дѣла одного „духовнаго чина". Подъ именемъ подлежащихъ вѣденію духовной коллегіи „общихъ дѣлъ" регламентъ разумѣетъ все то, что имѣетъ такое или иное отношеніе до религіи и нравственности христіанина. „Здѣ наблюдать подобаетъ, говоритъ регламентъ, аще все правильно и по закону христіанскому дѣется, и аще, что оному противно обрѣтается и нѣсть ли коея скудости въ наставленіи христіанину всякому подобающемъ". Такимъ образомъ внутреннее управленіе церковью, духовный судъ въ дѣлахъ вѣры, попеченіе о ненарушимости внѣшнихъ правъ, предоставленныхъ церкви верховною государственною властію, оставались и послѣ преобразованія церкви обязанностію церковной власти. Важнѣйшее право, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность Синода составляли забота о чистотѣ вѣры въ Россіи и о чистотѣ

нравственной жизни русскаго народа. Въ силу этихъ двухъ правъ Синодъ поставленъ на степень высшей инстанціи: а) церковнаго управленія и б) церковнаго суда. Предписывая Синоду заботиться о чистотѣ вѣры народной, регламентъ прежде всего излагаетъ рядъ мѣръ полицейскаго претительнаго свойства, а потомъ развиваетъ мѣры и активныя, имѣющія цѣлью распространить въ народѣ понятія чистой вѣры. Того же порядка держится регламентъ. разсуждая о народной нравственности. Прежде всего онъ запрещаетъ пороки, а потомъ преподаетъ правила къ распространенію въ народѣ понятій о добродѣтеляхъ.

Возлагая на Синодъ обязанность блюсти чистоту народной вѣры, регламентъ первоначально предписываетъ ему очистить вѣру народа отъ различныхъ суевѣрій.

Суевѣріе „прельщающее, по выраженію регламента, простой народъ, и аки снѣжные заметы правымъ истины путемъ возбраняющее“, надѣлало правительству едва ли не больше всего хлопотъ въ дѣлѣ преобразованія русской общественной жизни. Это было тогда зло, распространенное во всѣхъ классахъ общества, обрѣтавшееся „во всѣхъ чинахъ его“. Это замѣчаніе регламента нельзя считать преувеличеннымъ и съ нимъ нельзя не согласиться. Ниже мы будемъ имѣть случай показать, какъ глубоко распространенъ былъ этотъ порокъ даже въ средѣ самихъ пастырей церкви. Изслѣдователи религіознаго быта Россіи въ XVII в. обращаютъ между прочимъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ первые вѣка христіанства въ Россіи, оно судя по письменнымъ памятникамъ представляется болѣе чистымъ, нежели въ XVI и XVII вв. и говорятъ, что въ эту эпоху снова появляется множество суевѣрій и какъ будто вновь воскресаетъ умирающее язычество [7]). И при предположеніи преувеличенія въ указанномъ положеніи изслѣдователей все же нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ немъ заключается значительная доля правды. Современники Петра Великаго отзываются о религіозно-нравственномъ состояніи народа почти буквальными словами древне-русскихъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ. „Окаянныя послѣдняя времена наши, пишетъ святитель ростовскій Димитрій въ началѣ XVIII в., съ трудомъ можно гдѣ найти истиннаго

[7]) Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 126 и др.

сына церкви; почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра, простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ". „Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, повторяетъ вслѣдъ за нимъ Посошковъ, кромѣ того, что только мы именемъ христіанъ, а чего ради христіанами нарицаемся и что въ томъ нарицаніи сила, того отнюдь не знаемъ же". Въ Духовномъ регламентѣ приводится любопытный перечень суевѣрій, господствовавшихъ въ народѣ; онъ обнаруживаетъ въ народной средѣ до крайности невѣжественный и внѣшній взглядъ на вѣру, даже остатки язычества. Такъ въ народѣ существовало убѣжденіе, что каждую недѣльную пятницу необходимо проводить въ праздности, также поститься двѣнадцать какихъ-то именныхъ пятницъ въ году, что благовѣщенская обѣдня важнѣе другихъ, утреня въ Свѣтлое Воскресенье и вечерня Пятидесятницы болѣе важныя службы, чѣмъ во всякіе другіе дни; что человѣкъ погребенный въ Кіево Печерскомъ монастырѣ, хотя бы онъ умеръ и безъ покаянія, непремѣнно будетъ спасенъ. Наряду съ этими суевѣрными убѣжденіями въ народѣ существовало множество нелѣпыхъ обрядовъ и суевѣрныхъ церемоній, которыя раздѣлялись и самими пастырями народа. Такъ регламентъ приводитъ примѣръ, что Стародубьѣ въ церковномъ ходу водили женщину съ распущенными волосами, называя ее Пятницей, а въ церкви воздавали ей честь, принося подарки. Во многихъ мѣстахъ священники молебствовали „подъ дубомъ" и, срывая вѣтви послѣдняго раздавали ихъ народу, какъ какой-то благодатный символъ. Другіе священники „молитву людемъ далече отстоящимъ чрезъ посланниковъ ихъ давали въ шапку". Такія грубыя суевѣрія господствовали въ средѣ народной массы. Нечужды были ихъ нерѣдко и люди высшаго класса, „персоны разныхъ высокихъ чиновъ и ранговъ". Вотъ напримѣръ какими чертами описываетъ злое перо памфлетиста Татищева и самый дворъ царицъ и царевенъ: „отъ набожности онъ былъ госпиталемъ на уродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ здѣсь Тимофей Архиповичъ, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали. Какъ я отъѣзжалъ въ 722 г. другой разъ въ Сибирь, къ горнымъ заводамъ и пріѣхалъ къ царицѣ прощеніе пріять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возвращусь. Онъ, какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и

руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ да и самого закопаютъ“ [58]). (Рѣчь идетъ здѣсь о царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ). Извѣстны также хорошо качества первой супруги Петра, Евдокіи Лопухиной. Понятно, какъ чувствовалъ себя въ такой средѣ преобразователь. Отрѣшенность отъ древне-русскаго благочестиваго направленія съ самаго дѣтства, дружба съ неправославными, свободный взглядъ на вещи далеко отшатнули его отъ окружавшаго его общества и сообщили ему болѣзненную ненависть къ религіозному суевѣрію и религіозной исключительности, ко всему тому, что въ сознаніи народа считалось существеннѣйшею принадлежностію религіи и въ то же время въ дѣствительности лежало внѣ религіозной сферы. Съ величайшею энергіею и озлобленіемъ во все продолженіе царствованія онъ преслѣдуетъ суевѣрныя злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры, „все лишнее, выражаясь словами регламента, ко спасенію не потребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное“, всѣ эти вымышленные обряды и суевѣрныя церемоніи, которыя человѣка въ „недобрую практику ведутъ и образъ ко спасенію ложный предлагаютъ“. Строгія наказанія, тѣлесныя пытки, вѣчная ссылка на галеры, по предварительномъ вырѣзываніи ноздрей и ушей, смертная казнь чрезъ сожженіе ровно ожидали предъ судомъ Петра всѣхъ распространителей суевѣрій. Вотъ почему въ Духовномъ регламентѣ забота о чистотѣ народной вѣры поставлена такъ-сказать въ главу всей синодской дѣятельности. Изъ общей обязанности Синода заботиться о чистотѣ религіозныхъ вѣрованій въ народѣ ему вмѣняется регламентомъ въ особенное вниманіе розыскать вновь сочиненные акаѳисты и молебны и разсмотрѣть, согласны ли они слову Божію; на немъ же лежитъ обязанность рецензировать всѣ сочиненія духовной или церковной письменности: „аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ и тоебъ не печатать, но презентовать первѣе въ духовный коллегіумъ“. Синодъ долженъ опредѣлить, какія изъ многочисленныхъ моленій обязательны для христіанъ и какія могутъ быть исполняемы по соизволенію каждаго „дабы по времени не вошли въ законъ и совѣсти бы человѣческой не отягощали“. Синодъ долженъ разсмотрѣть біографіи святыхъ, не вымышлены

[58]) Татищевъ. Ист. Россіи, т. I, гл. 4, примѣч. 24.

ли они, не противны ли христіанскому ученію. Въ подтвержденіе неотложной необходимости этого дѣла регламентъ указываетъ для примѣра на житіе Евфросима Псковскаго, гдѣ заключаются раскольничьи мнѣнія о сугубой аллилуіа и даже мнѣнія еретическія, напримѣръ Савелія, Несторія.

Такъ составитель регламента при новомъ порядкѣ въ строѣ церковной жизни желалъ бы повести дѣло обновленія народной вѣры такъ-сказать съ самыхъ корней: съ тщательнаго пересмотра всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые были въ обращеніи у народа и давали обильную пищу всѣмъ его религіознымъ понятіямъ. Но не одними только „болгарскими сказками и бабскими бреднями“, бывшими въ весьма популярномъ обращеніи въ средѣ нашего общества XVI и XVII вв. питалось и поддерживалось религіозное его чувство. Другой обильный источникъ для него доставляли различныя продѣлки тѣхъ темныхъ личностей, которыя эксплуатировали на разные способы религіозное чувство массы. Множество подложныхъ мощей и чудотворныхъ иконъ было распространено по лицу земли русской въ XVII в. Рѣдкая новая церковь въ это время устроялась безъ того, чтобы не было предварительно какого-нибудь сверхъестественнаго знаменія, вызывавшаго собою ея постройку. „Сказуютъ, читаемъ въ регламентѣ, что нѣціи архиреи для вспомоществованія церквей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленіе иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быти чудотворною“. Синоду вмѣняется регламентомъ въ строгую обязанность розыскать, нѣтъ ли гдѣ подложныхъ мощей; при открытіи мощей новыхъ угодниковъ удостовѣряться въ дѣйствительности ихъ и отсутствіи подлога; также удостовѣряться въ дѣйствительномъ существованіи объявленныхъ кѣмъ-либо видѣній, наблюдать не появляются ли гдѣ выдающіе себя за чудотворцевъ; искоренять сейчасъ указанныя злоупотребленія архіереевъ. Говоря короче Синодъ тщательно долженъ оберегать религіозное чувство народа, разслѣдовать всюду и всѣ „вымыслы ведущіе человѣка въ недобрую практику“.

Разсуждая о народной нравственности регламентъ предписываетъ предпринимать полицейскія мѣры только лишь противъ порока нищенства. Составитель регламента сознаетъ, что въ дѣлѣ

искорененія другихъ родовъ нравственныхъ недостатковъ такія мѣры мало дѣйствительны: они ведутъ только къ тому, что порокъ прячется и не показывается. Другое дѣло нищенство: оно составляетъ нарушеніе того закона, по которому всѣ здоровые члены государства обязаны приносить на общее благо свой посильный трудъ. Что касается добродѣтели милосердія, то она въ простомъ ея видѣ непосредственнаго подаянія бѣдному человѣку безъ разбора способствуетъ развитію нищенства и поэтому заслуживаетъ порицанія въ регламентѣ. О подаяніи милостыни, говоритъ регламентъ, должно коллегіумъ духовное сочинить наставленіе: ибо въ семъ не мало погрѣшаемъ. Много лѣнтяевъ питается подаяніемъ, что противно христіанскому ученію, ибо Господь велѣлъ всѣмъ кормиться отъ праведныхъ трудовъ своихъ. Да и государству большой вредъ отсюда, ибо сколько тысячъ людей не только не работаютъ, но еще истребляютъ плоды чужихъ трудовъ, нагло выпрашивая себѣ подаянія. Благодаря этимъ безтыднымъ попрошайкамъ истинно бѣдные люди часто лишаются возможности получать вспомоществованіе. Эти бездѣльники такъ какъ здоровы, скорѣе являются за милостынею, гдѣ она раздается, чѣмъ калѣки, убогіе и пр. Многіе же изъ лѣнтяевъ и тунеядцевъ грабятъ и убиваютъ проѣзжихъ по дорогамъ, поджигаютъ села, пьянствуютъ, вселяютъ въ простомъ народѣ неуваженіе къ властямъ, ослѣпляютъ и изувѣчиваютъ младенцевъ для того, чтобы разжалобить подателей милостыни и собирать больше подаянія. Коллегіумъ долженъ подумать, какъ бы уничтожить это страшное зло и опредѣлить правильный способъ подаянія милостыни—„хватать бы таковыхъ всюду, совѣтуетъ отъ себя регламентъ, и къ дѣламъ общимъ приставлять“. Всѣ разсмотрѣнныя нами мѣры регламента противъ искорененія религіозно-нравственныхъ недостатковъ общества совершенно отрицательнаго и притомъ исключительно внѣшняго свойства. Онѣ имѣютъ силу не столько нравственнаго убѣжденія и увѣщанія сколько юридическаго, законодательнаго акта, неисполненіе котораго сопряжено съ тяжелою отвѣтственностію. Законъ запрещаетъ вѣровать въ ложныя чудеса и видѣнія, точно также, какъ обманывать, грабить, убивать, налагая за нарушеніе этого запрещенія кары, если не одинаковыя, то совершенно однородныя. Насколько сильны такого рода мѣры въ данномъ случаѣ,

это понятно. Они могли только на время прикрыть обнаруженіе суевѣрій и нравственный распущенности въ обществѣ. Это ясно сознавалъ и законодатель, какъ равно сознавалъ и то, что корень зла таится въ данномъ случаѣ въ народномъ невѣжествѣ, въ непониманіи самыхъ элементарныхъ истинъ христіанской вѣры. „Когда нѣтъ свѣта ученія, говоритъ регламентъ, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть не строенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ". Преобразователь ясно сознавалъ потребность дать народу въ замѣнъ суевѣрныхъ понятій о Богѣ и его святыхъ чистыя вѣрованія. Не искоренить только суевѣрія и пороки, но и научить народъ правой вѣрѣ и чистой нравственности—вотъ задача, которую преобразователь желалъ бы рѣшить. Но оглядываясь кругомъ и спрашивая: „есть ли у насъ довольное ко исправленію христіанскому ученіе", онъ не видитъ вокругъ себя людей, готовыхъ и способныхъ дѣйствовать на массу путемъ убѣжденія. Чтобы приготовить такихъ дѣятелей потребно продолжительное время, а между тѣмъ народъ на все это время будетъ обреченъ коснѣть въ невѣжествѣ. Нужда въ духовномъ образованіи народа дѣйствительно живо чувствовалась людьми преобразовательной эпохи. Народъ рѣшительно почти не находилъ никакихъ средствъ удовлетворять своей потребности духовнаго просвѣщенія. Мы ниже будемъ имѣть случай показать, въ какомъ состояніи находилась въ это время живая устная проповѣдь. Здѣсь замѣтимъ только, что, по словамъ регламента, „чистое слово сложить могъ даже не всякій изъ епископовъ". Кромѣ же проповѣди у народа не было никакихъ другихъ источниковъ, изъ которыхъ онъ могъ бы почерпать наставленіе въ христіанской вѣрѣ и нравственности. Правда въ XVII в. на Руси было чрезвычайное обиліе переводовъ святоотеческихъ твореній, а къ концу вѣка появилось много и оригинальныхъ русскихъ сочиненій въ родѣ напримѣръ проповѣдей Полоцкаго, обличительныхъ сочиненій противъ раскола. Но вотъ что говоритъ напримѣръ извѣстный въ исторіи русскаго проповѣдничества этого времени орловскій священникъ относительно книгъ Полоцкаго. „Обѣдъ душевный и вечеря душевная люботруднаго и мудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слогъ и тоя простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слушати и

грубымъ разумомъ невнимательна, а Божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоученіе и Евангеліе и Павлово посланіе зѣло невразумительна... не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ иностраннымъ языкомъ та Златоустаго писанія нарицахуся" [59]. Другія книги, какія только были въ народѣ для наученія его истинамъ вѣры, были, по словамъ регламента, „неудобны, наипаче простому народу, ибо книга Омологіе, или Исповѣданіе Православное (единственный катехизисъ того времени), немалая есть... и писана непросторѣчно и для того простымъ не весьма внятна. Также и книги великихъ учителей... писаны суть эллинскимъ языкомъ и въ томъ токмо языкѣ внятны суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ теменъ и съ трудностію разумѣется отъ человѣкъ и обученыхъ, а простымъ невѣждамъ отнюдь непостизаемь есть. И сверхъ того толковательныя бесѣды учительныя много имѣютъ высокихъ богословскихъ таинъ, и также и не мало сказуютъ, что тогда сказывать подобало по приклонности разныхъ народовъ и по обстоятельству оныхъ временъ, чего нынѣ невѣжливый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не умѣетъ". Понятно, какихъ книгъ требовалъ тогдашній народъ для своего назиданія, народъ, который всю свою надежду въ дѣлѣ спасенія, по словамъ Пекарскаго [60], „возлагалъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ". Такому народу было не до созерцательныхъ богословскихъ твореній, а тѣмъ болѣе не до риторической схоластики юго-западной учености. Извѣстный Посошковъ съ замѣчательною ясностію понималъ духовныя потребности народа своего времени, когда обращался къ митрополиту Стефану Яворскому съ просьбою поучить народъ, какъ Бога знать и какъ его чтить и какъ Пресвятую Богородицу и какъ ангеловъ Господнихъ и какъ образы ихъ почитать и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять и кои свѣщи идутъ въ честь самому Богу и кои токмо единому изображенію" [61]. Въ одномъ изъ своихъ проектовъ о народномъ образованіи [62] Посошковъ предлагаетъ напечатать „малыя те-

[59]) Ж. М. Н. П. 1880 г. февраль.
[60]) Наука и литер. при Петрѣ Великомъ т. I., стр. 500.
[61]) Соловьевъ И. Р. т. XVI, стр.
[62]) Отечеств. Записки п. № Два неизданные проекта Посошкова.

традочки" съ краткимъ катехизическимъ содержаніемъ и раздать ихъ всѣмъ жителямъ Россіи, также краткія нравственныя поученія о должностяхъ каждаго чина людей. Другой прожектеръ петровскаго времени Авраамовъ предлагалъ сдѣлать точную перепись народа „и противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетрадочкахъ славословіе Божіе, царю небесный, заповѣди Господни и церковныя и проч. и разослать эти тетрадочки чрезъ епископовъ по приходамъ, чтобы каждый прихожанинъ имѣлъ ихъ предъ собою, читалъ и слушалъ каждый день и чрезъ годъ испытывать его въ знаніи того, что содержится въ нихъ. Тогда, по словамъ Авраамова, „во всемъ народѣ плодъ правды легко умножится, а злоба искоренится" [63]. Для насъ важна въ данномъ случаѣ мысль этихъ проектовъ, вѣрно отзывавщихся на духовныя нужды времени. Имѣя въ виду ту же потребность въ элементарномъ наставленіи народа правиламъ вѣры регламентъ возлагаетъ на Синодъ обязанность въ видахъ наискорѣйшаго обученія народа—составить такія руководства (книжицы), которыя бы излагали главные догматы христіанской вѣры и нравственности и которыя бы написаны были краткимъ и понятнымъ для народа языкомъ. На первый разъ достаточно сочинить три такихъ книги. Въ первой изъ нихъ должны быть изложены главные догматы религіи и заповѣди Господни; во второй обязанности каждаго чина и въ третьей должны быть изложены главные образцы ясныхъ общепонятныхъ проповѣдей разныхъ учителей церкви. Эти книжки священники должны читать послѣ утрени и обѣдни, такъ чтобы въ четверть года они были прочитываемы всѣ. При этомъ наблюдается еще и та польза, что первую и вторую книги могутъ изучать дѣти въ началѣ своего обученія грамотѣ. Въ виду необходимости всѣмъ имѣть эти книги, послѣднія не должны дорого стоить въ продажѣ, чтобы были доступны по цѣнѣ не только церквамъ, но и частнымъ даже лицамъ. Этотъ проэктъ регламента приведенъ былъ въ исполненіе еще раньше изданія самаго регламента. Въ 720 г. въ С.-Петербургѣ было напечатано „первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги, также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ".

---

[63]) Пекарскій П и Л т. I, стр. 500—501.

Составителемъ этой книги былъ авторъ регламента. Кромѣ этой книги Прокоповичъ же написалъ для тѣхъ цѣлей „Катехизисъ съ краткимъ объясненіемъ всѣхъ важнѣйшихъ должностей". Вмѣстѣ съ нимъ Стефанъ Прибыловичъ написалъ „Катехизисъ преимущественно о должностяхъ христіанина" [64]). Таковы регламентарныя предписанія, данныя въ наставленіе Синоду для исправленія народной вѣры и нравственности. Разсматривая ихъ, легко замѣтить, что составитель регламента, ученый богословъ своего времени, усвоившій воззрѣнія протестанскаго раціонализма, съ глубокимъ пренебреженіемъ отнесся къ народному пониманію религіи. Въ борьбѣ съ религіозно-нравственными недостатками времени онъ совсѣмъ не признаетъ той вѣроисповѣдной исключительности, въ духѣ которой вело эту борьбу древне-русское законодательство. Не съ точки зрѣнія грѣха или несообразности съ вѣрою смотритъ онъ на недостатки религіознонравственной жизни народа, какъ смотрѣло на нихъ законодательство древней Руси, а преимущественно со стороны противорѣчія этихъ недостатковъ разуму и естественности. Онъ выступаетъ въ регламентѣ рьянымъ проповѣдникомъ разрушительнаго ученія, въ корень подрывавшаго все то, что считалось основою святорусскаго благочестія. Онъ первый провозглашаетъ мысль о томъ, что въ этомъ благочестіи „многое наплутовано", что для духовной пищи народа „предлагаются чуждая нѣкая бездѣлія". Ѳеофанъ какъ и самъ преобразователь считаютъ теперь вполнѣ возможнымъ съ помощію строгихъ репрессивныхъ мѣропріятелей сразу уничтожить всѣ проявленія стариннаго склада древнерусской жизни, которыя шли такъ или иначе въ разрѣзъ съ ихъ собственными понятіями. Правда, въ регламентѣ не отрицается та истина, что главнымъ орудіемъ для борьбы съ суевѣріями народа должно быть просвѣщеніе. Но этому послѣднему усвояется внѣшне формальный характеръ. Преобразователь считаетъ возможнымъ научить народъ истинамъ вѣры также, какъ ружейнымъ пріемамъ или фабричному производству. Легко понять, какъ могъ относиться народъ къ этому формальному слушанію нравственно-религіозныхъ наставленій „о собственныхъ всякого чина должностяхъ и о главнѣйшихъ спасительныхъ дог-

[64]) Объ этихъ книгахъ см. у Пекарскаго т. 1 и 2. Н. и Л.

матахъ вѣры нашея“. Сухія, отвлеченныя догматическія положенія, изложенныя въ рекомендованныхъ Ѳеофаномъ „книжицахъ“, также скоро и легко забывались народомъ, какъ скоро и затверживались въ его памяти, если только когда они преподавались народу путемъ рекомендуемымъ регламентомъ.

Изъ права и обязанности Синода слѣдить за чистотою православной вѣры и нравственности вытекало для него право высшей администраціи и суда а) надъ лицами и учрежденіями, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы содѣйствовать Синоду въ достиженіи означенныхъ цѣлей. Синодъ есть высшее административное и судебное мѣсто для лицъ, составляющихъ церковную іерархію: архиреевъ, архимандритовъ и всего духовенства; духовно-воспитательныхъ учрежденій и церковныхъ имуществъ; б) для мірянъ по вопросамъ вѣры и нравственности и нѣкоторымъ другимъ. Частнѣе опредѣляя права Синода, какъ высшаго административнаго по церковнымъ дѣламъ учрежденія, регламентъ возлагаетъ на него слѣдующія обязанности по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ и установленіямъ. Прежде всего регламентъ старается точно опредѣлить обязанности Синода по отношенію къ высшимъ іерархическимъ лицамъ въ церкви—архиреямъ. По отношенію къ этимъ лицамъ онъ возлагаетъ на Синодъ слѣдующія обязанности. Духовная коллегія прежде всего должна была заботиться о томъ, чтобы высшія церковно-іерархическія мѣста занимались людьми ихъ достойными. Она испытываетъ производимыхъ въ архирейскій санъ не ханжи ли они, не суевѣры ли и проч., ежели при посвященіи епископа откроется, что онъ имѣетъ богатство, то коллегія опрашиваетъ новопосвящаемаго, откуда и какимъ путемъ пріобрѣтено оно и какъ велико. Такъ епископъ поставляется въ зависимость отъ высшей церковно-административной власти съ самаго принятія имъ на себя сана. Эта зависимость продолжается затѣмъ и во все время управленія преосвященнаго ввѣренною ему епархіею. Епископъ по регламенту долженъ обращаться къ Синоду за рѣшеніемъ всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ архирейской практики, а также и пререканій, возникающихъ между преосвященными. Синодъ свидѣтельствуетъ и разсматриваетъ отчеты епископовъ о состояніи ихъ епархій. Въ случаѣ болѣзни, старости тѣхъ или другихъ епископовъ, Синодъ

въ пособіе имъ для управленія епархіями или назначаетъ администраторовъ, или же устраняя прежнихъ, назначаетъ новыхъ епископовъ. Особенное вниманіе Синода наконецъ въ отношеніи его къ епископамъ обращено на наблюденіе за епископскою властію въ вопросѣ о церковномъ наказаніи. Онъ Синодъ долженъ строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы епископы отлучали отъ церкви или снова разрѣшали не изъ за корысти, личнаго интереса или мести.

Въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ административная власть Синода по регламенту простирается на наблюденіе за цѣлостію церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Духовная коллегія должна смотрѣть, кто изъ духовенства распоряжается церковными имуществами и какъ, куда употребляются доходы церковные и не расхищаются ли, съ расхитителей же допрашивать расхищаемое. Чрезвычайнымъ монастырскимъ расходамъ каждый разъ въ коллегіумѣ дѣлается смѣта, сообразно съ доходами тѣхъ монастырей, которые просятъ сдѣлать эти расходы. А для постояннаго контроля надъ монастырскими имуществами должны быть заведены въ Синодѣ книги, въ которыя записываются ординарные расходы всѣхъ монастырей.

Исключительному наконецъ вѣдомству Синода подчинены духовныя учебно-воспитательныя заведенія, проектъ которыхъ подробно изображенъ въ регламентѣ.

Какъ высшее административное мѣсто Синодъ наконецъ только одинъ имѣетъ право сноситься съ свѣтскими учрежденіями въ тѣхъ указанныхъ нами случахъ, когда интересы церкви соприкасаются съ гражданскими или когда для достиженія духовныхъ цѣлей требуется принятія гражданскихъ мѣръ.

Кругъ вѣдомства духовной коллегіи какъ высшаго судебнаго учрежденія значительно суженъ регламентомъ сравнительно съ прежнею высшею судебною властью церкви. Нѣкоторые предметы, доселѣ находившіеся въ вѣдомствѣ церковнаго суда, съ учрежденіемъ духовной коллегіи отнесены къ суду гражданскому. Это дѣла по сущности своей болѣе относящіяся къ государству, чѣмъ къ церкви. Въ вѣдомствѣ суда церковнаго регламентомъ оставлены, кромѣ преступленій противъ вѣры и нравственности, многія дѣла, вытекающія изъ семейнаго союза, а именно: дѣла о сомнительныхъ бракахъ (заключенныхъ въ за-

прещенныхъ степеняхъ родства и свойства, совершенныхъ по принужденію со стороны родителей или помѣщиковъ и т. п.). Указами отъ 12 апрѣля 722 года и сентября 4-го того же года изъяты изъ церковнаго вѣдомства дѣла: о наслѣдствѣ, о бракахъ противъ воли родителей, о блудѣ и дѣтяхъ прижитыхъ въ немъ, о небывающихъ у исповѣди и св. причастія и отчислены въ вѣдомству судовъ гражданскихъ. Только для постановленія церковнаго наказанія за эти противнравственные проступки гражданскіе судьи должны были обращаться къ суду церковному [65]).

Въ дѣлахъ собственно духовныхъ Синодъ является высшею безапелляціонною инстанціею. Какъ такой онъ разбираетъ жалобы на несправедливые приговоры подчиненныхъ судебныхъ органовъ—судовъ епископскихъ. Всѣ низшія духовныя лица и міряне свободно могутъ приносить жалобу на своего епископа въ коллегіумъ. Въ качествѣ верховной судебной инстанціи Синодъ разбираетъ тяжбы между самими епископами или епископами и другими лицами. Суду его же подлежатъ и члены самой коллегіи.

Таковъ объемъ правъ и обязанностей Синода по Духовному регламенту. Разсматривая его, легко замѣтить несмотря на всю его неполноту, что преобразователь имѣлъ въ виду въ дѣлахъ собственно духовныхъ дать Синоду всю сумму власти, какая была сосредоточена въ рукахъ высшей церковной власти до времени его учрежденія и какая должна принадлежать послѣдней и по каноническимъ церковнымъ опредѣленіямъ. Святѣйшій Синодъ въ первое время своего существованія получилъ даже въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ тѣ дѣла, которыя подлежали разсмотрѣнію собственно епархіальной патріаршей власти. Извѣстно, что патріархъ съ одной стороны былъ епархіальнымъ архіереемъ въ патріаршей епархіи съ властію совершенно одинаковой власти всякаго епархіальнаго архіерея въ своей епархіи, съ другой стороны патріархъ былъ правительственнымъ лицемъ для всей помѣстной русской церкви [66]). Въ первое время существованія Св. Синода мы видимъ то же самое: для С.-Пе-

[65]) П. С. З., 3963 №.

[66]) Горчаковъ, О земельныхъ влад., 313—314 стр.

тербурга съ новозавоеванными городами не былъ назначенъ особый епископъ, вся эта мѣстность состояла въ непосредственномъ вѣдѣніи св. Синода и называлась „с.-петербургскою епархіею св. Синода. Послѣднее происходило впрочемъ больше, кажется, не изъ желанія даровать такимъ путемъ равнопатріаршія права Синоду, а было скорѣе слѣдствіемъ столь обычныхъ, обнаруживающихся всегда и вездѣ при созданіи новыхъ административныхъ порядковъ, промаховъ, неумѣлости по новости дѣла довести его до конца и развить планъ новаго строя во всѣхъ подробностяхъ. Создана была вслѣдствіе новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній новая епархія и по ея новости не сочли нужнымъ назначить въ нее особеннаго архіерея, а вручили ее всему Синоду. Заступая мѣсто епархіальнаго архіерея въ своей епархіи, св. Синодъ завѣдывалъ всѣми тѣми дѣлами, которыя подлежатъ разсмотрѣнію собственно епархіальной власти [67]. Итакъ въ сущности „постоянный духовный коллегіумъ“, св. Синодъ остался тѣмъ же для русской церкви, чѣмъ было патріаршее правленіе, какъ утверждаютъ то и акты, относящіеся къ исторіи учрежденія новой формы правленія въ русской церкви.

Изобразивъ устройство новаго высшаго церковнаго правленія созданное Петромъ Великимъ, показавъ сходство началъ и формъ этого устройства съ началами и формами государственной петровской администраціи, теперь прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію и характеристикѣ связанныхъ съ этимъ устройствомъ перемѣнъ въ другихъ сферахъ жизни отечественной церкви, мы должны отвѣтить на вопросъ: какими мотивами было вызвано переустройство высшаго церковнаго управленія при Петрѣ и почему это переустройство выражено было именно въ сейчасъ описанной нами формѣ? Для того, чтобы оправдать столь важную перемѣну въ строѣ церковной администраціи и тѣсно связанныя съ нею измѣненія въ другихъ сферахъ церковной жизни, авторомъ Духовнаго регламента, конечно по иниціативѣ и желанію преобразователя, написано было нѣсколько апологетическихъ „трактовъ“, какъ до времени открытія коллегіи духовной такъ и послѣ этого. Ѳеофанъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался

---

[67]) Историко-статистич. свѣдѣнія с.-петербургской епархіи, вып. I, стр. 97, 114, 158 и др.

защитить съ истинно-литературнымъ жаромъ свое новое дѣтище, духовную коллегію и данный ей въ руководство регламентъ. Къ сочиненіямъ написаннымъ въ апологію новаго учрежденія до времени открытія его дѣятельности должно отнести: царскій манифестъ объ учрежденіи духовной коллегіи, проповѣдь Θеофана Прокоповича на день открытія коллегіи и спеціально посвященную означенному вопросу первую часть духовнаго регламента. Но и послѣ того, когда Синодъ вступилъ уже въ свою дѣятельность, Θеофанъ не переставалъ раскрывать въ глазахъ общества мысль о необходимости новаго учрежденія для русской церкви и показываетъ значеніе и цѣли этого учрежденія. Еще во время написанія Духовнаго регламента Θеофанъ извѣщалъ Марковича въ извѣстномъ письмѣ слѣдующими словами: „Я написалъ для главной церковной коллегіи или консисторіи постановленіе или регламентъ. Въ немъ всѣхъ правилъ почти триста. Пишу теперь трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патріаршество и когда оно получило начало въ церкви и какимъ образомъ въ теченіе четырехъсотъ лѣтъ церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторыя патріархамъ неподчинены. Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учрежденной коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ-нибудь новымъ и необычнымъ, какъ конечно будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные". Дѣйствительно почти одновременно съ составленіемъ регламента вышли изъ-подъ пера Прокоповича оправдательныя къ нему статьи въ видѣ особыхъ трактатовъ о патріаршествѣ. Такихъ трактатовъ намъ извѣстно два: 1) „Розыскъ историческій коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римстіи, какъ язычестіи, такъ и христіанстіи, понтифексами или архиреями многобожнаго закона; а въ законѣ христіанстѣмъ христіанстіи государи могутъ ли нарещися епископы и архиреи и въ какомъ разумѣ?" [68]). 2) „О возношеніи имене патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ церковныхъ молитвахъ оставлено" [69]). Во всѣхъ означенныхъ сочиненіяхъ Θеофанъ старается то явно, то болѣе или

---

[68]) Спб. 721 г. Объ обоихъ этихъ сочин. см. у Пекарскаго Н. и Л., II, 502 и 519 стр.

[69]) Тамъ же.

менѣе „прикровенно" оправдать необходимость петровской церковной реформы. Доводы, которые развиваются въ означенныхъ сочиненіяхъ съ цѣлью оправданія новыхъ церковныхъ порядковъ, лишь наполовину изображаютъ намъ дѣйствительныя причины установленія новой формы церковнаго правленія и переустройства церковной жизни вообще. Написанные рьянымъ панегиристомъ дѣлъ Петровыхъ, они гораздо больше имѣютъ значенія для характеристики риторическихъ, діалектическихъ и полемическихъ пріемовъ псковскаго витіи Ѳеофана, чѣмъ для опредѣленія дѣйствительныхъ историческихъ мотивовъ преобразованія высшей церковной администраціи. Вотъ почему къ нимъ нельзя относиться безъ критики и дѣйствительныя историческія причины установленія новой формы церковнаго правленія нужно видѣть за этими обширными „трактатами" панегириста Прокоповича, потому что они не объясняютъ намъ историческаго происхожденія петровской церковной реформы. Это объясненіе, по нашему мнѣнію, и будетъ служить отвѣтомъ на вопросъ о мотивахъ и цѣляхъ петровской церковной реформы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ, рѣшеніе котораго имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма большее значеніе при исторической характеристикѣ отношеній Петра къ церкви. Въ нашемъ обществѣ и исторической литературѣ давно сложилось мнѣніе, которое находитъ себѣ послѣдователей и въ наше время, будто преобразовательная дѣятельность Петра Великаго сдвинула Россію со старой колеи, поставивъ ее совершенно на новыя начала. Въ области жизни гражданской, по этому мнѣнію, преобразовательную дѣятельность Петра отмѣчали нерѣдко какъ начало новой эры русской жизни и считали ее эпохою не только возрожденія, но и настоящаго рожденія послѣдней. Впрочемъ взглядъ этотъ при опредѣленіи историческаго смысла гражданскихъ преобразованій Петра уже давно въ исторіи уступилъ мѣсто болѣе простому и глубокому и естественному взгляду, вникающему въ генетическую связь дѣятельности Петра съ предшествовавшею ему дѣятельностію. Болѣе упорно такъ-сказать и твердо взглядъ этотъ держится при опредѣленіи смысла церковныхъ реформъ Петра, хотя и здѣсь строго держась въ сферѣ права, мы отнюдь не должны полагать глубокой разницы между старо-русскою и новою петровскою церковною жизнію. Въ древней допетровской

исторіи отношенія между церковью и государствомъ были переплетены между собою, какъ мы видѣли, настолько, что весьма трудно было, если и не совсѣмъ невозможно, во многихъ случаяхъ положить грань между областію права церковнаго и гражданскаго. Лица почти всѣхъ классовъ и состояній, какъ мы видѣли, въ извѣстныхъ случаяхъ подсудны были не только духовному суду церкви, но и такъ-сказать матеріально отъ нея зависѣли. Это объяснялось тогда особымъ положеніемъ, которое заняла церковь въ государствѣ. Еще задолго до времени Петра съ того почти самаго момента, когда въ московской Руси началъ организовываться опредѣленный порядокъ жизни государственной, стали замѣтно ощущаться неудобства отъ такого положенія дѣлъ. Но древнее время и правительство лишь смутно представляло себѣ идею раздѣленія права во всѣхъ вообще областяхъ жизни: вотъ почему, несмотря на большія неудобства упорно держался исконный порядокъ отношеній между государствомъ и церковью. Только лишь тамъ, гдѣ — какъ напримѣръ въ вопросѣ объ имущественныхъ правахъ церкви—прямо матеріальныя права церкви соприкасались съ правами государственными, рано явилась у правительства мысль о болѣе или менѣе точномъ размежеваніи ихъ.

Коренныя преобразованія русской жизни предпринятыя Петромъ Великимъ съ самаго начала ихъ появленія стали выдвигать на очередь требовавшій для себя безотлагательнаго рѣшенія вопросъ о границахъ правъ церкви и государственныхъ, потому что не было почти ни одной области въ русской жизни, гдѣ бы права ихъ не соприкасались тѣсно другъ съ другомъ. Начавшись со сферъ весьма отдаленныхъ отъ церковнаго вѣдомства, преобразованія эти должны были скоро коснуться и перейти за предѣлы этого послѣдняго. Впрочемъ до времени учрежденія Святѣйшаго Синода область церковной жизни какъ будто ускользнула отъ вниманія преобразователя. Казалось крутой вихрь гражданскихъ реформъ настолько увлекъ его, что у него не было времени разомъ рѣшать самые неотложные, очередные вопросы изъ текущей церковной жизни, какъ вопросъ о патріархѣ, каѳедра котораго была вдовствующею съ самаго почти начала царствованія Петра и, — что было уже конечно совсѣмъ несообразно съ характеромъ и духомъ энергичнаго царя-преобразо-

вателя,—въ рѣшеніи ихъ онъ долженъ былъ прибѣгать къ временнымъ мѣрамъ. Вопросы жизни церковной за все это время разрѣшаются Петромъ лишь постольку, поскольку они соприкасаются съ жизнею гражданскою, государственною. Но къ двадцатымъ годамъ прошлаго столѣтія подъ вліяніемъ цѣлаго непрерывнаго ряда преобразованій, жизнь гражданская вошла уже въ довольно опредѣленную норму. Созданъ былъ новый механизмъ государственнаго управленія, вобравшій въ себя изъ области церковной жизни нѣкоторыя сферы, долженствовавшія принадлежать ему и по праву, но непринадлежавшія по силѣ традиціи и особаго положенія церкви въ государствѣ; организовались въ извѣстные опредѣленные классы сословія русскаго общества, между которыми удобно размѣстились прежніе промежуточные слои этого общества;—словомъ государству во всемъ былъ сообщенъ новый строй и порядокъ. Между тѣмъ основы жизни церковной этими гражданскими реформами были весьма сильно поколеблены и требовали для себя неотложнаго обновленія. И прежде бросавшіяся въ глаза „нестроенія многія“ церковной жизни теперь стали еще болѣе замѣтны и давали себя чувствовать повсюду. Прежде всего церковь, благодаря длинному ряду реформъ государственныхъ, незамѣтно для себя самой очутилась въ совершенно новомъ положеніи. Полумірской характеръ, съ какимъ она выступила до сего времени, снятъ былъ съ нея государственными реформами. Общее, неопредѣленное точными законами, обнаруживавшееся при самыхъ разнородныхъ случаяхъ участіе духовенства въ дѣлахъ гражданскаго управленія по большей части прекратилось. Для дѣятельности духовныхъ особъ по отношенію къ защитѣ угнетаемыхъ законы Петра не открывали никакихъ почти случаевъ. Всѣ судныя дѣла по челобитьямъ разныхъ лицъ отняты были отъ вѣдомства церкви и распредѣлены между тѣми гражданскими приказами, которымъ подсудны были лица, состоявшія въ спорѣ. Для управленія имуществами духовенства,—урѣзанными до „безъ чего пробыть нельзя“—т.-е. землями церкви, установленъ былъ приказъ изъ свѣтскихъ лицъ и пр. и пр. Такъ церковь рядомъ реформъ гражданскихъ сдвинута была, если можно такъ сказать, съ своего прежняго положенія. Въ организованномъ уже болѣе или менѣе государствѣ заботы преобразователя должны были естественно состоять въ

томъ, чтобы точно опредѣлить это новое положеніе церкви и поставить ея устройство въ параллель съ устройствомъ государственнымъ. Оставить церковь въ прежнемъ положеніи нельзя было уже по одному тому, что теперь, въ силу широкихъ преобразованій жизни государственной, пали прежнія отношенія между церковью и государствомъ. Прежній порядокъ церковной жизни и церковнаго управленія былъ прямымъ отраженіемъ порядка государственнаго: онъ тѣсно сросся съ вѣковымъ складомъ жизни гражданской. Теперь этотъ складъ былъ разрушенъ, а вмѣстѣ съ нимъ рушился и порядокъ прежняго церковнаго строя, выработанный подъ вліяніемъ особаго, теперь измѣнившагося, положенія церкви въ государствѣ... Къ этимъ обстоятельствамъ присоединились еще личныя впечатлѣнія государя, его воззрѣнія на единоличнаго правителя церкви. Мы уже имѣли случай замѣчать, какъ ненавистны были Петру Великому сторонники клерикальнаго „папежскаго духа" въ средѣ современнаго ему русскаго духовенства,—лица упорно стремившіяся къ возстановленію патріаршества и къ освобожденію церковнаго управленія отъ всякой зависимости со стороны свѣтской, государственной власти. Къ его политическимъ воззрѣніямъ гораздо ближе подходили ходившія въ то время въ западномъ протестантскомъ мірѣ ученія о значеніи государя въ церкви (princeps, Landesheer). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти теоріи далеко не были восприняты Петромъ во всей ихъ логической послѣдовательности, съ какою развивались они въ его время на Западѣ. Изъ нихъ онъ вынесъ только сильную непріязнь къ тому,—употребимъ выраженіе Самарина,—„рефлексу папизма", слѣды котораго обнаруживались нерѣдко въ исторіи нашего патріаршества и который упорно старалось поддерживать духовенство петровскаго времени, вступая въ открытый антагонизмъ съ реформами Петра. „Удивляемый славой и честію патріарха" народъ не видалъ границъ между властію духовною и самодержавною. Онъ привыкъ ложно отождествлять верховнаго пастыря церкви съ самодержцемъ и даже ставить перваго выше послѣдняго. Этотъ ложный характеръ, который иногда получало патріаршество, въ сознаніи Петра—и не одного, конечно только Петра—вполнѣ оправдывалъ и дѣлалъ необходимымъ его отмѣненіе. Это сознаніе было присуще правительству

еще гораздо раньше Петра. Когда добродушный царь Алексѣй Михайловичъ заставилъ свергнуть и осудить живаго патріарха, то самый фактъ этого сверженія, какими бы побудительными мотивами оно ни объяснялось, по совершенно справедливому замѣчанію Погодина, служитъ яснымъ доказательствомъ, „что ледъ тронулся и наступила другая новая пора“ [70]). И такъ патріаршество уже въ себѣ самомъ носило нѣкоторыя черты, которыя рано или поздно дѣлали необходимымъ его отмѣненіе. Періодъ всестороннихъ преобразованій гражданской жизни, предпринятыхъ Петромъ, и былъ самымъ удобнымъ моментомъ къ этому. Всестороннее преобразованіе гражданской жизни, начатое Петромъ, не могло конечно обойтись безъ того, чтобы не коснуться и сферы церковной жизни. Самый характеръ, который съ первыхъ же моментовъ ея проявленія стала получать реформа, характеръ практическій, матеріальный заставлялъ правительство необходимо, при томъ положеніи, которое занимала церковь въ государствѣ въ дореформенное время, войти въ такое или иное соотношеніе съ церковью. Слѣдствіемъ этого было очень рано высказанное Петромъ строго точное опредѣленіе границъ церковнаго вѣдомства. Сохранилось извѣстіе, что англійскимъ купцамъ, изъявившимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь, я далъ объ этомъ указъ, чтобы патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель“. Намѣченная въ этихъ словахъ программа дѣйствій церковной власти строго была предъявлена Петромъ съ самыхъ первыхъ шаговъ его преобразованій въ области церковной. Но можно ли было имѣть ручательство въ томъ, что патріаршая власть станетъ держаться въ этихъ отмежеванныхъ ей правительствомъ и приличествующихъ ей по самому существу ея какъ власти духовной или церковной границахъ? Положеніе патріарха въ обществѣ не давало такого ручательства и событіями изъ прошлой исторіи патріаршества. Самая ближайшая исторія его напротивъ краснорѣчиво должна была удостовѣрять Петра въ противномъ. Эта исторія свидѣтельствовала, что въ случаѣ распри между царемъ и патріархомъ—а само со-

---

[70]) „Русскій Вѣстникъ“ т. XLXI, гл. VI, стр. 382.

бою понятно, сколько случаевъ или поводовъ къ этой распрѣ могла подать реформа Петра—„вси духовному паче нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовать и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ, окаянныя, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своея не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися". Желаніе провести реформу возможно покойнѣе естественно внушало Петру мысль устранить неизбѣжныя столкновенія. Кромѣ того, необходимость реформы живо сознавалась и въ самомъ внутреннемъ строѣ церковной жизни. Нетерпѣливый характеръ царя не могъ ни на минуту переносить тѣхъ „многихъ нестроеній и великой скудости въ дѣлахъ духовнаго чина", той,—скажемъ словами предики Θеофана на день открытія Синода, — „тщеты и бѣдства" отъ которыхъ „страдалъ народъ христіанскій", не имѣвшій у себя надлежащаго „ученія и правленія". Онъ хотѣлъ самъ лично видѣть обновленнымъ свой народъ духовно, подобно тому, какъ видѣлъ онъ его обновленнымъ съ внѣшней стороны. Это духовное перерожденіе представлялось ему столь же легкимъ дѣломъ, какъ и перемѣна длиннополаго кафтана на короткую европейскую куртку. Нужно было только избрать къ тому „лучшій способъ", тотъ способъ, путемъ котораго получены „толикая благопоспѣшства въ исправленіи какъ воинскаго такъ и гражданскаго чина". Способъ этотъ соборное коллегіальное правительство церковными дѣлами, которое Петръ считалъ „панацеею противъ всѣхъ золъ духовныхъ и гражданскихъ". Сей вопросъ, отвѣчалъ Θеофанъ Прокоповичъ въ своей проповѣди на день открытія дух. коллегіи на поставленный имъ вопросъ о томъ, какую пользу должно принести учрежденіе дух. коллегіи, сей вопросъ приводитъ мнѣ на память нѣкоторое изрядное слово древняго философа Аристотеля. Того нѣкто вопросилъ, для чего лица пригожія, какъ скоро увидитъ кто ихъ тотчасъ и полюбитъ? Отвѣча Аристотель: „сей рече вопросъ есть слѣпаго человѣка, подобнѣ и предложенный вопросъ". Какъ Петру, такъ и его сотруднику Θеофану коллегіальное начало правленія представлялось „совершеннѣйшимъ и лучшимъ" единоличнаго абсолютно во всѣхъ отношеніяхъ. Θеофанъ съ жаромъ апологетируетъ за это начало въ первой части регламента. Здѣсь онъ въ 9-ти пунктахъ рас-

крываетъ предъ нами превосходство коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ, приводя доводы въ пользу этого превосходства не разъ и раньше того высказываемые въ законахъ преобразователя. Вотъ эти доводы. 1) Всякая истина становится яснѣе при обсужденіи ея многими по той понятной причинѣ, которая выражена въ пословицѣ „умъ хорошо—а два лучше". 2) Коллегіальныя рѣшенія имѣютъ большую силу, чѣмъ рѣшенія единоличныхъ управителей; причина та, что приговоръ цѣлаго собранія имѣетъ большее притязаніе на истинность. Въ силу этого обстоятельства ему охотнѣе подчиняются. При единоличномъ же управленіи противники церковнаго правительства однимъ только оклеветаніемъ его лица могутъ ослабить силу его постановленій и рѣшеній. 3) Коллегіальное управленіе въ особенности могущественно, когда оно установлено верховною властію, потому что здѣсь коллегія не есть „нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся". 4) При единоличномъ управленіи часто происходитъ „за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію... продолженіе дѣлъ и остановка", чего не можетъ быть при коллегіальномъ устройствѣ. 5) При коллегіальномъ устройствѣ „не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимству суду"; здѣсь одинъ членъ будетъ стыдиться другаго. Тайнаго же соглашенія между членами коллегіи въ особенности при разноличномъ и розночинномъ ея составѣ невозможно допустить. 6) Коллегіальное управленіе свободнѣе единоличнаго въ образѣ своихъ дѣйствій. Оно не боится сильныхъ міра, потому что увѣрено въ невозможности мести со стороны сильныхъ цѣлой коллегіи. 7) Отъ коллегіальнаго управленія нельзя ожидать мятежей, „яковые происходятъ отъ единоличнаго собственнаго правителя духовнаго". 8) Члены коллегіи подлежатъ суду той же коллегіи, надъ патріархомъ же нѣтъ суда, кромѣ собора, созываніе котораго всегда сопряжено съ величайшими издержками для государства. 9) Наконецъ коллегія будетъ хорошею школою для воспитанія наилучшихъ правителей церковныхъ. Соображая эти регламентскія доказательства въ пользу преимущества коллегіальной формы церковнаго правленія предъ единоличной, нетрудно примѣтить, какія надежды возлагалъ преобразователь на новое церковное учрежденіе и какихъ благихъ результатовъ въ дѣлѣ „исправленія цер-

ковныхъ нестроеній“ думалъ онъ достигнуть при его правильной дѣятельности. Ввѣряя духовной коллегіи, по выраженію проповѣди Прокоповича, „весь Божій домъ въ Россіи съ тѣмъ, чтобы она и дѣлала, и дабы правильно дѣлалось наблюдала, наставляла и настаивала, преобразователь твердо вѣрилъ, что при такомъ порядкѣ управленія въ Россіи помощію Божіею скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ и надѣятися всего лучшаго.

Съ перемѣною въ высшемъ центральномъ управленіи русскою церковью и областное или епархіальное управленіе получило больше прежняго опредѣленности и порядка. Правда, объемъ власти епархіальной администраціи, отношенія этой администраціи къ новой центральной Св. Синоду съ устройствомъ послѣдняго въ сущности оставались тѣми же, какими они были и въ періодъ патріаршаго управленія; равнымъ образомъ въ сущности тѣми же остались теперь и взаимныя отношенія епархіальныхъ архіереевъ другъ къ другу. Законодательство Петра стремилось только точнѣе регулировать эту власть и эти отношенія епархіальныхъ правителей. Въ способахъ, путемъ которыхъ правительство стремилось къ достиженію своихъ цѣлей въ означенной сферѣ, замѣтно отразилось вѣяніе новаго гражданскаго духа. Областной епархіальной администраціи, оставленной по существу своему въ старомъ видѣ, приданы были теперь нѣкоторые новые неизвѣстные дотолѣ органы власти и всей вообще ея дѣятельности сообщенъ былъ нѣсколько новый характеръ. Областная или епархіальная церковная администрація въ предшествовавшій учрежденію Синода періодъ сосредоточена была въ рукахъ епархіальныхъ епископовъ и архіепископовъ. Въ управленіи своими епархіями послѣдніе были независимы другъ отъ друга и признавали надъ собою церковную власть только лишь въ лицѣ власти высшей церковной администраціи—собора и верховнаго архипастыря церкви. А отсюда въ степени своей власти всѣ они были равны между собою. Время отъ времени съ разныхъ концовъ епархій собирались къ нимъ духовныя лица для совѣщаній. Обыкновенный и издавна укоренившійся способъ замѣщенія вакантныхъ архіерейскихъ каѳедръ состоялъ въ томъ, что по созваніи собора патріархъ назначалъ отъ себя троихъ или четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ потомъ одинъ по со-

борномъ разсужденіи волею царя и патріарха и былъ избираемъ въ епископа. Самая существенная сторона въ области тогдашней епархіальной администраціи, устройство и управленіе судными дѣлами со времени Стоглава организовалось въ такомъ видѣ: въ епархіи каждаго архіерея Стоглавъ постановилъ учредить два суда: одинъ изъ духовныхъ, другой изъ свѣтскихъ особъ. Первый долженъ судить монашествующихъ мужскаго и женскаго пола во всѣхъ дѣлахъ, прочихъ лицъ какъ духовныхъ такъ и мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ; второй—лицъ бѣлаго духовенства и мірянъ во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, подлежавшихъ суду святительскому. На судѣ у бояръ должны сидѣть поповскіе старосты, пятидесятскіе и десятскіе по два или по три, чередуясь понедѣльно, а сверхъ того градскіе старосты и цѣловальники, кому прикажетъ государь. Выслушавъ обѣ стороны бояре представляютъ судный списокъ вмѣстѣ съ ними на усмотрѣніе святителя, который по учиненіи допроса и обсужденіи дѣла съ искусными людьми — полагаетъ свой приговоръ. Духовныя лица, которыя захотятъ отыскивать обидъ на мірянъ должны просить у святителя судей и предъ мірскими судьями, святительскими судьями и земскими старостами должны искать удовлетвореніе въ своей обидѣ. До времени учрежденія Св. Синода преобразовательная дѣятельность Петра почти не касалась епархіальнаго церковнаго управленія. Только уставъ новаго высшаго церковнаго административнаго учрежденія — Духовный регламентъ старается вдохнуть въ эту область церковной жизни новый духъ. Авторъ этого устава, ученый псковскій архіепископъ Θеофанъ Прокоповичъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на права и значеніе епископской власти очевидно чуждъ былъ того взгляда, который нерѣдко выражали современные ему собраты по духовному сану и который позднѣе остроумное перо современнаго Θеофану талантливаго сатирика Кантеміра выразило въ извѣстныхъ чертахъ, выхваченныхъ очевидно изъ живой дѣйствительности. Надо думать, что Θеофанъ Прокоповичъ будучи въ санѣ архіепископа, по его собственному выраженію „вѣдалъ мѣру чести своея“ и не высоко о ней „мнилъ“. Чуждый духа столь несвойственной высокому епископскому сану внѣшней гордости и пустаго напыщеннаго тщеславія, Θеофанъ въ регламентѣ старается всячески и больше всего пропагандировать истинное воззрѣніе на право

и значеніе епископской власти. Вотъ почему глава регламента о епископахъ позднѣе, когда послѣ смерти Петра наступило время холоднаго обсужденія всего, что такъ рѣзко говорилось его сподвижникомъ на поприщѣ церковныхъ преобразованій при жизни преобразователя, кажется была самымъ сильнымъ обвиненіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто пользовался регламентомъ, какъ обвинительнымъ актомъ противъ Θеофана. Какъ мы сказали, въ регламентѣ помѣщена особая глава „о епископахъ". Еще въ 700 г. во многихъ городахъ, гдѣ были митрополиты, узаконено было ставить епископовъ и служить имъ повелѣно въ саккосахъ, а не въ ризахъ и мантіи носить митрополическія, а клобуки черные; званіе же митрополита и архіепископа осталось только для не многихъ [71]). Какъ по общимъ постановленіямъ каноническаго права, такъ и по регламенту епископамъ усвоены права высшаго надзора за чистотою вѣры и нравственности въ епархіи, слѣдовательно власть административная и судебная надъ лицами епархіи какъ духовенства бѣлаго и чернаго, такъ и мірянъ. Такъ какъ власть епископа въ своей епархіи весьма значительна, то регламентъ старается поставить ее въ опредѣленныя отношенія какъ къ лицамъ подвѣдомственнымъ ей, такъ и къ Св. Синоду. Чего епископъ можетъ и долженъ требовать отъ подвѣдомственныхъ ему лицъ и въ чемъ долженъ дать отчетъ Синоду? Въ какихъ случаяхъ обязанъ обращаться къ послѣднему? Такъ какъ объемъ епископской власти тщательно опредѣленъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ и тогда же указаны были способы управленія епархіею, то регламентъ прежде всего считаетъ необходимымъ для епископовъ изученіе постановленій тѣхъ соборовъ или церковныхъ каноновъ. Принимая же во вниманіе то обстоятельство, что „неизвѣстно, будетъ ли всякъ охотникъ къ чтенію, регламентъ дѣлаетъ слѣдующее весьма оригинальное постановленіе. Изученіе каноновъ церковныхъ, говоритъ онъ, можетъ удобно совершаться такимъ образомъ: поданъ будетъ всѣмъ епископамъ отъ коллегіума духовнаго указъ, чтобъ у всякаго при его трапезѣ чтеніе было каноновъ себѣ подлежащихъ: и развѣ тоебъ могло иногда оставитися во дни великихъ праздниковъ, или при гостяхъ достойныхъ, или за иную нѣкую

---

[71]) Церк. Ист. Филарета, синод. періодъ.

вину правильную. Въ случаяхъ затруднительныхъ, гдѣ епископъ недоумѣваетъ въ рѣшеній вопроса, онъ прежде всего обращается за совѣтомъ къ ближайшему епископу, а въ случаѣ неудовлетворительности отвѣта отъ него, долженъ писать и въ самый коллегіумъ.

Указавъ на необходимость точнаго знанія епископами самыхъ основаній ихъ правъ и обязанностей и на оригинальный способъ, при помощи котораго можетъ происходить это ознакомленіе регламентъ старается начертить епископамъ подобную инструкцію относительно добросовѣстнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. По каноническимъ церковнымъ постановленіямъ епископъ долженъ непрестанно заботиться о своей паствѣ. Регламентъ предписываетъ мѣры къ возможно точному исполненію этихъ постановленій. Дѣла епископскаго управленія, по мысли регламента, не должны имѣть остановки. Въ этихъ видахъ въ исключительныхъ крайнихъ случаяхъ, въ случаѣ настоятельной потребности требующей отлучки преосвященнаго изъ его епархіи, для служенія наприм. на очередь въ С.-Петербургѣ, онъ на время своего отсутствія долженъ „кромѣ обычныхъ домовыхъ своихъ управителей опредѣлить къ дѣламъ нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго мужа, придавъ къ нему въ помощь и другихъ нѣсколько умныхъ же человѣкъ отъ монашескаго или священническаго чина“. О всѣхъ важныхъ дѣлахъ эти лица пишутъ епископу, прося его разрѣшенія. Въ сомнительныхъ же дѣлахъ какъ и самъ епископъ, они должны обращаться за разрѣшеніемъ въ коллегіумъ. Въ случаѣ болѣзни епископа, препятствующей ему управлять епархіею, онъ долженъ написать объ этомъ въ коллегіумъ, который уже или присылаетъ администратора, или поставляетъ новаго епископа. Въ этихъ же цѣляхъ въ регламентѣ проглядываетъ желаніе ввести въ область областной церковной администраціи и формы администраціи гражданской. Глава епархіальнаго церковнаго управленія—епископъ, по регламенту, въ способахъ отправленія своей власти пользуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣми же средствами, коими пользуются высшіе гражданскіе областные правители. Такъ какъ гражданскій генералъ-губернаторъ пользуется сторонними свѣдѣніями отъ людей подчиненныхъ о состояніи губерніи, такъ равно и епископы, чтобы „съ успѣхомъ управлять епархіею“, должны

имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи ея. Для доставленія и полученія этихъ свѣдѣній въ регламентѣ установлены два средства, изъ которыхъ одно цѣликомъ заимствовано изъ области свѣтскихъ учрежденій времени, а другое опирается на каноническихъ постановленіяхъ о правахъ, власти и обязанностяхъ епископа. Для постояннаго неослабнаго надзора за тѣмъ, вездѣ ли по епархіи исполняются церковныя и регламентарныя постановленія, епископъ прежде всего „указать долженъ по всѣмъ городамъ, чтобы закащики или нарочно опредѣленные къ тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали и ему бы епископу доносили, еслибы такое нѣчто гдѣ появилось, подъ видомъ изверженія кто бы утаить похотѣлъ“. На основаніи этого постановленія регламента въ синодскомъ указѣ отъ 19 іюня 721 года было предписано: „въ архіерейскихъ епархіяхъ опредѣлить въ каждую по собственному инквизитору, которые бъ были по примѣру учрежденныхъ въ свѣтскомъ правленіи провинціалъ-фискаловъ“. Здѣсь эти инквизиторы должны были наблюдать за духовными особами и разными духовными чиновниками, посылаемыми въ епархію Синодомъ по разнаго рода порученіямъ. „Въ гражданскія же дѣла, гласила инструкція, какого бъ званія оныя не были... провинціалъ-инквизиторамъ и инквизиторамъ не вступать“ [72]). Для успѣшной дѣятельности духовнымъ инквизиторамъ подобно тому, какъ и свѣтскимъ фискаламъ, дозволено было дѣлать необходимыя для нихъ справки смотрѣть и надлежащее выписывать безъ всякаго препятствія „въ подвѣдомственныхъ Св. Синоду установленіяхъ“. Въ этихъ же установленіяхъ инквизиторы могли пользоваться кормчей книгой, соборнымъ уложеніемъ 49—667 гг., а также генеральными и партикулярными указами. Вслѣдствіе этого инквизиторы „во всѣхъ быть могутъ, и по нимъ къ должности своей дѣйствительно покажутся, а неудовольствованіемъ извиняться уже не возмогутъ“. Дѣла по инквизиторскимъ доносамъ въ епархіяхъ производились въ архіерейскихъ домахъ.

Другое средство, которое ставитъ регламентъ для епархіальной власти съ цѣлью успѣшнаго наблюденія за состояніемъ епархіи, состоитъ въ томъ, что епископъ обязывается строго

---

[72]) П. С. П. и Р. IV, 1341 п. 6., П. С. П. и Р. I, 321 и 8, 9, 10, 12, 13, 14 пор.

выполнять каноническое постановленіе относительно посѣщенія имъ епархіи. Въ видахъ возстановленія дѣйствительнаго значенія архирейскихъ объѣздовъ епархіи, составитель регламента пишетъ подробные „регулы“ о томъ, „како лучше можетъ быть сіе посѣщеніе“. Здѣсь ничего не забыто, чтобы сдѣлать посѣщеніе епископомъ своей паствы полезнымъ, а не вреднымъ. Объѣзды эти должны совершаться лѣтомъ, такъ какъ въ это время путевыя издержки менѣе значительны, чѣмъ въ другое время года: „хлѣбъ, рыба, кормъ кормскій дешевле, да и епископъ, чтобъ не трудить священства или гражданъ квартерою можетъ недалече отъ города въ палаткѣ на полѣ время перестоять“. Во время своихъ объѣздовъ епископъ долженъ на строго наказать своимъ служителямъ вести себя въ посѣщаемыхъ мѣстахъ прилично и трезво, не требовать у духовенства пищи, питья и корма, тѣмъ менѣе грабить, „ибо слуги архіерейскіе, замѣчаетъ регламентъ, обычнѣ бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются“. Пріѣхавши въ какой-нибудь городъ, епископъ обязанъ отслужить литургію и сказать паствѣ наставительное слово; затѣмъ онъ спрашиваетъ и разрѣшаетъ сомнительные вопросы изъ духовно-нравственной жизни; собираетъ свѣдѣнія у низшихъ церковниковъ и даже постороннихъ людей, которые покажутся ему заслуживающими довѣрія о поведеніи церковнаго причта. Составитель регламента какъ бы чувствуетъ, что собирать подобнымъ фискальнымъ образомъ свѣдѣнія о поведеніи духовенства неприлично, даже опасно, потому что эти свѣдѣнія могутъ быть высказаны изъ пристрастія, личной мести и пр. Поэтому онъ дѣлаетъ здѣсь оговорку, что епископъ не всякому свѣдѣнію добытому такимъ путемъ, обязанъ вѣрить. Свѣдѣнія эти, говоритъ регламентъ, укажутъ епископу тѣ недостатки, на исправленіе которыхъ онъ долженъ обратить свое вниманіе. Во время же своихъ посѣщеній епископъ принимаетъ жалобы на духовныхъ и разбираетъ ихъ; разузнаетъ, всѣ ли священники читаютъ въ праздничные дни наставительныя книжки и тѣхъ, которые уклоняются отъ этого, подвергаетъ наказанію; распрашиваетъ священниковъ о существующихъ въ мѣстномъ населеніи суевѣріяхъ и наконецъ распрашиваетъ о монахахъ, не шатаются ли они безцѣльно

Прежде нежели епископъ исполнитъ всѣ эти предписываемыя ему регламентомъ дѣла, онъ не имѣетъ права быть въ гостяхъ у кого-либо изъ жителей. По приведеніи же всѣхъ дѣлъ церкви въ порядокъ ему не запрещается это, но только подъ тѣмъ условіемъ, „если епископъ похощетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактаментъ своею казною отправлялъ“. Это для того внушается епископу, какъ замѣчаетъ въ другомъ пунктѣ регламентъ, „чтобы онъ не обольстился чужимъ трактаментомъ“. Два раза въ годъ (вѣроятно именно послѣ своихъ посѣщеній епархіи) епископъ долженъ присылать въ коллегіумъ отчетъ о состояніи своей епархіи. Въ немъ онъ описываетъ, все ли въ его епархіи благополучно; если же есть нестроенія, то какія именно равно и причины, почему они не могутъ быть устранены. За всѣ умышленныя утайки въ отчетахъ епископъ подлежитъ наказанію Синода, которому и принадлежитъ судъ надъ нимъ. Всякій епископъ такимъ образомъ въ своей епархіи является по регламенту распорядителемъ, непосредственно подчиненнымъ въ своей дѣятельности высшей инстанціи церковной администраціи— Святѣйшему Синоду. Такъ регламентъ пытается придать епархіальной власти нѣкоторые новые органы, при посредствѣ которыхъ эта власть дѣятельнѣе и съ большею пользою могла бы проявляться. Съ другой стороны въ тѣхъ же самыхъ цѣляхъ онъ указываетъ епископамъ на извѣстные уже способы правильной дѣятельности и старается точнѣе опредѣлить степень ихъ власти. Что касается степени духовной власти епископовъ надъ паствою, то въ этомъ отношеніи регламентъ заботится о томъ, чтобы возможно точнѣе регулировать и опредѣлить эту власть. Прежде всего онъ старается дѣлать напоминаніе епископамъ о томъ, „чтобы всякій изъ нихъ вѣдалъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ“, потому что дѣло епископскаго служенія, правда, великое дѣло, но честь за него „никаковая“. По опредѣленіямъ Священнаго Писанія епископъ только служитель церкви. Его дѣло „точію внѣшнее“: проповѣдь, обряды, совершеніе таинствъ и проч. Дѣло же внутреннее—обращеніе сердецъ къ покаянію и обновленію есть дѣло Божіе. Это напоминаніе объ истинномъ значеніи епископскихъ обязанностей ради того предлагается регламентомъ, „чтобы укротить оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобы оныхъ подъ руки (донелѣ же здравы суть)

не вожено, въ землю бы онымъ подручная братія не кланялась и пр.". Стараясь напомнить епископамъ объ истинномъ смыслѣ и значеніи ихъ духовной власти, регламентъ обращаетъ особенное вниманіе на власть епископа—вязать и рѣшить, т.-е. на отлученіе и анаѳематствованіе. Извѣстно, какимъ грознымъ орудіемъ въ рукахъ епископской власти и вообще всего духовенства были эти духовныя средства церковнаго наказанія. Еще въ 718 г. самъ Петръ счелъ нужнымъ написать къ мѣстоблюстителю патріаршества митрополиту Стефану Яворскому относительно этого предмета собственноручное письмо слѣдующаго содержанія. „Честнѣйшій отче, писалъ царь, понеже архіереи хотя по положенному обѣщанію и обѣщаются хранить церковные уставы вкупѣ, но ради нѣкоторыхъ у насъ небрегомыхъ дѣлъ изъясненіе особливое написавъ, при семъ посылаю, которое велите присовокупить къ настоящему (исповѣданію архіереевъ предъ поставленіемъ)". Поэтому „особливому изъясненію" архіерей при поставленіи долженъ былъ обращаться: „еже кого-либо по моей страстной волѣ или какихъ ради ссоръ со мною или съ моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и раззорителемъ заповѣдей Божіихъ или противъ церкви еретикомъ; а по Христову словеси по тріехъ увѣщаніяхъ не покоршагося и не исправившагося токмо единолично, а не вседомовно проклинать и отлучать; 2) съ противными церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостно поступать и пр.". По духовному регламенту „епископъ не долженъ быть дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ въ употребленіи власти своей вязательной: даде бо Господь власть сію, говоритъ регламентъ, въ созиданіе, а не на разрушеніе". Чтобы вязательная власть правильно прилагалась необходимо, говоритъ регламентъ, соблюдать слѣдующія правила: 1) опредѣлить степень виновности лица подлежащаго отлученію; 2) знать какъ поступать въ такихъ случаяхъ епископу. По отношенію къ первому вопросу анаѳемѣ по регламенту подвергаются за слѣдующія вины: а) если кто публично хулитъ имя Божіе, или Св. Писаніе, или церковь; б) кто публично сотворитъ грѣхъ и станетъ его выставлять на показъ всѣмъ или в) кто безъ достаточной причины не станетъ пріобщаться Св. Таинъ

больше году или г) кто насмѣхается надъ закономъ Божіимъ. Относительно самаго порядка анаѳематствованія регламентомъ установлена весьма длинная процедура. Епископъ произноситъ анаѳему только послѣ троекратнаго увѣщанія лично или чрезъ другихъ. Если грѣшникъ вслѣдствіе увѣщаній не исправится, то епископъ приступаетъ къ отлученію не прежде, какъ испросивши разрѣшенія у коллегіума. По полученіи разрѣшенія онъ предаетъ виновнаго публичной анаѳемѣ, по составленной заранѣе формулѣ. Письменный экземпляръ формулы потомъ прибивается къ дверямъ церковнымъ. Кромѣ анаѳемы въ церкви есть еще другое наказаніе болѣе мягкое, называемое отлученіемъ или запрещеніемъ. Любопытно сравненіе, которымъ регламентъ хочетъ объяснить различіе между этими двумя родами церковнаго наказанія. „Чрезъ анаѳему, говоритъ онъ, человѣкъ подобенъ есть убіенному, а отлученіемъ или запрещеніемъ подобенъ есть за арестъ взятому“. Отлученіе дозволено епископамъ произносить и безъ разрѣшенія коллегіума и даже безъ „великихъ чрезъ протодіакона предвозвѣщаній, но только на малой хартикѣ написавъ вину преступника и отлученіе его“. Однако невинно отлученный можетъ жаловаться на епископа въ духовную коллегію.

Таковы по Духовному регламенту права и обязанности епископской власти, стоящей во главѣ епархіальнаго суда и управленія. Разсматривая въ общемъ устройство этого управленія находимъ, что оно, какъ и высшее центральное церковное управленіе, неизмѣняя въ сущности своихъ основъ, получило теперь нѣкоторыя черты, которыя были прямымъ отраженіемъ гражданской государственной администраціи, созданной Петромъ Великимъ. Такъ глава епархіальнаго управленія епископъ, стоя въ непосредственной зависимости отъ высшаго церковно-административнаго учрежденія—духовной коллегіи, въ пособіе себѣ для управленія епархіею организуетъ совѣтъ изъ хорошо извѣстныхъ ему духовныхъ лицъ архимандритовъ, игуменовъ и пр. Этотъ епископскій совѣтъ или соборъ нѣкоторыми своими чертами отчасти напоминаетъ собою извѣстный „ландратскій совѣтъ“, учрежденный при губернаторахъ для коллегіальнаго управленія, гражданскими губернскими дѣлами съ тѣмъ только различіемъ, что члены ландратскихъ совѣтовъ избирались мѣстнымъ дворянствомъ изъ его среды, а лица участвовавшія въ епископскомъ

совѣтѣ должны были, по плану регламента, назначаться самимъ епископомъ. Какъ гражданскіе ландраты управляютъ всѣми гражданскими дѣлами губерніи, такъ равно и члены епископскаго совѣта завѣдываютъ по порученію своего епископа всѣми епархіальными дѣлами въ отсутствіе епархіальнаго преосвященнаго. Въ своихъ отношеніяхъ къ высшей центральной административной церковной власти—къ духовной коллегіи, этотъ послѣдній имѣетъ много характерныхъ чертъ, напоминающихъ собою отношеніе гражданскаго губернатора къ центральной гражданской администраціи. Какъ генералъ-губернаторъ гражданскій ежегодно подаетъ въ Сенатъ вѣдомости о томъ, что во ввѣренномъ ему управленіи „все обстоитъ благополучно“, точно такія же отчетныя вѣдомости ежегодно подаетъ въ Св. Синодъ и епископъ относительно состоянія ввѣренной его духовному попеченію епархіи. Во ввѣренной ему части церковнаго управленія епархіи, епископъ пользуется нѣкоторыми средствами надзора, тѣми же какія находятся въ распоряженіи гражданскаго начальника губерніи. Онъ назначаетъ „духовныхъ фискалъ“, которые развѣдываютъ относительно состоянія епархіи и собираетъ эти свѣдѣнія иными путями. Такъ епархіальное или областное церковное управленіе, не измѣняя въ сущности своего устройства, получило новый духъ и характеръ, отраженіе которыхъ замѣтно не только во внѣшнемъ устройствѣ его, но даже и во внутреннемъ, въ тѣхъ новыхъ взглядахъ, которые проводитъ регламентъ на значеніе епископской власти и пр.

ГЛАВА III.

Заботы Петра Великаго относительно устройства и положенія бѣлаго духовенства.

Въ Духовномъ регламентѣ при его первоначальномъ изданіи не было сдѣлано никакихъ спеціальныхъ постановленій относительно низшаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго. Правда, въ главѣ регламента „о дѣлахъ епископскихъ“ были указаны какъ бы мимоходомъ нѣкоторыя выдающіяся черты, взятыя изъ жизни обоихъ классовъ тогдашняго духовенства съ тою, разумѣется, цѣлію, чтобы обратить на нихъ особенное вниманіе епархіальной власти. Но естественно, что въ трудномъ дѣлѣ „исправленія многихъ нестроеній и великой скудости въ дѣлахъ духовнаго чина“, какимъ озабочено было правительство преобразовательной эпохи, весьма недостаточно было ограничиться только лишь формальнымъ, внѣшнимъ предписаніемъ или инструкціею епископамъ о томъ, чтобы они знали „чего суть должны наблюдать въ причтѣ своемъ“. Вліяніе власти, въ какой бы общественной средѣ оно ни обнаруживалось, тогда только можетъ быть сильно и приносить дѣйствительную пользу, когда самая эта среда будетъ проникнута живымъ сознаніемъ своихъ непосредственныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ преслѣдуется органами власти. Живо чувствуя необходимость провести въ массы духовенства это сознаніе его обязанностей, Св. правительствующій Синодъ, получивъ „именной Его Императорска-

го Величества указъ при самомъ уже своемъ откровеніи новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой", по силѣ этого указа, въ послѣднихъ числахъ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая 1722 г. издаетъ особое „прибавленіе къ регламенту о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго".

Относительно исторіи этого прибавленія къ регламенту у г. Пекарскаго въ его сочиненіи „Наука и литература въ вѣкъ Петра Великаго" мы находимъ слѣдующее весьма любопытное извѣстіе: „По состояніи Св. Синода въ 721 г. изданъ былъ сей регламентъ, который отъ Его Величества аппробованъ и надписанъ собственною Его Величества монаршею рукою, и тогожъ году сей регламентъ отданъ былъ печатать. И по окончаніи изъ печати къ сему регламенту отъ Св. Синода членовъ сдѣлано было прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго, и сіе прибавленіе къ сему регламенту припечатано было и тогда по напечатаніи, какъ есть вещь новая въ продажу народную пущенъ былъ (т.-е. Духовный регламентъ вмѣстѣ съ припечатаннымъ къ нему прибавленіемъ). И въ то время церкви Казанской (въ С.-Петербургѣ) священникъ Тимофей Семеновъ, который былъ для церковныхъ нарядовъ надзирателемъ надъ церковными (благочиннымъ), просилъ Его Величество къ себѣ въ домъ для крещенія новорожденнаго младенца, и блаженныя памяти Его Величество оному священнику воспреемникъ быти не отказался, въ домъ его прибылъ и по совершеніи таинства крещенія младенцу между прочими разговоры оный священникъ предложилъ рѣчь о изрядствѣ изданнаго духовнаго регламента и о нѣкоторыхъ пунктахъ Его Величеству предлагалъ, что Его Величество и обо всемъ томъ извѣстенъ былъ. Когда же при томъ разсужденіи оный священникъ упомянулъ о приполненіи къ сему регламенту, котораго Его Величество еще не видѣлъ, тотчасъ Его Величество восхотѣлъ оное видѣть и, посмотря, что оное вновь присовокупленное, сказалъ, что я сего еще не видалъ и мнѣ въ докладъ на аппробацію не предложено было. Послѣ Его Величество, можетъ быть, тѣмъ синодальнымъ членамъ изволилъ выговоръ учинить и скоро оное прибавленіе отъ регламента отмѣнено быти стало и совсѣмъ уничтожено, и въ томъ 721 г. изволилъ Его Величество изъ С.-Петербурга для мирнаго торжества отъѣхать въ Москву и будучи тамъ въ 22

году сіе прибавленіе отъ Синода Его Величеству на аппробацію предложено было и Его Величество аппробовалъ, повелѣлъ сей регламентъ купно съ прибавленіемъ вновь напечатать въ Москвѣ церковными литерами [1]). Такъ прибавленіе къ Духовному регламенту, изданное сначала членами Синода безъ вѣдома и соизволенія Государя, въ послѣдствіи было прочитано, исправлено и одобрено самимъ Государемъ. „Сіе Духовнаго регламента прибавленіе, читаемъ мы въ замѣткѣ, помѣщенной въ концѣ прибавленія, самъ Его Императорское Высочество высокою своею особою слушать и собственноручно исправлять изволилъ и все написанное аппробовавъ напечатать и распубликовать указалъ апрѣля въ послѣднихъ и мая въ первыхъ числахъ сего 722 г.“ По именному царскому указу прибавленіе было подписано всѣми синодальными членами и такимъ образомъ оно получило силу и значеніе равныя съ самимъ Духовнымъ регламентомъ.

Постановленія регламентскаго прибавленія относительно духовнаго чина имѣютъ прежде всего въ виду привести въ порядокъ бѣлое духовенство. Цѣль эта проглядываетъ въ самомъ уже началѣ этихъ постановленій. „Достаточно наставленій, читаемъ здѣсь, преподалъ Господь Богъ церковному клиру чрезъ апостола Павла; но съ теченіемъ времени клиръ на столько развратился, что св. отцы нашли нужнымъ на разныхъ соборахъ издать правила, клонившіяся къ исправленію его. Въ нашей Россійской церкви многія немощи существуютъ. Долгъ возлагаетъ на насъ обязанность изложить, кромѣ преподанныхъ св. отцами, особыя правила, которыя бы для епископовъ служили основаніемъ, чего требовать отъ подвластнаго имъ клира, и клиру, дабы онъ зналъ прямой путь званія своего“.

Судьба бѣлаго духовенства во время Петра Великаго, по справедливому, хотя нѣсколько и преувеличенному, замѣчанію историка Знаменскаго въ первый разъ еще сдѣлалась предметомъ тщательной заботливости правительства [2]). Это замѣчаніе историка представляется не лишеннымъ справедливости на нашъ взглядъ потому главнымъ образомъ, что при Петрѣ отношенія

[1]) Пекарскій, „Наука и Литература“; стр. 522—523.
[2]) Правосл. Собес., 1863 г., ч. Ш, стр. 46.

правительства къ этому классу духовенства получили характеръ, отличный отъ характера прежнихъ правительственныхъ распоряженій. Кромѣ религіозныхъ побужденій, которыя болѣе рельефно выступаютъ во всемъ древнемъ законодательствѣ относительно церкви, въ правительственныхъ распоряженіяхъ Петра относительно духовенства обнаруживается еще новый духъ, основаніе котораго заключается въ преобразовательномъ духѣ времени вообще и главнымъ образомъ въ тѣхъ именно перемѣнахъ, какія были произведены соціальными реформами Петра въ положеніи всѣхъ остальныхъ классовъ тогдашняго общества. Дѣло въ томъ, что новыя начала, которыя развивались подъ вліяніемъ законодательныхъ распоряженій Петра относительно организаціи духовнаго сословія, были совершенно параллельны съ тѣми, какія вносились соціальными реформами преобразователя въ положеніе всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Вотъ почему и для того, чтобы изучить смыслъ и значеніе произведенныхъ реформами Петра перемѣнъ въ положеніи духовнаго сословія, намъ представляется необходимымъ прослѣдить основныя начала соціальныхъ преобразованій Петра, указать перемѣны, внесенныя гражданскими реформами преобразователя въ положеніе всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ.

Между многими наименованіями, которыми такъ любятъ въ настоящее время обозначать дѣйствительный результатъ петровскихъ преобразованій въ ихъ цѣломъ, въ литературѣ можно иногда встрѣтить утвержденіе той мысли, что реформа Петра была крутымъ соціальнымъ переворотомъ, кореннымъ измѣненіемъ въ положеніи различныхъ общественныхъ классовъ и вслѣдствіе этого отношеній между ними.

Разсматривая соціальныя реформы Петра, мы совершенно не находимъ опоры высказанному сейчасъ мнѣнію. Мѣры Петра, по нашему мнѣнію, только юридически опредѣляли тѣ явленія соціальнаго быта, какія существовали до Петра. Съ другой стороны эти мѣры клонились къ тому, чтобы яснѣе обозначались, полнѣе сформировались древне-русскія сословія, переплетавшіяся промежуточными элементами междусословныхъ классовъ, въ родѣ холоповъ, городскихъ крестьянъ и пр. Въ ряду соціальныхъ преобразованій Петра на первомъ планѣ стоятъ перемѣны въ положеніи высшаго класса—дворянъ. Отмѣтимъ здѣсь тѣ распо-

ряженія преобразователя, которыя обособляли дворянское сословіе. До Петра всѣ многочисленные слои дворянскаго класса, носившіе въ Московскомъ государствѣ одно общее названіе „служилыхъ людей“, уже въ XVI в. являлись вѣчно обязанными военною повинностію. Отчасти самое политико-экономическое положеніе (помѣстья и вотчины) служилаго люда въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, опредѣлялось главнымъ образомъ этою обязанностію. Но обязательная для служилаго люда военная обязанность въ Московскомъ государствѣ требовала присутствія его въ арміи только во время кампаніи. По окончаніи команды служилый человѣкъ снова возвращался къ своему обыденному образу жизни; всѣ преобразованія войска въ XVII в. еще далеко не дѣлали изъ него регулярной арміи. При Петрѣ произошли перемѣны въ устройствѣ и положеніи военно-служилаго люда. Съ начала царствованія Петръ постепенно заводитъ регулярную армію и измѣняетъ порядокъ отбыванія воинской повинности. Эта повинность распространяется теперь на податное населеніе государства. Цѣлымъ рядомъ рекрутскихъ наборовъ, начавшихся съ 699 г., Петръ набираетъ рекрутовъ сначала съ извѣстнаго числа дворовъ, а потомъ тяглыхъ ревизскихъ душъ. Такимъ путемъ создана была регулярная армія въ количествѣ большемъ 200 тысячъ, не считая при этомъ казацкой кавалеріи и экипажа флота. Такое быстрое развитіе регулярной арміи прежде всего предполагаетъ большое количество готовыхъ офицеровъ. Такими офицерами, кромѣ значительнаго числа выписанныхъ изъ-за границы иностранцевъ, и были при Петрѣ обязанные вѣчною военною службою дворяне. Такъ какъ непрерывныя войны сдѣлали армію постоянною, то и дворянская служба стала теперь постоянною на самомъ дѣлѣ, т.-е. требовала постояннаго присутствія дворянина въ арміи, и не участія его здѣсь только во время кампаніи. Такъ въ отношеніи воинской повинности дворяне, и прежде бывшіе вѣчно обязанными этою повинностію, получили теперь новое значеніе — значеніе постоянныхъ военныхъ кадровъ. Съ другой стороны, такъ какъ регулярный строй армейскаго вооруженія солдатъ ружьемъ и артиллеріи пушками требовалъ подготовки, то постоянная служба дворянъ усложнилась уже новою обязанностію—обученія солдатъ. Дворянство въ новосозданной Петромъ арміи готовилось командовать полками,

составленными изъ рекрутовъ податныхъ классовъ. Такъ, дворянская служба устроена была Петромъ строже и стала несравненно тяжелѣе прежней. Петръ постоянно твердилъ, что „двойная служба дворянству должна быть, ради которой оно и благородно и отъ подлости (простонародья) отлично“ [3]). Обязательная постоянная на самомъ дѣлѣ военная служба дворянъ составляла первое условіе, обособлявшее этотъ классъ при Петрѣ. Правда эта служба падала и на податное сословіе; но что касается дворянскаго класса, то она была его *спеціальнымъ* пожизненнымъ ремесломъ, *необходимою* принадлежностью сословія и въ этомъ смыслѣ спеціальнымъ признакомъ его общественнаго положенія.

Но дворянство при Петрѣ имѣло не одно военное значеніе. Въ древней Руси оно, какъ извѣстно, было административнымъ классомъ. И въ этомъ отношеніи произведены были реформами Петра перемѣны въ средѣ дворянскаго сословія. Прежде административная служба дворянина была занятіемъ его въ мирное время и занятіемъ корыстнымъ. Гражданская служба сама по себѣ не имѣла тогда другаго значенія. При Петрѣ произошло болѣе точное раздѣленіе службы военной и гражданской. Гражданская административная служба стала рядомъ съ военной и потребовала для себя особаго класса людей. По указамъ Петра дворянинъ, если не служилъ въ войскѣ, обязанъ былъ гражданскою службою. Въ 22 г. „табель о рангахъ“ опредѣлила іерархію чиновъ, поставя должности по гражданской службѣ параллельно съ должностями военными. Впрочемъ, по указамъ Петра, правительство весьма сильно сдерживало приливъ дворянства въ коллегіи и различныя другія гражданскія учрежденія. Герольдмейстеру было предписано: „пока академіи исправятся учинить краткую школу и отъ всякой знатной и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указанную часть и смотрѣть ему, дабы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было, чтобы служилыхъ на землѣ и морѣ не оскудить“. Такъ устроена была Петромъ гражданская служба дворянства. И опять—эта служба была спеціальною принадлежностію дво-

---

[3]) П. С. З. т. V N 1324, т. IV и др.

рянина. Онъ *обязанъ* былъ состоять въ штатѣ гражданскаго вѣдомства, если не служилъ на войнѣ; тогда какъ лицо другаго сословія могло и *не* служить. Въ табели о рангахъ мы находимъ указаніе на то, что въ мысли законодателя дворянство сознавалось именно какъ служилое сословіе. По табели только человѣкъ служащій государству, достигшій извѣстнаго чина (VIII кл.), могъ быть дворяниномъ.

Служба требовала знанія, развитія, образованія. Дворянинъ до 15 лѣтъ долженъ былъ пріобрѣсти *обязательное* образованіе,—умѣть читать и писать, знать цифирь. Чтобы побудить дворянство къ этому образованію, Петръ въ 14 году издалъ слѣдующій указъ: „послать во всѣ губерніи изъ школъ математическихъ по нѣскольку учениковъ, чтобы учить дворянскихъ дѣтей, кромѣ однодворцевъ приказнаго чина, цифири и геометріи и положить штрафъ такой, что *не велѣно будетъ жениться*, пока сего не выучатся и дать знать о томъ архіереямъ, чтобы они не давали вѣнчальныхъ памятей безъ соизволенія тѣхъ, которымъ школы приказаны“ [4]. Съ 15 лѣтъ дворянина записывали въ военную службу. Такимъ образомъ дворянинъ былъ не только обязательно служилый человѣкъ, но и *обязательно* грамотный. Хотя и другія сословія (напр. духовное) обязывались заниматься образованіемъ,—но по силѣ закона обязательнаго обученія дворянъ (дворянинъ не могъ быть семьяниномъ, если не учился) грамотность болѣе спеціализировала дворянское сословіе, чѣмъ остальныя.

Нигдѣ не видимъ мы въ узаконеніяхъ Петра объ организаціи дворянства того, чтобы въ это время законъ развивалъ какія-либо личныя права дворянина. Дворянство и при Петрѣ не получило никакихъ личныхъ правъ больше того, сколько оно имѣло до него. Мало этого: теперь даже и бьютъ дворянина одинаково съ лицами всѣхъ другихъ классовъ. Люди высшихъ дворянскихъ чиновъ не свободны были въ это время отъ тѣлесныхъ наказаній. За то въ это время широко развились имущественныя землевладѣльческія права дворянства. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что и здѣсь, въ отношеніи къ экономическому быту дворянства, законодательство Петра только скрѣп-

[4]) Истор. Двор. Сослов., Яблочкова, стр. 350.

ляю факты, установленные частію путемъ законодательнымъ, а главнымъ же образомъ путемъ практическаго хода жизни прежде. Въ экономическомъ быту дворянства древне-русское законодательство дѣлало различіе между вотчиною и помѣстьемъ. Однако въ XVII в. de facto произошло сближеніе между этими родами землевладѣнія. На дѣлѣ помѣстья еще гораздо раньше Петра обыкновенно переходили отъ отца къ сыну и вотчинникъ обязывался государевой службой наравнѣ съ помѣщикомъ. Такъ юридически различіе помѣстья и вотчины сильно сгладилось уже въ XVII в. При Петрѣ окончательно сглажено было это различіе помѣстій отъ вотчинъ указомъ 714 г.—знаменитымъ Петровскимъ указомъ объ единонаслѣдія, кстати сказать невѣрно называемыми нѣкоторыми историками указомъ о майоратѣ. По силѣ означеннаго указа отецъ могъ передавать недвижимое имущество сельское или городское одному изъ своихъ сыновей, надѣливъ всѣхъ другихъ движимымъ. Въ этомъ законѣ не проводилось уже больше различія между помѣстьями и вотчинами, которыя одинаково подчинены были этому порядку наслѣдованія. Съ другой стороны этотъ законъ вводилъ нераздѣльность имѣнія, охранялъ его цѣлость и былъ палліативомъ, побуждавшимъ младшихъ сыновей дворянъ заниматься службою, а стало быть косвенно закрѣплялъ служилый характеръ дворянскаго сословія. *Равенство и расширеніе владѣльческихъ правъ* дворянства было новымъ условіемъ, выдѣлявшимъ это сословіе изъ ряда другихъ.

Но самая существенная перемѣна въ землевладѣльческомъ положеніи дворянства при Петрѣ тѣсно связана была съ судьбою крестьянства. Въ древней Руси XVII в. опредѣлено было государственное значеніе владѣльческихъ крестьянъ и ихъ отношенія къ владѣльцамъ. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и срокъ давности для сыска бѣглыхъ, установленный сначала на 10 лѣтъ, потомъ на 15, Уложеніемъ былъ отмѣненъ окончательно. Уложеніе царя Алексѣя указало бѣглыхъ крестьянъ всѣхъ безъ различія, какіе бы они ни были—дворовые ли, или черныхъ волостей, или помѣщичьи, или вотчинничьи, возвращать на старыя мѣста жительства—безсрочно [5]. Это полное прикрѣ-

---

[5]) Уложеніе гл. XI.

пленіе крестьянъ къ землѣ, по Уложенію, простиралось не только на самихъ крестьянъ, но и на ихъ дѣтей, рожденныхъ въ то время, когда крестьянинъ жилъ въ бѣглыхъ за другимъ владѣльцемъ, и даже на зятя, ежели крестьянинъ выдалъ за кого свою дочь, или крестьянская дѣвка или вдова въ бѣгахъ вышла за кого замужъ; всѣ эти лица по суду и по сыску возвращались, по Уложенію, старому владѣльцу, отъ котораго бѣжалъ крестьянинъ отецъ, записанный въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ; не возвращались только тѣ сыновья, которые жили отдѣльно отъ отца своимъ семействомъ, своимъ дворомъ [6]). Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ по Уложенію, несмотря на свою полноту и строгость, еще не дѣлало крестьянъ крѣпостными людьми своихъ землевладѣльцевъ. Уложеніе считало крестьянъ только крѣпкими землѣ. Землевладѣльцы, по Уложенію, еще не могли продавать крестьянъ отдѣльно отъ земли, какъ продавали холоповъ; въ Уложеніи даже нѣтъ намековъ на возможность такой продажи крестьянъ; напротивъ, здѣсь мы видимъ довольно ясныя указанія на то, что законъ еще не смѣшивалъ крестьянъ съ холопами и дозволялъ только продажу земель съ крестьянами, а не крестьянъ отдѣльно отъ земли [7]). Такимъ образомъ въ Уложеніи законъ заботился вовсе не о томъ, чтобы уничтожить свободу крестьянъ. Онъ только хотѣлъ, чтобы земельное тягло непустовало, а всегда имѣло за собою плательщика. Однако на практикѣ уже при царѣ Алексѣ началось смѣшеніе крестьянства съ холопствомъ. Къ концу царствованія Алексѣя владѣльцы начали переводить крестьянъ и мѣняться ими безъ земли, какъ крѣпостными людьми по сдѣланнымъ записямъ и по купчимъ. Крестьяне, подобно холопамъ, стали предметомъ частныхъ сдѣлокъ между владѣльцами. Ихъ начали продавать и мѣнять отдѣльно отъ земли, какъ будто они были крѣпкими не землѣ, а владѣльцу. Знаменитый любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выхлопоталъ указъ по которому царь дозволилъ ему записать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ помѣстномъ приказѣ; а за царскимъ любимцемъ и другіе стали также записывать крестьянъ за со-

---

[6]) Уложен. 2 гл. 17 ст.

[7]) Уложен. XVII, 27, 29; X, 101, 38; XVIII; XVII, 23.

бою по сдѣлочнымъ записямъ. Это было злоупотребленіе, правда, допущенное правительствомъ, но еще не признанное ясно закономъ. Но къ концу XVII в. вопросъ о крестьянахъ уже весьма сильно смѣшивается съ вопросомъ о холопахъ какъ въ обществѣ, такъ и законодательствѣ, и узелъ прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльцу незамѣтно затягивается такимъ образомъ все туже и туже; земля ускользаетъ изъ-подъ крестьянъ и они изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ дѣлались крѣпкими своихъ господъ наравнѣ съ холопами. При Петрѣ продажа крестьянъ безъ земли и родителей отдѣльно отъ дѣтей—была уже господствующимъ явленіемъ. Даже самъ всевластный Петръ не рѣшался запретить окончательно этой торговли людьми. Только предложилъ сенату онъ, нельзя ли запретить продажу въ розницу и велѣть продавать только цѣлыми семьями „чего (т.-е. продажи въ розницу) во всемъ мірѣ не водится“. Эта просьба ясно говоритъ о слабости правительства противъ укоренившагося обычая. Легальное основаніе этотъ обычай получилъ въ указахъ Петра о знаменитой первой ревизіи, которая была кореннымъ переворотомъ въ государственномъ положеніи крестьянъ. Указами Петра велѣно было переписать все податное населеніе государства и обложить его новыми „подушными налогами“, которые предназначались на содержаніе полковъ. Полки съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій назначено было размѣстить по провинціямъ. Эта перепись вмѣстѣ съ новымъ обложеніемъ, долженствовавшимъ замѣнить всѣ прежніе прямые налоги — подворные и другіе, и обратила поземельное прикрѣпленіе крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Теперь всѣ подданные владѣльцевъ безъ различія наименованій и степеней крѣпости занесены были въ одинъ разрядъ „крѣпостныхъ людей“; крестьяне и бобыли сравнялись съ задворными и дѣловыми людьми, съ кабальными и полными холопами. Совершилось это превращеніе не по прямому смыслу закона, а вышло незамѣтно изъ послѣдствій ревизіи и именно слѣдующимъ путемъ. Ревизія имѣла вмѣстѣ съ обложеніемъ подушною податью полицейскую цѣль. Правительство рѣшилось воспользоваться сельскимъ дворянскимъ классомъ, возложивъ на него обязанности полицейскаго чиновника, для того, чтобы установить порядокъ въ сельскомъ населеніи. Отнынѣ дворянинъ въ селѣ являлся органомъ правительственной власти. По смыслу

ревизскихъ законовъ всѣ податныя души распредѣлялись между владѣльцами, которые и должны были нести за нихъ отвѣтъ предъ правительствомъ. Ревизія не только переписываетъ души, опредѣляетъ нормальное число тягловыхъ плательщиковъ, но и расписываетъ, распредѣляетъ ихъ между господами. Отсюда— каждая податная душа должна была найти себѣ владѣльца; въ противномъ случаѣ ее приписывали къ кому хотѣли. А владѣльцы—полицейскіе чиновники теперь стали сборщиками податей; господа отвѣчали въ исправности платежа предъ правительствомъ, а не плательщики. Правительство взимало подушный налогъ съ помѣщика, а помѣщикъ съ крестьянина. Но очевидно, что такая отвѣтственность помѣщика предъ правительствомъ предоставляла первому весьма широкую власть надъ крестьяниномъ. Этотъ— прикрѣплялся теперь къ лицу, а не землѣ. Крестьянинъ сдѣлался отвѣтственнымъ только предъ господиномъ, правительственнымъ чиновникомъ. Земля, что быть-можетъ объяснялось обширностію государственной территоріи, недопускавшей возможности установленія поземельнаго или имущественнаго ценза за рѣдкостію населенія,—теперь уже вышла окончательно изъ виду у государства. Государство по ревизіи знало только,—сколько душъ въ извѣстномъ имѣніи; а сколько за крестьяниномъ было земли— объ этомъ мало-по-малу забыли и спрашивать, ибо подати шли съ души, а не съ земли. Указанная цѣль первой ревизіи и установила собою то, что мы называемъ крѣпостнымъ состояніемъ. Спеціальный признакъ его —личная власть помѣщика надъ крестьяниномъ; а она и создана была первою ревизіею. Она такимъ образомъ создала особое положеніе податному населенію, выдѣлявшее его изъ ряда другихъ сословій. Въ составъ крестьянскаго сословія теперь вошли и холопы, потому что ревизія совершенно смѣшала два класса людей, строго раздѣленныхъ прежде. Холопъ платилъ ту же подушную подать, что и крестьянинъ по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи; лично и холопъ былъ прикрѣпленъ къ помѣщику, къ человѣку, какъ и крестьянинъ.

Итакъ дворянство при Петрѣ обособилось а) обязательностію службы военной и гражданской; б) обязательностію обученія; в) равенствомъ и расширеніемъ владѣльческихъ правъ, и г) обязанностями полицейскими, создававшими изъ дворянина—непремѣнно господина. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Петромъ было

положено начало того, что дворяне въ помѣстьяхъ были органами правительственной власти, гражданскими чиновниками, къ юридическому опредѣленію правъ которыхъ хотя и стремилось въ послѣдствіи правительство, но не достигало этого опредѣленія до самой отмѣны крѣпостнаго права въ 1861 г., вслѣдствіе чего на практикѣ и развивался произволъ помѣщика-дворянина. Результатомъ полицейской службы дворянина было развитіе крѣпостнаго права, которымъ обособлялось крестьянское сословіе.

Законодательство Петра о дворянахъ и крестьянахъ имѣло косвеннымъ своимъ послѣдствіемъ болѣе рѣзкое обособленіе городскаго населенія. Это законодательство въ связи съ городскою администраціею, созданною Петромъ, окончательно закрѣпило созданный бытъ города, подготовленный XVII вѣкомъ. Въ городахъ XVII в. населеніе главнымъ образомъ состояло изъ промышленниковъ купцовъ и посадскихъ людей, вольныхъ крестьянъ, занимавшихся пашнею. Оба эти элемента городскаго населенія имѣли много интересовъ, раздѣлявшихъ ихъ. Между ними въ XVII вѣкѣ шла постоянная вражда, которую правительство тогдашняго времени хотѣло уничтожить тѣмъ, чтобы организовать городское населеніе въ одно сословіе. Уже XVII вѣкъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ къ достиженію этой задачи. Не приводя отдѣльныхъ примѣровъ къ подтвержденію этого, мы отмѣтимъ лишь общія черты, которыми характеризуется желаніе правителей и городовъ ввести самоуправленіе въ цѣляхъ организаціи городскаго сословія. Дѣло началось высвобожденіемъ городскаго тягла изъ-подъ власти воеводъ и самостоятельнымъ отбываніемъ его самими горожанами чрезъ выборныхъ; а потомъ постепенно и всѣ дѣла горожанъ, получившія сословный характеръ, образуютъ кругъ сословнаго городскаго управленія. Къ концу XVII вѣка всѣ сборы по городамъ окончательно выходятъ изъ вѣдомства воеводъ и подчиняются выборнымъ старостамъ. Наконецъ были высказаны въ XVII в. попытки—правда лишь въ формѣ проектовъ—къ тому, чтобы организовать торговопромышленное населеніе Россіи въ одно цѣлое. Самою любопытною въ этомъ отношеніи попыткою представляется проектъ извѣстнаго дѣятеля тѣхъ временъ А. М. Ордынъ-Нащокина. Въ новоторговомъ уставѣ 67 г. Нащокинъ писалъ: „для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ купецкихъ

людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороной и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою; въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей"[8]. Авторъ его опередилъ на нѣсколько десятилѣтій свое время. Тяжелую и трудную задачу осуществленія этого проекта, или говоря прямыми словами, задачу организаціи торговопромышленнаго населенія въ одно сословіе, XVII вѣкъ оставилъ неразрѣшимою и завѣщалъ ее великому преобразователю. Самую важную часть законодательства при Петрѣ послѣ устройства военной силы составляла забота правительства о развитіи промышленности и торговли. Сильно заботясь о поднятіи торговли и промышленности въ странѣ, Петръ очень хорошо понималъ, что для достиженія этой цѣли необходимо поставить торговое сословіе въ условія, благопріятствовавшія въ большей или меньшей мѣрѣ его спеціальной дѣятельности. Задачи, которыя надлежало рѣшить въ этой сферѣ преобразователю, прямо подсказывались ему дѣятельностію правительства XVII вѣка. Желаніе городскаго класса, высказанное въ XVII вѣкѣ, высвободить посадскихъ людей отъ воеводской власти и дать имъ самоуправленіе, осуществлено было Петромъ раньше другихъ его административныхъ преобразованій. Въ январѣ 1699 года были изданы сразу два указа, касающіеся посадскихъ людей въ Россіи: указъ объ учрежденіи бурмистрской палаты въ Москвѣ и земскихъ избъ по другимъ городамъ Россіи. Купечество и мѣщанство города Москвы по одному изъ этихъ указовъ поручено было вѣдать выборнымъ изъ нихъ бурмистрамъ ради того, что „во всякихъ промыслахъ чинятся имъ великіе убытки и разореніе, а его великаго государя съ нихъ окладные доходы учинились въ доимкѣ"[9]. Московская бурмистрская палата, по смыслу указа о ея учрежденіи, являлась 1) учрежденіемъ чисто государственнымъ, центральнымъ, общимъ для городскаго населенія всей Россіи; во

---

[8]) Дитятинъ. Устройство и управл. городовъ въ Россіи. Стр. 125—140.
[9]) Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, стр. 148.

2-хъ) она играетъ роль чисто мѣстнаго, общинно-городскаго учрежденія, роль городской земской избы. Въ качествѣ учрежденія обще-государственнаго, центральнаго—бурмистрская палата вѣдала торговопромышленное населеніе всего государства „въ его расправныхъ и челобитныхъ, и купецкихъ дѣлахъ, и въ сборахъ доходовъ"; но вѣдала не прямо, а чрезъ посредство городовыхъ земскихъ избъ, стоявшихъ у него въ подчиненіи. Всѣ пошлины, собираемыя съ городоваго населенія, шли сначала въ земскую мѣстную городовую избу и отсюда уже поступали въ Москву, въ бурмистрскую палату. Черезъ эту палату, или лучше сказать, прямо изъ нея за подписью и печатью президента и бурмистровъ исходили всѣ указы великаго государя, касавшіеся торговопромышленнаго населенія Россіи. Какъ учрежденіе мѣстное, общинно-городское, бурмистрская палата была ничѣмъ инымъ, какъ земской избой города Москвы, вѣдавшею дѣла мѣстныхъ торговопромышленныхъ и купецкихъ людей. Земскія городскія избы должны были замѣнить собою приказныя избы и воеводъ, стоявшихъ во главѣ этихъ избъ. Объемъ ихъ власти указомъ 99 года опредѣлился слѣдующими словами: „мирскимъ выборнымъ людемъ въ земскихъ избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ расправахъ и челобитныхъ дѣлахъ и въ сборахъ" [10]). Въ 720 году описанное нами городское самоуправленіе было снова преобразовано. Въ февралѣ этого года учрежденъ былъ въ Петербургѣ такъ-называемый „главный магистратъ", которому поручено было „вѣдать всѣхъ купецкихъ людей и разсыпанную сію храмину паки собрать" [11]). Четыре года спустя послѣ открытія главнаго магистрата открыты были магистраты и по другимъ городамъ. Каждый городъ долженъ былъ своими собственными наличными силами снабдить магистратскіе чины „угодными и искусными персоны", избранными притомъ изъ первостатейныхъ и зажиточныхъ гражданъ, которые могли бы и *президировать* въ нихъ. Этотъ составъ магистратовъ былъ не одинаковъ въ каждомъ городѣ, а разнообразился смотря по ко-

---

[10]) П. С. З. № 1674; Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, стр. 165.

[11]) Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, стр. 165.

личеству народонаселенія города. Всѣ города въ этомъ отношеніи были раздѣлены на 5 разрядовъ. Магистраты городовъ, причисленныхъ къ первому разряду, предполагалось составить изъ 4 бурмистровъ и одного президента. Города послѣдняго разряда лишались совершенно коллегіальнаго учрежденія. Въ нихъ магистратъ замѣнялся единоличною должностію бурмистра. Всѣмъ магистратамъ предоставлена была широкая власть суда съ правомъ произносить судебные приговоры, исполненіе которыхъ зависѣло отъ конфирмаціи главнаго магистрата. Такъ устроено было Петромъ городское самоуправленіе. Благодаря такому его устройству и благодаря реформѣ въ средѣ дворянъ, городское сословіе, прежде тѣсно связанное съ сельскимъ, теперь стало уединеннымъ и рѣзче прежняго обособленнымъ классомъ.

Оглядываясь назадъ и подводя итоги сдѣланному нами очерку соціальныхъ преобразованій Петра, мы должны повторить здѣсь высказанное нами въ началѣ настоящей главы замѣчаніе относительно смысла и характера гражданскихъ сословныхъ реформъ Петра. По закону положеніе лицъ и различныхъ общественныхъ классовъ послѣ Петра осталось почти такимъ же, какимъ оно было до него. Законодательство Петра по отношенію къ сословіямъ только закрѣпило развившіеся гораздо раньше его факты и несравненно точнѣе опредѣлило отношенія между различными общественными классами. Государственныя обязанности, лежавшія на обществѣ, теперь окончательно опредѣлились. Дворянство стало обязательнымъ военнымъ классомъ, или точнѣе служащимъ. Правда, эта обязательность существовала для него и прежде; но за исполненіемъ ея не слѣдили такъ строго, какъ стали слѣдить теперь при Петрѣ. Точно въ такомъ же направленіи развивалось законодательство преобразователя и по отношенію къ низшему, податному классу населенія. Крестьяне со времени Петровской реформы въ ихъ бытѣ окончательно сдѣлались обязательнымъ рабочимъ классомъ, платившимъ подать за право труда. Только теперь крестьяне были гораздо больше подчинены власти землевладѣльцевъ, платили государству гораздо больше, и къ прежнимъ тяжестямъ на нихъ наложена была еще новая рекрутская военная повинность. Городское сословіе, вслѣдствіе особеннаго устройства его администраціи, стало рѣзко отдѣляться отъ всѣхъ прочихъ слоевъ общества. Петръ пытался

даже замкнуть городскіе классы въ цеховыя корпораціи. Таковы были перемѣны, внесенныя соціальными преобразованіями Петра въ строй гражданской общественной жизни.

Начала, развившіяся подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра въ строѣ гражданской соціальной жизни, отразились въ полной мѣрѣ, какъ это мы уже замѣчали, и въ узаконеніяхъ преобразователя относительно сословной организаціи духовнаго чина. Законодательство преобразователя по отношенію къ сословной организаціи духовенства развивалось параллельно съ перемѣнами, вносимыми реформами Петра въ строй гражданской общественной жизни, и цѣли, достиженіе которыхъ преслѣдуетъ преобразователь въ своихъ узаконеніяхъ относительно духовенства, — были совершенно параллельны тѣмъ, какія обнаруживались въ предпринятой имъ организаціи другихъ общественныхъ классовъ. Требуя отъ всѣхъ сословій дѣйствительной службы государству, неусыпно заботясь о томъ, чтобы ни одинъ членъ государства „въ избылыхъ отъ государевой службы не былъ“, Петръ требовалъ такого же служенія государству и отъ „духовнаго чина“. Онъ понималъ этотъ „чинъ“, какъ особый классъ въ государствѣ, на который возложены свои особенныя, спеціальныя и ему одному свойственныя задачи. Придавая самое важное значеніе тому вліянію, какое оказываетъ религія и церковь на соціальную жизнь государства, а вовсе не отрицая этого вліянія, Петръ желалъ видѣть въ духовенствѣ государственный классъ, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы быть органомъ или орудіемъ религіозно-нравственнаго вліянія на народъ. Къ этому онъ призывалъ его постоянно. Но для того, чтобы духовенство могло достигнуть этого высокаго своего назначенія и быть тѣмъ, чѣмъ желалъ видѣть его преобразователь, необходимо было прежде всего, съ одной стороны, дать ему твердую внѣшнюю сословную организацію, собрать едва-ли не больше всѣхъ другихъ разсыпанную храмину духовенства такимъ же точно образомъ, какъ собраны были разсыпанныя храмины купецкая, крестьянская и шляхетская, а съ другой—напомнить духовенству, въ чемъ дѣйствительно должно состоять его высокое служебное назначеніе и сообразно съ тѣмъ смысломъ, какой придавало этому назначенію правительство, указать или лучше сказать, поставить въ умствен-

номъ и нравственномъ отношеніи духовенство въ уровень съ этимъ его назначеніемъ. Первая изъ этихъ задачъ достигалась въ такой или иной мѣрѣ, съ одной стороны, прямымъ путемъ цѣлаго ряда правительственныхъ узаконеній, направленныхъ къ достиженію одной общей цѣли—внѣшней обособленности духовенства отъ всѣхъ другихъ сословій, выдѣленію его въ тѣсно сплоченный въ кругу своего сословія государственный классъ, а съ другой косвеннымъ образомъ къ достиженію означенной цѣли вели преимущественно законодательныя распоряженія Петра относительно сословной организаціи другихъ общественныхъ классовъ. Точно такимъ же двоякимъ путемъ развивалось законодательство Петра въ разрѣшеніи вопроса о внутренней сословной организаціи духовенства путемъ поднятія умственнаго и нравственнаго уровня духовенства на высоту, соотвѣтствовавшую указываемому ему Петромъ его высокому назначенію. Прежде всего въ этомъ отношеніи правительство преслѣдуетъ рядъ мѣръ совершенно отрицательнаго, репрессивнаго и притомъ чисто-внѣшняго свойства, а съ другой—рядъ правительственныхъ заботъ направленъ на то, чтобы поднять умственный и нравственный уровень духовенства при помощи средствъ положительныхъ, путемъ образованія и просвѣщенія его. Но въ самомъ своемъ принципѣ обѣ указанныя нами цѣли въ законодательствѣ Петра относительно бѣлаго духовенства не заключали въ себѣ ничего новаго. Напротивъ онѣ прямо подсказывались Петру предшествовавшею дѣятельностію правительства относительно духовенства и къ достиженію ихъ и въ предшествовавшій Петру періодъ церковной жизни предпринятъ былъ со стороны правительства гражданскаго и духовнаго рядъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ попытокъ. Правительственныя же распоряженія Петра по отношенію къ достиженію означенныхъ цѣлей выдавались только съ большею строгостію и рѣшительностію, а также и съ указаніемъ новыхъ, неизвѣстныхъ прежде средствъ, ведущихъ къ достиженію означенныхъ цѣлей. Поэтому и въ результатѣ правительственныхъ мѣропріятій Петра въ означенной области получались болѣе рѣзкія перемѣны во внутренней сословной жизни духовенства. Программа, исполненіе которой преслѣдовало правительство преобразовательной эпохи по отношенію къ внѣшней организаціи бѣлаго духовенства, сама собою опредѣлялась тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находился

этотъ классъ духовенства со стороны внѣшней организаціи въ предшествовавщій преобразователю періодъ исторической жизни. Въ древній до-петровскій періодъ жизни на Руси бѣлое духовенство, по своему положенію въ организаціи всего вообще „духовнаго чина", представляло изъ себя какъ бы простой народъ, „ни чѣмъ неотмѣнный", по отзыву современника Петра Посошкова, „отъ пахотныхъ мужиковъ". Да и трудно себѣ представить, какъ могло-бы быть отмѣнно въ то время бѣлое духовенство отъ „пахотныхъ мужиковъ", когда эти послѣдніе и доставляли изъ своей среды главный контингентъ лицъ для занятія церковнослужительскихъ должностей. Въ древней Руси, какъ извѣстно, духовенство не составляло запретнаго сословія: въ ней служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено стѣснительными постановленіями: кто хотѣлъ и имѣлъ возможность быть духовнымъ лицомъ, тотъ легко могъ поступить въ духовное званіе, если не имѣлъ за собою пороковъ, препятствующихъ принятію на себя священнаго сана. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство древней Россіи. Тогда оно пользовалось свободнымъ правомъ оставаться или не оставаться въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ было и въ XVII в., когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній, когда помѣщики имѣли у себя священно-церковно-служителей часто изъ своихъ же крестьянъ[12]). Но на ряду съ этою свободою доступа для лицъ всѣхъ общественныхъ классовъ къ занятію священно-церковно-служительскихъ должностей,—главнымъ образомъ путемъ самаго практическаго хода жизни, а частію и путемъ законодательнымъ подготовлялась еще гораздо раньше Петра сословная организація духовенства. Очень рано практика церковной жизни такъ сложилась, что дѣти духовныхъ лицъ съ ранняго возраста пріучались къ чтенію и пѣнію въ приходской церкви и постепенно входили такимъ образомъ въ обычную дѣятельность клира, естественно и совершенно послѣдовательно пріобрѣтали себѣ,

[12]) Д. къ а. и. т. V, стр. 490.

дѣйствуя притомъ вмѣстѣ съ родными, право сначала на низшія, а потомъ и на высшія мѣста въ церковномъ клирѣ: лишь бы достигнуть перваго, а послѣ легко было задобрить прихожанъ, уже привыкшихъ видѣть новыхъ членовъ въ составѣ клира, дать „заручную“ на производство въ высшую степень клира, хотя бы даже съ необходимостію увеличенія самого клира. Такимъ образомъ члены клира слишкомъ близко были заинтересованы тѣмъ, чтобы отклонить домогательства стороннихъ лицъ на полученіе мѣста въ клирѣ, и на дѣлѣ дѣйствительно уже въ XVI в. обнаруживалось, что цѣлые причты составлялись изъ родныхъ и знакомыхъ. Такой порядокъ вещей былъ тѣмъ естественнѣе, что самымъ главнымъ условіемъ для вступленія въ клиръ былъ выборъ прихожанъ. Прихожане въ древней Руси сами избирали достойныхъ людей для служенія въ ихъ приходской церкви и давали имъ отъ себя такъ-называемый „выборъ“ или „излюбъ“. Очевидно, что этотъ излюбъ или выборъ прихожанъ чаще всего и скорѣе всего долженъ былъ падать на лицъ, которыя по взгляду прихожанъ удовлетворяли качествамъ, требуемымъ отъ служителей церкви, а такими лицами и были именно дѣти священнослужителей церкви. Путемъ законодательнымъ начало описаннаго нами порядка въ замѣщеніи церковнослужительскихъ мѣстъ было положено еще на Стоглавомъ соборѣ: „а который попъ или діаконъ овдовѣетъ“, сказано въ соборномъ опредѣленіи, „и будетъ у него сынъ, или братъ, иль зять, или племянникъ, а на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздъ, то его въ попы на мѣсто поставить“ [13]). Отцы московскаго собора 1667 года, выражая желаніе, чтобы на служеніе церкви не были опредѣляемы „сельскіе невѣжды“, велѣли священникамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ и церковному благочестію съ тою цѣлію, дабы они были достойными наслѣдниками ихъ мѣста: „повелѣваемъ яко да всякій священникъ дѣтей своихъ да научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочестію, со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту, а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовати и во священство поставлятися

[13]) Акт. Археолог. Экспед. т. I, № 229.

сельскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“ [14]). Такимъ образомъ законодательныя распоряженія правительства XVI и XVII вв. относительно замѣщенія церковно и священнослужительскихъ вакансій шли на встрѣчу тому порядку, который выработанъ былъ путемъ практическимъ; а благодаря этому обстоятельству наше древне-русское духовенство постепенно тѣснѣе и тѣснѣе замыкалось въ кругу исключительно своего сословія. Кажется, здѣсь умѣстно будетъ мимоходомъ бросить замѣчаніе, что описанный нами порядокъ въ занятіи священно-церковно-служительскихъ должностей, развившійся самою житейскою практикою и скрѣпленный путемъ законодательнымъ, совершенно игнорируется тѣми, которые утверждаютъ, что сословность духовенства, сдѣлавшая изъ него касту, отъ которой оно не можетъ освободиться до самаго позднѣйшаго времени, обязана своимъ происхожденіемъ исключительно петровскимъ реформамъ. Описанный нами древній порядокъ въ замѣщеніи священно-церковно-служительскихъ должностей, въ основаніи котораго лежала преемственность или наслѣдство, прямымъ своимъ послѣдствіемъ имѣлъ даже то обстоятельство, что съ теченіемъ времени клиръ церковный до того былъ переполненъ праздною молодежью, выжидавшею для себя вакантныхъ мѣстъ при церкви, что ея количество далеко превышало собою наличное количество праздныхъ священно-служительскихъ вакансій. Большая часть этой праздной молодежи значилась при приходскихъ церквахъ въ качествѣ дьячковъ и пономарей. По словамъ Духовнаго регламента, „при многихъ церквахъ попы не припускали въ церковники чужихъ, но своими сынами или сродниками мѣста того служенія занимали, иногда и вящше потребы и несмотря, угодны ли суть и грамотѣ искусны“. Все это дѣлалось, по словамъ регламента, для того, что при такомъ порядкѣ „удобнѣе было священно-служителямъ неистовствовать, о служеніи и порядкѣ не радѣть и раскольщиковъ покрывать“. По оффиціальнымъ табелямъ, поданнымъ Св. Синоду въ 1723 г. и провѣреннымъ московскою Дикастеріею [15]), при нѣкоторыхъ калужскихъ церквахъ, у которыхъ было не болѣе, какъ по двѣ

---

[14]) Дополн. къ а. и. т. V, стр. 102.

[15]) Любимовъ Обозр. способ. содерж. духов. стр. 116.

тысячи дворовъ прихода, числилось столько поповскихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ на причетническихъ мѣстахъ, что при пяти священникахъ ихъ бывало до пятидесяти человѣкъ.

На ряду съ этимъ развитіемъ весьма большой массы праздной молодежи въ сферѣ духовенства быстро шло увеличеніе и наличныхъ членовъ духовенства въ пропорціи, которая далеко превосходила собою наличное количество приходовъ. Различныя причины содѣйствовали въ большей или меньшей мѣрѣ развитію этого далеко непропорціональнаго сравнительно съ количествомъ приходовъ количества священно служителей. Одна изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ причинъ этого быстраго увеличенія наличнаго состава духовенства въ періодъ преобразовательной дѣятельности Петра заключалась, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ строгихъ требованіяхъ, какія еще гораздо раньше Петра стало предъявлять гражданское правительство по отношенію ко всѣмъ вообще сословіямъ и преимущественно къ тѣмъ изъ членовъ духовенства, которые не состояли въ наличномъ его составѣ. Для церкви эта бездѣятельная масса духовенства была такимъ же тяжелымъ бременемъ, какимъ для гражданскаго правительства были „вольные или гулящіе люди". Правительство гражданское не иначе и трактовало ихъ себѣ, какъ именно „вольныхъ гулящихъ людей"; а поэтому въ продолженіе всего XVII в. правительство гражданское усиленно хлопочетъ о томъ, чтобы привлечь „безмѣстныхъ поповичей" къ государственному тяглу. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ указъ относительно того, чтобы при священникахъ и діаконахъ оставалось только по одному, годному къ церковной службѣ, а всѣ же прочія дѣти ихъ должны были верстаться „въ служилые люди". Въ уложеніи царя Алексѣя мы находимъ даже слѣдующее постановленіе относительно безмѣстныхъ поповичей: „а которые люди... поповы дѣти или церковные дьячки или пономари и проч, живутъ на церковныхъ земляхъ, а торговыми они всякими промыслы промышляютъ, а ни въ какомъ тяглѣ они не описаны и тѣхъ всѣхъ... взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылыхъ не были"[16]). Наконецъ въ это же время безмѣстныхъ поповичей очень нерѣдко забирали и прямо

---

[16]) Улож. гл. XIX, ст. 3.

въ военную службу [17]). Если такъ смотрѣло гражданское правительство XVII в. на большія массы празднаго и бездѣятельнаго люда въ средѣ духовенства, то понятно само собою, какъ должно было отнестись къ этому люду Петровское правительство, зорко наблюдавшее за тѣмъ, чтобы ни одинъ членъ государства „въ избылыхъ не былъ и чтобы государевой собственно службѣ въ ея нуждахъ не было умаленія". До 20 г. царствованія Петра такихъ безмѣстныхъ, неученыхъ и нехотѣвшихъ учиться грамотѣ поповичей не велѣно было принимать ни въ какіе чины, кромѣ служилаго или солдатства. Со времени первой государственной ревизіи, съ 20 г. XVIII столѣтія явилось новое средство къ уменьшенію числа священно-церковно-служительскихъ дѣтей—подушный окладъ. Извѣстно, что дѣйствіе первыхъ указовъ о ревизіи распространялось не только на одно податное населеніе, но и на другіе классы, между прочимъ также на духовенство. Въ этомъ послѣднемъ классѣ ревизской переписи не подлежали только сами священники и діаконы, которыхъ велѣно было писать въ дополнительныхъ ревизскихъ сказкахъ, всѣхъ же причетниковъ и духовныхъ дѣтей велѣно писать въ ревизію [18]). Съ учрежденіемъ Св. Синода Духовнымъ регламентомъ было вмѣнено въ строгую обязанность епископамъ „весьма зло сіе", т. е. излишнее умноженіе праздныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей пресѣкать, а противнотворящихъ поповъ жестоко наказывать: развѣ по приговору прихожанъ, говоритъ регламентъ, и по благословенію именному епископа можетъ священникъ сына своего, пѣть и честь искуснаго, да только единаго, имѣти во дьячкахъ или пономаряхъ, а прочихъ добрѣ изучившихся отдавать къ другимъ церквамъ или иной честной житія промыселъ". Эти строгія правительственныя распоряженія XVII и первой четверти XVIII вв. о привлеченіи къ государственному тяглу, о включеніи въ военную службу и въ податный окладъ всѣхъ праздныхъ безмѣстныхъ поповичей, прямо и привели къ реакціи, къ чрезвычайно быстрому умноженію безъ мѣры количества священно-церковно-служителей. Избѣгая всѣхъ тѣхъ тяжестей, которыми стало угрожать ему законодательство, весь

---

[17]) Прав. Собес. 1863 г. ч. III, стр. 62.
[18]) П. С. З. т. VI, № 3481.

этотъ праздный и бездѣятельный людъ въ средѣ духовенства старался во что бы то ни стало попасть въ церковный клиръ. Для достиженія своихъ цѣлей при этомъ обыкновенно употреблялись всевозможныя уловки и даже прямой обманъ. Въ 711 г. освященный соборъ и правительствующій Сенатъ жаловались на то, что „имъ вѣдомо учинилось, что когда начали брать на службу людей молодыхъ и къ воинскому дѣлу пригодныхъ, то дьячки, пономари, сыновья поповскіе и діаконовскіе различными коварными образами и лжесоставными челобитными похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно и неправедно, иногда лѣтъ подобающихъ не имѣя, иногда посвящаясь въ лишніе попы или діаконы, отъ чего бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священнымъ чиномъ, а государевой службѣ въ настоящихъ нуждахъ умаленіе", и еще тогда отцы освященнаго собора сообща съ Сенатомъ постановили рядъ мѣръ къ болѣе правильному посвященію въ священники и діаконы и къ болѣе строгому выбору ихъ [19]). Но желаніе во что бы то ни стало избѣжать государевой службы заставляло подобныхъ, избывавшихъ отъ государевой службы, по регламентскому выраженію, людей изыскивать разнаго рода обманы къ тому, чтобы какимъ бы то ни было способомъ „водраться", по выраженію Духовнаго регламента, „въ священный чинъ". Въ средствахъ для достиженія означенныхъ цѣлей такіе кандидаты священно-церковнослужительскихъ должностей обыкновенно никогда не задумывались. Хорошо зная, какое важное значеніе мѣстная епархіальная власть придавала въ дѣлѣ назначенія новаго члена клира въ тотъ или другой приходъ „заручной отъ прихожанъ", такіе искатели священно-церковно-служительскихъ мѣстъ чаще всего употребляли явную ложь для этого спасавшаго ихъ отъ государевой службы талисмана. Подкупивъ немногихъ прихожанъ они брали у послѣднихъ фальшивое свидѣтельство о томъ, что у церкви, къ которой они желаютъ опредѣлиться, „попа не имѣется" [20]). Сдѣлавъ такимъ образомъ сдѣлку съ прихожанами и получивъ священный санъ, они вступали затѣмъ въ различнаго рода сдѣлки съ наличными священниками, къ которымъ втира-

---

[19]) П. С. З. т. IV, № 2354.
[20]) Правосл. Собес. 1863 г. ч. Ш, стр. 55.

лись въ товарищи. Иногда также безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній съ приходомъ, такіе искатели священно-церковно-служительскихъ мѣстъ условливались заранѣе съ тѣмъ или другимъ изъ наличныхъ членовъ приходскаго клира и платили ему деньги за то, чтобы тотъ, если онъ былъ священникомъ, уступилъ имъ какую-нибудь часть прихода своего, или, если клирикъ вообще, чтобы сказался больнымъ, слабымъ, неспособнымъ къ прохожденію своего служенія [21]). Не могла служить большою преградою для такихъ лицъ къ занятію ими священно-церковно-служительскихъ должностей и строгость ставленическаго экзамена въ непосредственномъ присутствіи мѣстнаго преосвященнаго, строгость, относительно которой въ 711 г. ко всѣмъ преосвященнымъ разосланы были особыя статьи „съ великимъ подкрѣпленіемъ" [22]). Они хорошо знали, что въ данномъ случаѣ „въ поставленіи поповскомъ архіереи", какъ замѣчаетъ Посошковъ, „полагаются на служебниковъ своихъ" [23]). Эти же послѣдніе, по свидѣтельству того же Посошкова [24]), употребляли такую уловку, чтобы провести, какъ говорится, преосвященнаго и выставить предъ нимъ лицо ищущее священно-церковно-служительскаго мѣста „весьма годнымъ для вступленія въ священный чинъ". Служебники же примутъ отъ новоставленника и затвердятъ ему въ Псалтири псалма два три и предъ архіереемъ заставятъ вытверженное читать: ставленникъ ясно, внятно и поспѣшно пробѣжитъ, и архіереи, не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ въ пресвитеры и отъ такого порядка, замѣчаетъ Посошковъ, у иныхъ грамота и плоха [25]). Благодаря всѣмъ указаннымъ нами обстоятельствамъ, облегчавшимъ доступъ въ церковный клиръ, наличный составъ священно-церковно-служителей уже въ XVII в. достигалъ весьма большихъ размѣровъ. Къ сказанному нужно прибавить еще и то обстоятельство, что составъ этотъ въ весьма значительной мѣрѣ пополнялся элементами и изъ всѣхъ другихъ сословій. Когда въ XVII в. прави-

---

[21]) Истор. стат. обозр. Харьк. епар., стр. 7.

[22]) Солов. Ист. Рос. XVI, стр. 349.

[23]) Солов. Ист. Росс. XVI, стр. 351.

[24]) Тамъ же.

[25]) Прав. Собес. 1863 г. стр. 65.

тельство строже стало заботиться о привлеченіи къ государственному тяглу всѣхъ классовъ общества, когда оно настойчивѣе стало предъявлять свои требованія относительно того, чтобы ни одинъ членъ не былъ въ избылыхъ отъ государевой службы въ различныхъ ея видахъ, то духовное сословіе сдѣлалось самымъ безопаснымъ мѣстомъ укрывательства для лицъ, которыя почему-либо не желали подчиниться этому правительственному требованію. Чаще всего строгости и тяжести военной службы служили побужденіемъ для укрывательства въ безопасной средѣ духовнаго сословія.

Вотъ почему даже дѣти потомственныхъ дворянъ при Петрѣ служили иногда при церкви и не только на высшихъ, но и на низшихъ степеняхъ церковныхъ—въ дьячкахъ и пономаряхъ. Это чрезвычайно быстрое увеличеніе количества духовенства и образовало въ началѣ XVIII столѣтія въ средѣ духовенства тотъ классъ, который можно назвать „священно-церковно-служительскимъ пролетаріатомъ“ и который напоминаетъ собою „помѣщичій пролетаріатъ XVI и XVII вв., развившійся вслѣдствіе чрезвычайно мелкихъ помѣстныхъ окладовъ, бывшихъ на Руси въ это время. Въ ближайшее къ Петру время въ очень рѣдкомъ приходѣ нынѣшнихъ центральныхъ губерній Имперіи можно было встрѣтить одного священника. Были такіе приходы (это было, наприм. въ рязанской епархіи), въ которыхъ при количествѣ пятнадцати только крестьянскихъ домовъ было двое поповъ [26]). При церквахъ болѣе богатыхъ число ихъ доходило до шести, осьми и болѣе человѣкъ. Этотъ пролетаріатъ въ средѣ духовенства, развившійся въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. въ громадныхъ размѣрахъ, увеличивался еще цѣлымъ классомъ духовныхъ лицъ, входившихъ въ составъ его. Мы разумѣемъ классъ такъ-называемаго бродячаго, перехожаго или, какъ его обыкновенно принято называть „крестцоваго“ поповства. Этотъ послѣдній классъ и послужилъ собственно основаніемъ для церковно-священно-служительскаго пролетаріата, какой обнаружился въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.

---

[26]) Тамъ же.

Крестцовое или перехожее поповство, издавна образовавшееся на Руси, въ XVII и началѣ XVIII столѣтія сдѣлалось особенно замѣтнымъ. Крестцами назывались въ Москвѣ извѣстные пункты, на которыхъ собиралось много народу, напримѣръ, у Варварскихъ и особенно у Спасскихъ воротъ. На этихъ-то пунктахъ, какъ говорилъ позднѣе біографъ московскаго митрополита Платона, „съ давнихъ временъ сбирались безмѣстные попы и діаконы, запрещенные, подъ слѣдствіемъ находившіеся и отрѣшенные отъ мѣстъ; тамъ они нанимались за малую цѣну служить обѣдни при разныхъ церквахъ, особливо домовыхъ [21]). Но на крестецъ собирались не одни только отрѣшенные отъ мѣстъ, запрещенные и подъ слѣдствіемъ находившіеся священно-служители. Сюда собиралось много и такихъ, которые добровольно оставляли свои мѣста и уходили въ Москву. Такъ, въ духовномъ сословіи въ теченіе почти всего XVII и начала XVIII вѣковъ происходило встрѣчное движеніе. Съ одной стороны, массы лицъ не только по своему рожденію принадлежащихъ къ духовному сословію, но и всѣхъ другихъ общественныхъ элементовъ, усиленно стремятся къ тому, чтобы во что бы то ни стало „водраться" въ духовный чинъ и занять здѣсь хоть какое-нибудь мѣсто, а съ другой — заручившися мѣстомъ добровольно покинуть его и уйти на крестецъ. При той свободѣ перехода, которая господствовала въ древней Россіи, такое добровольное желаніе покинуть занимаемое мѣсто было дѣломъ очень легкимъ и всегда возможнымъ. Такъ называемыя „отпускныя грамоты", которыя давались священноцерковнослужителямъ при оставленіи ими своего прихода, давали имъ очень много свободы; съ этими грамотами они могли ходить по всѣмъ митрополіямъ, архіепископіямъ. Не было большаго труда для священнослужителей и для того, чтобы временно пристать къ какой-нибудь церкви. Для этого не требовалось даже входить въ какія-нибудь непосредственныя сношенія съ своимъ епархіальнымъ архіереемъ. Слѣдовало только предъявить свою отпускную грамоту архіерейскому намѣстнику или даже десятнику, а послѣднихъ всегда можно было подкупить посуломъ, потому что эти господа, по выраженію регламента, „обычнѣ бываютъ лакомыя скотины". Благо-

[21]) Жизнь Плат. ч I, стр. 46. И. Зн. Пол. д. въ ц. Ек. и П.

даря такой легкости перехода священникъ или діаконъ, которому почему-нибудь (чаще всего по бѣдности) не нравилось жить въ своемъ приходѣ, захвативъ съ собою требникъ съ епитрахилью, преспокойно покидали его. Записавшись въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и взявъ здѣсь проорарныя или епитрахильныя грамоты,—а чаще всего даже и безъ этихъ нетрудныхъ канцелярскихъ формальностей,—они отправлялись на крестецъ и здѣсь дожидались, пока ихъ кто-нибудь не найметъ служить или отправлять требу; иногда же они ходили по селамъ, служа—гдѣ обѣдню, гдѣ панихиду, гдѣ молебенъ. О томъ, какъ велико было число этого крестцоваго духовенства въ XVII и началѣ XVIII. вв., можно судить по тому, что въ дѣлахъ первой ревизіи, т.-е. послѣ того какъ уже предприняты были гражданскимъ и духовнымъ правительствомъ Петра всевозможныя мѣры къ сокращенію его численности, въ одной только Москвѣ числилось около 150 человѣкъ однихъ крестцовыхъ поповъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ это число, какъ это само собою разумѣется, вошли только „перехожіе попы“, записанные въ приказѣ церковныхъ дѣлъ. А сколько проживало ихъ въ столицѣ въ неизвѣстности у начальства гражданскаго и духовнаго! Весьма большая численность бродячаго духовенства въ концѣ XVII в. еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ это время все еще имѣлъ силу весьма древній обычай XVI в., по которому вдовые священнослужители отставлялись отъ своихъ приходовъ и лишались права служить безъ особаго разрѣшенія: выхлопотавъ себѣ проорарныя или эпитрахильныя грамоты, которыя давали имъ право совершать нѣкоторыя, а иногда и всѣ священнодѣйствія, они обыкновенно поступали въ число перехожаго духовенства.—

Таково было положеніе бѣлаго духовенства со стороны внѣшней его организаціи въ періодъ петровскихъ преобразованій. Эта внѣшняя дезорганизація духовенства еще рельефнѣе выступала на видъ при сравненіи сословной жизни низшаго духовенства съ такою же жизнію среди другихъ общественныхъ классовъ и тѣмъ сильнѣе требовала со стороны правительства тщательнѣйшей заботливости. Тяготясь громаднымъ количествомъ наличныхъ священноцерковнослужителей, составлявшихъ изъ себя въ началѣ XVIII в. особый классъ священноцерковнослужительскаго пролетаріата, правительство XVII и XVIII вв. весьма серь-

ёзно отнеслось къ вопросу объ отысканіи мѣръ, служащихъ къ сокращенію численности духовенства. Духъ времени, выставлявшій прежде всего на видъ государственное требованіе, заботу о томъ, чтобы „отъ государевой службы никто въ избылыхъ не былъ“, заставлялъ правительство преобразовательной эпохи плохо цѣнить даже и истинно духовное служеніе. Тѣмъ болѣе, разумѣется само собою, непріятны были для правительства того времени эти громадныя толпы праздныхъ священноцерковнослужителей, жившихъ при одномъ и томъ же приходѣ и занимавшихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, или, лучше сказать, не имѣвшихъ для себя совершенно никакого дѣла. Прежде всего правительство Петра, продолжая политику XVII в. относительно безмѣстныхъ поповичей, стало усиленно заботиться о томъ, чтобы предотвратить громадный наплывъ новыхъ лицъ къ занятію священноцерковнослужительскихъ должностей. Къ достиженію этой цѣли правительство шло двоякимъ путемъ—прямымъ и косвеннымъ. Когда въ 711 г., по чисто государственнымъ причинамъ, потому, „что государевой службѣ въ ея нуждахъ ощутилось умаленіе“, въ первый разъ было обращено вниманіе правительства на численность духовенства, общимъ приговоромъ освященнаго собора архипастырей и правительствующаго сената ко всѣмъ преосвященнымъ архіереямъ посланы были статьи съ великимъ подкрѣпленіемъ. По всѣмъ этимъ статьямъ послѣдовательно проводится одна общая мысль—по возможности затруднить доступъ новыхъ лицъ къ занятію священноцерковнослужительскихъ должностей. Вотъ существенные пункты этихъ статей: 1) „не ставить въ діаконы моложе 25 лѣтъ, въ священники моложе 30 лѣтъ; 2) не посвящать лишнихъ, но гдѣ прежде было по одному, тамъ пусть и теперь такъ остается; 3) не вѣрить дьячкамъ, которые придутъ посвящаться на мѣсто попа больнаго или престарѣлаго, но самого попа поставить передъ собой и взять у него сказку съ подкрѣпленіемъ, что впредь служить и требъ исправлять не будетъ; 4) въ скудные приходы діаконовъ не посвящать; 5) заручныя челобитныя осторожно разсматривать—не ложныя ли, есть ли рука помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго; 6) послать указы къ поповскимъ старостамъ, чтобы отписокъ не давали прежде чѣмъ сами побываютъ въ приходѣ и допросятъ крестьянъ, угоденъ ли имъ

тотъ дьячекъ; 7) если кто изъ архіереевъ тому указу противнымъ явится, грозно заключались изложенныя статьи, такой подвергнется государеву гнѣву и удаленію отъ престола". Мысль, выраженная въ указанныхъ 7-ми пунктахъ, неоднократно повторена была и въ послѣдующихъ законодательныхъ распоряженіяхъ Петровскаго правительства относительно духовенства. Такъ, спустя только пять лѣтъ послѣ изданія приведенныхъ статей въ 716 г. Петръ собственноручно написалъ „ради нѣкоторыхъ небрегомыхъ дѣлъ въ епархіяхъ преосвященныхъ" особливое изъясненіе архіерейскихъ обязанностей, которое изъясненіе и препроводилъ чрезъ мѣстоблюстителя патріаршества къ преосвященнымъ всѣхъ епархій. Въ этомъ „особливомъ изъясненіи архіерейскихъ обязанностей, между прочимъ, находимъ указаніе", на которое несомнѣнно преобразователь желалъ обратить особенное вниманіе преосвященныхъ. Этимъ пунктомъ преосвященные обязываются „не умножать священниковъ и діаконовъ сквернаго ради прибытка, ниже для наслѣдія ставить" (т.-е. священноцерковнослужителей). Послѣднія слова этого пункта уже въ самомъ принципѣ подрывали старый порядокъ замѣщенія служебныхъ должностей въ клирѣ. Наконецъ съ учрежденіемъ Св. Синода и изданіемъ Духовнаго регламента обращено было особенное вниманіе на устраненіе чрезвычайно большаго наплыва въ наличный составъ церковнаго клира. Не говоря уже о томъ, что съ этого времени создается цѣлый рядъ новыхъ чисто внутреннихъ условій въ жизни духовенства, затрудняющихъ въ такой или иной мѣрѣ вступленіе въ церковный клиръ, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ,—вопросъ объ излишнемъ умноженіи церковнаго клира теперь разсматривается съ чисто канонической точки зрѣнія. Такъ какъ, съ одной стороны, „мнози въ священническій чинъ вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитанія", а съ другой,—многіе ставятся и въ причетъ принимаются „бѣжа отъ службы", то Духовный регламентъ, неоднократно повторяя прежнее требованіе епископамъ, чтобы они „ни подъ какими виды не ставили излишнихъ священнослужителей", указываетъ на то, что „и св. Вселенскій соборъ IV въ Халкидонѣ въ канонѣ 6-мъ запрещаетъ ставить священники и діаконы просто ни къ какой церкви не подлежащія". Вмѣстѣ съ этимъ регламентъ снова выста-

вляетъ на видъ рядъ новыхъ внѣшнихъ условій, препятствующихъ въ такой или иной мѣрѣ тому, чтобы водраться въ клиръ церковный. Кандидатъ священноцерковнослужительной должности долженъ былъ необходимо, по опредѣленію регламента, заранѣе еще зарекомендовать себя хорошимъ поведеніемъ предъ своими будущими прихожанами. Норма этого поведенія опредѣляется почти буквальными словами того идеала христіанскаго пастыря, который изображенъ въ апостольскихъ посланіяхъ (Тим. гл. 7, 3). При прошеніи для опредѣленія на мѣсто кандидатъ священноцерковнослужительской должности непремѣнно долженъ былъ приложить аттестатъ „отъ своихъ будущихъ прихожанъ о томъ, что его знаютъ быть добраго человѣка, а именно не пьяницу, въ домостроеніи своемъ не лѣниваго, не клеветника, не сварлива, не любодѣйца, не бійцу, въ воровствѣ и обманѣ не обличеннаго“. Даже при совершенномъ удовлетвореніи всѣмъ сейчасъ означеннымъ условіямъ, регламентъ опредѣляетъ „пріятаго ставленника не тотчасъ ставить“ и онъ, ставленникъ, долженъ былъ пройти, какъ увидимъ, цѣлый рядъ всевозможныхъ испытаній и искусовъ, прежде чѣмъ имѣть несомнѣнное ручательство за свое поступленіе на ту или другую священноцерковнослужительскую должность. Такъ дѣло внѣшней организаціи разсыпанной храмины духовнаго сословія правительство Петра прежде всего начало съ того, что при посредствѣ цѣлаго ряда чисто внѣшнихъ условій старалось плотно притворить широко раскрытую прежде дверь этой храмины, сдѣлать болѣе или менѣе затруднительною со стороны даже чисто внѣшнихъ условій дорогу, ведущую ко вступленію въ члены духовнаго сословія. Но храмина духовнаго сословія представляла въ періодъ Петровскихъ преобразованій полнѣйшую дезорганизацію и въ наличномъ составѣ своихъ членовъ. Въ XVII и началѣ XVIII вв., кажется, не было на Руси другаго сословія, которое представляло бы такую крайнюю безпорядочность въ своемъ внѣшнемъ сословномъ устройствѣ, какъ духовенство. Вотъ почему правительство Петра, стѣснивши цѣлымъ рядомъ трудныхъ внѣшнихъ условій приливъ новыхъ членовъ въ наличный контингентъ духовенства, затворивши, на сколько это было возможно, дверь въ гостепріимную храмину духовнаго сословія, одновременно съ этимъ стремится ввести строгій порядокъ и внѣшнюю организацію въ средѣ наличнаго класса бѣ-

лаго духовенства. Забота объ этой внѣшней организаціи въ средѣ наличнаго класса бѣлаго духовенства выразилась главнымъ образомъ въ энергическомъ стремленіи правительства преобразовательной эпохи ограничить по возможности достигшее весьма большихъ размѣровъ наличное количество безмѣстнаго духовенства. Эта общая мысль косвенно проходитъ по всѣмъ частнымъ законодательнымъ распоряженіямъ правительства относительно устройства различныхъ сторонъ сословнаго быта въ средѣ духовенства. Выраженіемъ того, какъ дѣйствительно тяготилось правительство преобразовательной эпохи количествомъ наличнаго безмѣстнаго духовенства и какъ сильно желало оно избавиться отъ него, всего лучше можетъ служить та снисходительность, съ какою правительство дозволяло выходъ изъ духовнаго званія даже и священнослужителямъ чрезъ добровольное снятіе ими сана. Петръ, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ нашего бѣлаго духовенства при Петрѣ г. Знаменскій, „можно сказать поощрялъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ такихъ лицъ) къ оставленію ими сана и къ второбрачію“. Имъ открыта была широкая довольно дорога при Петрѣ не только въ гражданскомъ, но и въ духовномъ же вѣдомствѣ [28]). Такія лица поступали нерѣдко на службу въ коллегіи, въ духовныя школы въ качествѣ учителей и даже въ Св. правительствующій Синодъ, синодальныя конторы и канцеляріи на разныя чиновныя должности. Длинный рядъ законодательныхъ распоряженій относительно ограниченія наличнаго количества безмѣстныхъ священно-церковно-служителей начинается стремленіемъ правительства изыскать способы къ тому, чтобы прикрѣпить священно-церковнослужителей къ ихъ приходамъ и уничтожить такимъ образомъ широко развившееся бродяжничество духовенства. Мѣры, предпринимаемыя правительствомъ преобразовательной эпохи къ ограниченію количества безмѣстнаго духовенства путемъ прикрѣпленія священно-церковно-служителей къ ихъ приходамъ, развивались параллельно съ заботами правительства о затрудненіи доступа въ церковный клиръ новымъ лицамъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ высказаны были въ первый разъ въ 711 г. попытки поставить эти затрудненія, было заявлено желаніе правительства,

---

[28]) Знам. Прих. духов. стр. 94—95.

чтобы священно-церковно-служители по возможности не покидали своихъ приходовъ и чтобы мѣстные преосвященные по возможности бдительно слѣдили за этимъ дѣломъ и отнюдь не поощряли такого намѣренія священно-церковно-служителей. Пятый пунктъ извѣстныхъ статей, изданныхъ Правительствующимъ Сенатомъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, строго запрещаетъ епархіальнымъ архіереямъ давать духовнымъ лицамъ „перехожія грамоты къ другой церкви и на крестецъ (наниматься служить въ домовыхъ церквахъ, кромѣ самой большой нужды например, когда два попа были у одной церкви, а приходъ оскудѣетъ). Это же самое запрещеніе неоднократно повторяется и притомъ съ гораздо большею строгостію и во всемъ послѣдующемъ законодательствѣ Петра относительно духовенства. Съ учрежденіемъ Синода и изданіемъ регламента не только мѣстная епархіальная власть, но и сами члены церковнаго клира привлекаются къ отвѣтственности за то, если они по какимъ бы то ни было причинамъ покидали свои прежнія мѣста и отправлялись на поиски новыхъ. По постановленію Духовнаго регламента, „епископъ обязанъ былъ не допускать священнослужителей скитаться безъ мѣста“, а необходимо долженъ былъ позаботиться объ опредѣленіи такихъ священнослужителей „туда, гдѣ новаго священника требуютъ“. Сами священнослужители еще при посвященіи своемъ должны были давать формальное письменное обязательство относительно того, что они никогда не оставятъ своего прихода, а будутъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вмѣстѣ съ этимъ регламентъ настрого запрещаетъ мірскимъ лицамъ принимать такихъ, „волочащихся, по его выраженію, сѣмо и овамо“ поповъ и діаконовъ ни къ которому церковному служенію. При приходскихъ же церквахъ священники никого не могли допускать къ священнослуженію безъ предъявленія архіерейскаго свидѣтельства о томъ, что желающій служить дѣйствительно отпущенъ изъ своего мѣста за дѣломъ. Оставлявшихъ свою церковь самовольно велѣно ловить и наказывать; ихъ можно было возвращать на старыя мѣста, но не иначе, какъ за поручительствомъ честныхъ лицъ; въ случаѣ же ихъ несогласія воротиться на свое прежнее мѣсто, они лишались сана. А лица, лишенныя сана, если они осмѣливались священнодѣйствовать, отсылались уже прямо къ гражданскому суду. Если

бродячій попъ приставалъ къ полку, то военныя власти, если только они приняли его добровольно и сознательно, а не были имъ обмануты, предавались суду военной коллегіи [29]). Такъ хлопотало правительство Петра о томъ, чтобы прочно утвердить постоянную осѣдлость членовъ клира на одномъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ этимъ ограничить широкоразросшійся классъ священно-церковно-служительскаго пролетаріата въ средѣ духовнаго сословія, безмѣрное и постоянное увеличеніе котораго ложилось чрезвычайно тяжелымъ бременемъ какъ на церковь, такъ и на государство. Но хорошо сознавая, въ чемъ заключается корень этого зла и какихъ ничтожныхъ результатовъ въ дѣлѣ его уничтоженія можно достигнуть путемъ простыхъ предписаній и запрещеній, правительство со всею энергіею позаботилось отыскать болѣе важныя и практическія мѣры, которыя бы для самихъ членовъ клира служили въ дѣйствительности достаточными мотивами къ тому, чтобы постоянно оставаться при одномъ и томъ же приходѣ. Самая важная и существенная мѣра правительства преобразовательной эпохи въ этомъ отношеніи состояла въ попыткѣ Петра установить опредѣленные штаты приходскаго духовенства. Путемъ этой попытки одновременно достигались двѣ весьма существеннѣйшія цѣли, дѣйствіе которыхъ должно было въ такой или иной мѣрѣ, но во всякомъ случаѣ положительнымъ образомъ повліять на уничтоженіе большаго количества священно-церковно-служительскаго пролетаріата. Съ одной стороны, путемъ установленія опредѣленныхъ штатовъ духовенства de jure, принципіально такъ-сказать нарушалось старинное право свободнаго перехода отъ одной церкви къ другой, а съ другой — попыткою установить штаты духовенства правительство открывало возможность членамъ клира создать болѣе или менѣе обезпеченное сравнительно съ прежнимъ матеріальное положеніе и такимъ образомъ уничтожало одну изъ самыхъ основныхъ причинъ прежней подвижности въ средѣ духовнаго сословія. Мысль о желаніи установить опредѣленные штаты духовенства проглядываетъ въ законодательныхъ распоряженіяхъ Петра довольно рано. Выраженіемъ этой мысли можетъ служить приведенное выше нами постановленіе 711 г. о запрещеніи ставить діаконовъ

[29]) Регл. о мір. особ. п. 8—9. О свящ. п. 19, 23, 24.

по бѣднымъ приходамъ. Не совсѣмъ ясно выраженная въ этомъ запрещеніи мысль о штатахъ духовенства послѣдующимъ законодательствомъ развита была гораздо яснѣе и опредѣленнѣе. Въ особенности намѣреніямъ правительства установить опредѣленные штаты въ средѣ духовенства весьма много содѣйствовали его распоряженія о первой государственной ревизіи. Мы знаемъ, что по нѣкоторымъ указамъ о ревизіи въ дополнительныхъ реэстрахъ при ревизскихъ сказкахъ велѣно было писать весь наличный составъ приходскихъ священно-церковно-служителей. По отношенію къ духовному сословію эти переписи имѣли значеніе совершенно аналогичное съ значеніемъ общей ревизіи для судьбы цѣлаго народа, посредствомъ ихъ юридически совершилось прикрѣпленіе клира къ приходскимъ церквамъ. Въ періодъ времени учрежденія Св. Синода и изданія Регламента мысль правительства о штатахъ духовенства весьма близка была уже къ реальному осуществленію. Составитель Духовнаго регламента замѣчаетъ, что въ періодъ учрежденія духовной коллегіи и изданія регламента у Его Императорскаго Величества было намѣреніе „опредѣлить указнѣ число священно-церковно-служителей и такъ церкви распорядить, что довольное ко всякой число прихожанъ было приписано“. Въ виду такого намѣренія преобразователя Св. Синодъ, по опредѣленію Регламента, долженъ былъ „согласясь съ мірскими честными властьми, сочинить совѣтъ и намѣренное опредѣленіе (т.-е. относительно росписанія количества домовъ по приходамъ) уставить“. Въ 722 г. синодскимъ указомъ отъ 10 августа и были установлены дѣйствительно опредѣленные штаты духовенства. Этимъ указомъ опредѣлялось: „дабы больше триста дворовъ и въ великихъ приходахъ не было, но числилося бъ въ такомъ приходѣ, гдѣ одинъ священникъ, 100 дворовъ или 150 а гдѣ два, тамо 200 или 250. А при трехъ числилосябъ до 800 дворовъ, и при толикихъ попахъ больше двухъ діаконовъ не было бъ, а причетникамъ быть по пропорціи поповъ, т.-е. при каждомъ попѣ одинъ дьячекъ и одинъ пономарь. Только московскіе соборы по этому указу оставлены въ прежнемъ видѣ. Въ архіерейскихъ соборахъ по епархіямъ назначено быть одному протопопу, двумъ ключарямъ, пяти попамъ, одному протодіакону, четыремъ діаконамъ, двумъ псаломщикамъ, двумъ пономарямъ, кромѣ соборовъ, къ которымъ приписаны церкви съ двойными

причтами [30]). Осуществленія этого штата по указу положено было ждать до тѣхъ поръ, пока лишніе священно-церковно-служители не переведутся сами собой. Архіереямъ не велѣно посвящать новыхъ ставленниковъ, пока оставшіеся сверхъ штата не найдутъ себѣ мѣста. Эти штаты Петровскаго времени легли въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ разборовъ духовенства, очищавшихъ отъ времени до времени духовное сословіе отъ излишнихъ безмѣстныхъ членовъ [31]).

Другая и не менѣе важная, чѣмъ самая попытка установить опредѣленные штаты бѣлаго духовенства, мѣра предпринятая правительствомъ преобразовательной эпохи въ виду сокращенія численности священно-церковно-служительскаго пролетаріата, состояла въ стремленіи правительства отыскать какія-нибудь прямыя средства, обезпечивающія матеріальное положеніе бѣлаго духовенства. Намъ нѣтъ надобности подробно изображать, каково было матеріальное положеніе нашего бѣлаго духовенства въ XVII и началѣ XVIII вв. Достаточно только отмѣтить тотъ фактъ, что наше древне-русское до-петровское законодательство не заботилось объ опредѣленіи постоянныхъ источниковъ для содержанія приходскаго причта и бѣлое духовенство въ теченіе всей древней исторіи всѣмъ своимъ достаткомъ обязано было единственно народу. Эта тяжелая матеріальная зависимость духовенства въ средствахъ своего обезпеченія увеличивалась еще отъ того, что духовенство въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. по прежнему находилось въ очень большой зависимости отъ прихожанъ въ самомъ своемъ выборѣ и поступленіи на мѣсто. Такъ напримѣръ, въ такомъ даже городѣ, какимъ былъ Псковъ, „надъ церквами, по словамъ тамошняго митрополита Маркелла, архіереи воли не имѣли. Церквами мужики корчемствуютъ, говоритъ Маркеллъ, на всякій годъ сговариваются съ священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возьметъ, хотя, которые попы пьяницы и бесчинники, тѣхъ и принимаютъ, а добрымъ священникамъ отказываютъ и тѣми излишними доходами сами корыствуются..., а священники бѣдные и причетники у нихъ, церковныхъ старостъ, вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего

---

[30]) П. С. З. т. VI, № 4072.

[31]) Положеніе духовенства въ царств. Ек. и Павла Ив. Зн. гл. 11.

не смѣютъ“ [32]). Благодаря этой полной зависимости духовенства отъ своихъ прихожанъ уже въ XVII в. священно-церковно-служители горько жаловались на свою бѣдность, на то, что имъ „кормиться нечѣмъ, что нѣтъ у нихъ никакого заводишку, ни хлѣбца, ни лошадки взять негдѣ, а купить нечѣмъ“. Къ этой бѣдности духовенства въ преобразовательную эпоху присоединились еще весьма тяжелыя правительственныя требованія, большіе налоги, возложенные наравнѣ съ другими общественными классами между прочимъ и на духовенство. Реформа Петра потому именно и вызывала противъ себя такой ропотъ въ народонаселеніи государства, что она требовала тяжелаго матеріальнаго служенія отъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Не говоря уже о томъ, что у церкви и духовенства отнимались въ періодъ реформы всѣ прежнія матеріальныя привиллегіи, духовенство обложено было новыми налогами въ пользу школъ, богадѣленъ, на жалованье вновь учрежденному при Петрѣ полковому и флотскому духовенству; кромѣ того оно должно было нести разныя повинности, наприм. поставлять въ войско драгунскихъ лошадей [33]). Всѣ эти тяжести преобразовательнаго времени, ложившіяся на духовенство, и создали среди его то неприглядное матеріальное положеніе, которое Посошковъ описываетъ такими чертами: „жалованья государева имъ (священно-церковно-служителямъ) нѣтъ, отъ міра имъ никакого подаянія нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть. Ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу... понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужикомъ пойдетъ овины сушить, а гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетникомъ хлѣбъ молотить“. Чтобы поднять это крайне тяжелое матеріальное положеніе духовенства, бывшее одною изъ самыхъ основныхъ причинъ его кочеваго образа жизни, правительство Петра сильно было озабочено мыслію отыскать какой-нибудь постоянный источникъ обезпеченія духовенства. Вмѣстѣ съ установленіемъ опредѣлен-

---

[32]) А. И. т. V, № 122.

[33]) П. С. З. т. IV, 2194, т. V. 2070, 2263, т. IV 2142, 2154, 2166, 2372, т. V 2487 и др.

ныхъ штатовъ среди духовенства въ данномъ случаѣ конечно весьма много могло-бы принести пользы надѣленіе церквей достаточнымъ количествомъ пахотной земли, жалованьемъ и пр. Но эти мѣры вовсе были не въ духѣ Петровскаго законодательства, для котораго государственный интересъ, требованіе „чтобы земля изъ службы не выходила" стояли на первомъ планѣ и которое, какъ мы указывали, весьма сильно занято было вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Въ замѣнъ постояннаго поземельнаго дохода или жалованья отъ государства онъ думалъ найти такой источникъ въ постоянномъ доходѣ съ приходскихъ душъ. По словамъ Духовнаго регламента у царя было намѣреніе, при распорядкѣ приходскихъ дворовъ по церквамъ, между прочимъ опредѣлить „что всякій приходскій человѣкъ долженъ причту своея церкви, такъ чтобы отъ подаянія тѣхъ весь причтъ могъ имѣть довольный трактаментъ". Но этому предположенію, какъ извѣстно, не суждено было исполниться ни при Петрѣ, ни послѣ него. При Петрѣ только въ раскольничьихъ приходахъ, гдѣ на доброхотство дателей плохо можно было надѣяться, опредѣлено было священнику брать по гривнѣ съ каждой приходской души, да по гривнѣ же съ рожденія, погребенія и брака [34]). Косвеннымъ образомъ задача правительства преобразовательной эпохи относительно сокращенія громаднаго количества безмѣстнаго духовенства разрѣшалась путемъ строгихъ правительственныхъ запрещеній относительно постройки новыхъ лишнихъ церквей. Религіозное народное сознаніе древней Руси возвело построеніе церквей почти въ необходимую обязанность для всѣхъ состоятельныхъ людей. Отъ этого число храмовъ возрастало до огромной цифры. Въ столицѣ, напримѣръ, государства Москвѣ количество храмовъ въ XVI и XVII вв. едва-ли не превышало собою доселѣ уцѣлѣвшую въ народномъ представленіи цифру сорока сороковъ. По свидѣтельству подъячаго Котошихина, каждый мало-мальски именитый бояринъ имѣлъ свою домашнюю церковь [35]) и это достигалось тѣмъ удобнѣе, что устройство новой церкви вовсе не сопряжено было тогда съ тѣми затруднительными условіями,

---

[34]) П. С. З., т. VI, 4009, п. 24.
[35]) Кот., 118.

которыя существуютъ на этотъ счетъ теперь. Для построенія новой церкви требовалось только одно благословеніе мѣстнаго архіерея. При этомъ вовсе не обращалось вниманія на то, „можно ли попу сытому быть". Широко развившееся „бродяжничество" духовенства въ древней Руси и было самымъ естественнымъ послѣдствіемъ безчисленнаго множества церквей. Вотъ почему вмѣстѣ съ заботами о прекращеніи перваго, правительство очень энергично стояло на томъ, чтобы не строили новыхъ церквей. Архіереи должны были давать клятвенное обѣщаніе предъ вступленіемъ въ отправленіе своей должности относительно того, что „ни сами не будутъ, ни другимъ не допустятъ строить церквей свыше потребы для прихожанъ". Это запрещеніе мотивировано было тѣмъ соображеніемъ, „дабы такія церкви не пустѣли лишенія ради подобающихъ". Даже съ прихожанъ и помѣщиковъ уже существовавшихъ малоприходныхъ церквей предписано было взять письменное обязательство относительно того, что они будутъ содержать свой приходскій причтъ въ надлежащемъ довольствѣ. Съ учрежденіемъ духовной коллегіи стѣснена была весьма значительно и прежняя легкость, съ которою происходило построеніе новыхъ храмовъ. Прежде всего въ Духовномъ регламентѣ была вновь повторена епископамъ ихъ главнѣйшая обязанность о недопущеніи построенія новыхъ церквей. „Епископъ долженъ смотрѣть, говоритъ регламентъ, чего смотрѣть обѣщался съ клятвою на своемъ поставленіи... дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено было". Дѣла относительно построенія новыхъ церквей поступали теперь въ Св. Синодъ и даже подавались на имя самого Государя [36]). Въ прошеніи подробно должно было обозначить, почему нуженъ новый храмъ, мѣсто назначенное для него, число приходскихъ дворовъ и ихъ разстояніе отъ близь лежащихъ церквей и какъ главное, предполагаемые способы содержанія причта. Привиллегія имѣть особыя домовыя церкви была допущена только для членовъ царской фамиліи и для знатныхъ престарѣлыхъ особъ, которыя не могутъ ходить къ службѣ въ приходскія церкви [37]).

Рядъ разсмотрѣнныхъ нами законодательныхъ постановленій

---

[36]) Т. VI, 3991.
[37]) Пр. Соб., стр. 58—59.

Петровскаго времени направленъ къ цѣли внѣшней организаціи духовнаго сословія и произвелъ въ средѣ духовенства весьма рѣзкую обособленность въ ряду другихъ сословій. Параллельно со всѣми другими общественными классами духовенство также съ внѣшней стороны организовалось теперь въ особое сословіе, отдѣльное отъ другихъ, съ особымъ управленіемъ. Эта внѣшняя обособленность духовенства становится еще ощутительнѣе, если принять во вниманіе сословную организацію другихъ общественныхъ классовъ и то обстоятельство, что по указамъ Петра значительно была стѣснена прежняя свобода вступленія въ духовное званіе для лицъ другихъ общественныхъ сословій. Правительство Петра, какъ извѣстно, сильно безпокоилось о томъ, чтобы лица изъ другихъ сословій, поступая на церковныя мѣста, не отбыли отъ государственной службы и податей, чтобы не уменьшилось число людей непосредственно и матеріально служившихъ государству. Поэтому хотя мы и встрѣчаемъ позволенія при Петрѣ вступать въ духовное званіе кадетамъ дворянскихъ фамилій [38]) и крестьянамъ [39]), но эти же самые законы содержатъ въ себѣ и ограниченіе прежней свободы доступа въ духовное званіе для людей всѣхъ чиновъ. Эта же обособленность духовенства въ ряду другихъ сословій еще рельефнѣе выступаетъ предъ нами, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на мѣры, предпринятыя Петровскимъ правительствомъ съ цѣлію внутренней организаціи духовенства.

Второй вопросъ, который составлялъ предметъ правительственныхъ заботъ преобразовательной эпохи относительно бѣлаго духовенства и разрѣшеніе котораго предположено Духовнымъ регламентомъ наряду съ болѣе правильною внѣшнею организаціею духовенства, состоялъ въ томъ, чтобы возвысить нравственное значеніе священно-церковнослужителей, указать имъ руководящія правила къ болѣе исправному отправленію ими обязанностей своего сана и наконецъ вмѣстѣ съ этимъ точнѣе опредѣлить отношенія приходскаго духовенства къ прихожанамъ. Преслѣдуя разрѣшеніе означенныхъ вопросовъ, правительство Петра вмѣстѣ съ этимъ полагало твердое основаніе внутренней

---

[38]) Т. V, 2789, п. 15.
[39]) Т. VII, 4455.

организацiи духовнаго сословiя. Теперь, наряду со всѣми прочими государственными сословiями, между которыми распредѣлены были различныя государственныя обязанности, и духовенству строго предъявлены были требованiя о правильномъ исполненiи имъ его спецiальныхъ служебныхъ обязанностей, по возможности точно опредѣлены были границы дѣятельности и духовнаго сословiя и вмѣстѣ съ этимъ указаны были руководящiя правила этой дѣятельности. Въ своемъ стремленiи дать прочную внутреннюю организацiю духовенству правительство преобразовательной эпохи опиралось такъ-сказать на самыя коренныя начала. Ясно сознавая, что корень всѣхъ нравственныхъ и служебныхъ недостатковъ тогдашняго духовенства лежитъ въ слабомъ развитiи его умственнаго уровня, въ недостаткѣ его просвѣщенiя и образованiя, правительство старалось обратить усиленное вниманiе на эту именно сторону во внутренней жизни духовенства. Заботамъ правительства петровскаго времени относительно образованiя духовенства мы посвящаемъ особую главу въ своемъ изслѣдованiи. Здѣсь же мы постараемся показать смыслъ и значенiе ближайшихъ и непосредственныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ правительствомъ съ цѣлью возможно правильной организацiи внутренней жизни среди духовенства. Зная, изъ кого состоялъ контингентъ лицъ низшаго духовенства въ XVII и началѣ XVIII вв., легко понять, чего можно было требовать отъ него въ нравственномъ и служебномъ отношенiяхъ. Еслибы мы были въ состоянiи начертить цѣльную картину нравственныхъ и служебныхъ злоупотребленiй въ средѣ духовенства разсматриваемаго времени, которые такъ низко роняли достоинство служителей алтаря и такъ глубоко должны были возмущать нравственное чувство паствы, еслибы мы въ состоянiи наглядно представить всѣ ненормальныя явленiя въ жизни духовенства XVII и начала XVIII вв., то вѣроятно многiе въ настоящее время сочли бы это изображенiе дѣйствительности пасквилемъ на духовенство и не повѣрили бы ему. Но отказываясь начертить въ своемъ изслѣдованiи полную и точную картину нравственнаго и умственнаго состоянiя тогдашняго духовенства, насколько оно отразилось въ оффицiальной-служебной и частной-домашней жизни духовенства, мы тѣмъ не менѣе постараемся показать здѣсь выдающiяся

черты этой жизни. Дѣлаемъ это больше съ тою цѣлію, чтобы показать, что у правительства преобразовательной эпохи было достаточно данныхъ къ тому, чтобы употреблять тѣ крутыя мѣры къ очищенію и исправленію внутренней жизни духовенства, которыя нерѣдко съ неподдѣльнымъ чувствомъ недовольства осуждаются людьми (особенно самимъ же духовенствомъ) нашего времени. Уже при бѣгломъ взглядѣ на самый внѣшній составъ массы тогдашняго низшаго духовенства можно сказать безъ преувеличенія въ словахъ, что это были не просвѣтители народа, которые могли бы распространять около себя новыя лучшія понятія и учить народъ благочестію примѣромъ доброй жизни, а скорѣе представители и выразители тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые царили въ средѣ народной массы, поведеніе которыхъ служило положительнымъ соблазномъ для народа. Главный источникъ, изъ котораго пополняется наличный составъ церковнаго клира, состоялъ въ массѣ безмѣстныхъ поповичей, проживавшихъ въ семействахъ своихъ родичей — наличныхъ членовъ церковнаго клира и съ нетерпѣніемъ выжидавшихъ для себя удобнаго случая къ тому, чтобы вобраться въ духовный чинъ. Во внутренней своей жизни масса этихъ кандидатовъ на церковносвященнослужительскія должности представляла изъ себя крайнее невѣжество и нравственную распущенность. Акты XVII в. переполнены жалобами на то, что безмѣстные поповичи безчинствуютъ во время богослуженія даже и въ алтарѣ, ругаются въ церкви скаредною бранью, занимаются воровствомъ, чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ, держатъ у себя разныя книги, ересные приговоры, рафли, тетради гадательныя [40]). Историческія свидѣтельства изъ времени Петровскихъ преобразованій не рисуютъ намъ состояніе внутренней жизни въ массѣ этихъ кандидатовъ священнослужительскихъ должностей въ лучшемъ видѣ. Съ глубокою скорбію замѣчаетъ святитель Димитрій Ростовскій о поведеніи такихъ кандидатовъ священноцерковнослужительскихъ должностей, объ ихъ небрежности и невниманіи къ отправленію самоважнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей каждаго истиннаго христіанина по отношенію къ церкви. „Іерейскіе сыновья, говоритъ святитель, прихо-

[40]) Прав. Соб. тамъ же стр. 40.

дятъ ставиться на отцовскія мѣста,—мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались? И они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, взываетъ святитель, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой церкви люди домашнихъ своихъ къ св. причастію не приводящіе" [41]). Такова была нравственная жизнь въ кругу тѣхъ лицъ, которыя стояли на ближайшей очереди ко вступленію въ наличный составъ церковнаго клира. „Водравшись" какимъ бы то ни было, иногда далеко не совсѣмъ честными и законными путями въ церковный клиръ, безъ всякаго живаго нравственнаго сознанія важности пастырскихъ своихъ обязанностей и достоинства священнаго сана, такіе священноцерковнослужители не только не заботились о развитіи и распространеніи христіанскихъ началъ вѣры и нравственности, но погружены были въ крайнюю лѣность и безпечность относительно исполненія положительныхъ даже уставовъ церкви—прямыхъ обязанностей ихъ служенія. Знаменитый крестьянинъ Петровскаго времени Посошковъ такъ описываетъ намъ отношенія священнослужителей къ обязанностямъ, возлагаемымъ на нихъ ихъ саномъ. Священство—столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди. Нынѣ же истиннаго священства едва слѣдъ обрѣтается... Нынѣ же истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра и не до сего ста, но есть и таковые, что церковныя службы како прямо отправляти не знаютъ... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго „дать на умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанской, на чемъ она основана, не вѣдаетъ". „Отъ пресвитерскаго небреженія, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Посошковъ, уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось. Въ великомъ Новгородѣ едва и сотая часть найдется древняго благочестія держащихся. А пресвитеровъ хотя и много въ городѣ, однако не пекутся, чтобы отъ такой погибели ихъ отвратить и на правый путь направить; есть

[41]) И. Сол. т. XV стр. 126.

и такіе пресвитеры что и потакаютъ имъ, и потому церкви всѣ уже запустѣли. Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у церкви три попа, а на св. Пасху только два дня литургіи были, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой не бывало; теперь меня поопаслись и отслужили двѣ". Итакъ, несмотря на то, что даже при самыхъ малоприходныхъ церквахъ, какъ мы это знаемъ, нерѣдко проживали цѣлыя толпы священниковъ, эти послѣдніе далеко не были ревностными и исправными исполнителями прямыхъ обязанностей своего сана. Приходъ, который приводитъ въ примѣръ Посошковъ, былъ конечно не единственнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ. Эта безпечная небрежность и невниманіе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ съ особенною силою обнаруживались даже и въ самомъ совершеніи божественныхъ службъ и отправленіи требъ церковныхъ. Церковное богослуженіе, совершаемое массою низшаго духовенства, въ тогдашнее время представляло изъ себя зрѣлище въ высшей степени странное. При совершеніи церковнаго богослуженія невѣжественное нерадѣніе пастырей допускало множество опущеній, вольности, безчинства. Весьма часто священникъ, заранѣе дома прочитавъ тѣ молитвы, какія ему нужно было бы читать въ церкви по служебнику, во время самой службы стоялъ уже спокойно и говорилъ одни возгласы. Эти послѣдніе далеко не соотвѣтствовали тому, что пѣлось или читалось вслѣдъ за ними на клиросѣ Здѣсь на клиросѣ въ тоже время шла непостижимая путанница чтенія и пѣнія въ перемежку со скаредною перебранкою служащихъ. Съ такимъ пренебреженіемъ къ совершенію божественной службы относилось тогдашнее духовенство. Духовный регламентъ замѣчаетъ, что относительно всѣхъ вообще священнослужителей „наблюдать надлежитъ не шумятъ ли они пьяные въ церквахъ, не дѣлаютъ ли церковнаго молебствія двоегласно". Еще большія „беззаконія" допускали низшее духовенство, по словамъ регламента, при совершеніи таинствъ и отправленіи требъ церковныхъ, какъ въ церкви, такъ и по домамъ мірянъ. Прежде чѣмъ приступить къ совершенію той или другой требы или таинства священнослужители обыкновенно вступали въ торги съ своими прихожанами и всячески старались вытянуть у нихъ излишнюю иногда весьма тяжелую плату. Эти денежные торги со своими

прихожанами особенно практиковались при совершеніи таинствъ брака, покаянія и крещенія. Не говоря уже о томъ, что за деньги священники вѣнчали неправильные браки, укрывали на исповѣди явныхъ раскольниковъ и помѣщали въ метрическихъ спискахъ крещенными раскольничьихъ дѣтей безъ дѣйствительнаго совершенія надъ ними таинства, непосильной денежной платы вымогали они и при дѣйствительно законномъ совершеніи таинствъ и отправленіи церковныхъ требъ. При совершеніи, напр., таинства покаянія многіе священники предъ св. крестомъ и Евангеліемъ „съ безстуднымъ нахальствомъ", по выраженію регламента, старались домогаться чего-нибудь у своихъ духовныхъ дѣтей и такимъ образомъ св. таинство употребляли въ средство для достиженія своихъ низкихъ, корыстныхъ цѣлей. „За дѣло служенія своего, читаемъ въ регламентѣ, напр., за крещеніе, вѣнчаніе, погребеніе и проч., не дѣлали бъ іереи торгу, но довольны бы были подаваемымъ доброхотно награжденіемъ". Эти торги „за дѣло служенія" были тѣмъ непростительнѣе, что, какъ часто бывало, священнослужители, получивъ деньги и разныя приношенія, не исправляли однакоже церковныхъ требъ. „Сіе (т.-е. чтобы священнослужители не торговались съ прихожанами) наипаче наблюдать въ сорокоустахъ, продолжаетъ регламентъ, за которые великія цѣны попы домогаются (хотя бы ихъ и не прошено о томъ, но и сами они часто сорокоустовъ служить не думаютъ, а насильно платы будто пошлины за смерть истязуютъ). Подобныя вымогательства у прихожанъ со стороны священниковъ усиливались особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ духовенства было мало. Въ 1693 г. крестьяне Пудогскаго погоста жаловались на своихъ поповъ: „которыхъ тѣла умершихъ мірскіе люди къ церкви привозили, они попы съ тѣхъ умершихъ имали по два, по три и по пяти рублевъ, а съ иныхъ просили и 15 руб., а дать-де было нечего, и тѣ умершихъ тѣла лежатъ безъ погребенія, а что молитву давали родильницамъ и свадьбы вѣнчали и младенцевъ крестили, и которые младенцы умирали и они-де попы имали и отъ молитвы, и отъ вѣнчанія, и отъ крещенія и отъ погребенія все предъ прежнимъ вчетверо... а ругу-де они попы съ ихъ мірянъ емлютъ накладную предъ прежнимъ въ трое" [46]) О томъ какъ развитъ

[46]) Пр. Соб. ч. III, 1863 г., стр. 129—130.

былъ въ средѣ тогдашняго духовенства грубый порокъ симоніи, лучше всего можно судить потому, что составитель регламента въ числѣ главныхъ обязанностей новоучрежденнаго Синода поставляетъ ту „немалую его должность", „какъ бы священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства отвратить... дабы они (священнослужители) совершенное по мѣрѣ своей имѣли довольство и не домогались впредь платежу за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе" и проч.—Выторговавъ себѣ прежде совершенія той или другой требы или таинства произвольную плату, священникъ приступалъ наконецъ къ самому совершенію того или другаго христіанскаго обряда. Во время самаго совершенія того или другаго обряда многіе священнослужители, по своему крайнему невѣжеству, не понимая истиннаго смысла и значенія, какой придается обряду, считали нерѣдко необходимымъ или освящать своими дѣйствіями всю сумму народныхъ суевѣрій, соединяемыхъ съ тѣмъ или другимъ христіанскимъ обрядомъ, или слѣпо держаться за букву требника, суевѣрно приписывая ей непреложный смыслъ и значеніе. Такая суевѣрная преданность буквѣ требника особенно имѣла чрезвычайно большую силу въ практикѣ таинства покаянія и напутствіи умирающихъ". Нѣкоторые неразумные священники, по свидѣтельству регламента, слѣпо слѣдуя постановленію требника объ эпитиміи, отлучаютъ кающихся отъ св. причастія на нѣсколько лѣтъ. Ежели случится, что отлученный тяжко заболѣетъ, то тѣ неразумные попы не сподобляютъ ихъ св. таинъ, утверждая, что безъ исполненія эпитиміи нельзя допустить ихъ къ таинству евхаристіи и отлученные отходятъ въ вѣчность, не пріобщившись тѣла и крови Христовой".

Таково было поведеніе церковнаго клира въ преобразовательную эпоху въ его такъ-сказать оффиціальной жизни — въ церкви, при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по свидѣтельствамъ тогдашняго времени, частная, домашняя жизнь духовенства рисуется намъ въ самомъ мрачномъ и непривлекательномъ видѣ, Не сознавая достоинства священнаго сана и своихъ духовныхъ обязанностей священноцерковнослужители не стыдились публично, предъ народомъ, выставлять себя во внѣшнемъ поведеніи въ самомъ грязномъ видѣ, унижающемъ самое ихъ священство.

Это небрежное отношеніе къ себѣ и своему сану отражалось во всемъ, начиная съ самаго внѣшняго вида священнослужителя. По внѣшнему своему виду, по своему костюму, обыкновенный священникъ тогдашняго времени мало чѣмъ напоминалъ собою священника въ его настоящей внѣшней формѣ. Встрѣтившись со священникомъ, трудно было узнать въ немъ служителя алтаря Христова. По словамъ Посошкова, „священники ходили въ гнусныхъ многошвейныхъ одеждахъ, въ бѣлыхъ некрашеныхъ сукнахъ, короткихъ, съ узкими рукавами, и въ лаптяхъ“. Иной пресвитеръ, говоритъ тотъ же Посошковъ, возложитъ на ся одежду златотканную (церковное облаченіе), а на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ“. „Гнусному“ одѣянію священнослужителей соотвѣтствовало вполнѣ и все его внѣшнее поведеніе. Пьянство, распутство вдовствующихъ и бродячихъ поповъ, общая грубость нравовъ въ средѣ массы духовенства—вотъ отличительныя черты внѣшняго поведенія священноцерковнослужителей тогдашняго времени. Особенною грубостію нравовъ и полнѣйшею деморализаціею отличалось перехожее или крестцовое духовенство. Это были самые грязные люди изъ среды духовенства. Московскіе крестцы или сборные пункты, на которые сходилось бродящее духовенство, живо напоминаютъ собою нынѣшніе сборные пункты въ Москвѣ для всякихъ проходимцевъ—пресловутые Толкучій и Хитровъ рынки и другія мѣста. У Варварскихъ, и въ особенности у Спасскихъ воротъ, гдѣ былъ въ древней Руси такъ-называемый Фроловскій мостъ, также не безопасно было проходить мало-мальски порядочному человѣку, не рискуя быть ни за что ни про что, какъ говорится, оскорбленнымъ, какъ небезопасно проходить въ настоящее время по Толкучему или Хитровкѣ. Здѣсь изо дня въ день повторялись тѣ сцены, яркую характеристику которыхъ представлялъ намъ боярскій сынъ при патріархѣ Іовѣ (въ XVII в.) Чортовъ въ своемъ донесеніи о крестцовомъ духовенствѣ: „безмѣстные де и попы и діаконы, писалъ Чортовъ въ своемъ донесеніи, садятся у Фроловскаго мосту и безчинства чинятъ всякія, межь себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межь себя играютъ и въ кулачки бьются, а которые наймутся обѣдню служить и они со своею братьею, съ которыми бранились, не

простясь божественную литургію служатъ и де и безмѣстные попы и діаконы въ поповскую избу не ходятъ и предъ божежественною литургіею правила не правятъ" [43]). Мало того, что крестцовые попы принимались служить божественную литургію только-что поссорившись и даже подравшись со своими собратьями, мало того, что многіе изъ нихъ приступали къ св. алтарю, состоя въ то же время подъ архіерейскимъ запрещеніемъ, между ними попадались иногда на крестцахъ даже и прямые священнослужители—самозванцы. Однажды при Петрѣ попался въ совершеніи священническихъ требъ простой рабочій. По доносу его хозяина Св. Синодъ подвергнулъ его допросу и узналъ, что онъ былъ сынъ священника, по смерти отца просился было на наслѣдное мѣсто, но почему-то долго его не получалъ; соскучившись ждать, онъ надѣлъ на себя отцовское платье, пришелъ въ свое село и началъ служить при церкви безъ рукоположенія; такъ прошло около года, когда ему вдругъ пришло въ голову покаяться въ своемъ страшномъ грѣхѣ. Духовное начальство отправило его на покаяніе въ Невскій монастырь, но еще до окончанія эпитиміи онъ нанялся въ работники къ одному мастеру металлическихъ издѣлій и въ подспорье къ своимъ заработкамъ потихоньку совершалъ разные требы по Петербургу [44]). И такъ вели себя впрочемъ не одни только крестцовые попы. Съ такимъ же пренебреженіемъ и къ богослуженію и къ достоинству своего сана относились и штатные священнослужители. Составитель регламента, глубоко возмущенный картиной внѣшняго поведенія духовенства, не щадитъ красокъ для ея изображенія и ядовито-желчныхъ словъ для того, чтобы рельефнѣе представить намъ все „нестерпимое, по его словамъ безстудіе", обнаруживаемое въ поведеніи тогдашняго духовенства. Не токмо наблюдать надлежитъ, читаемъ въ регламентѣ, не безчинствуютъ ли священники и діаконы и прочіи церковники, не шумятъ ли по улицамъ пьяни... не ссорятся ли по мужичью на обѣдахъ, не истязуютъ ли въ гостяхъ подчиваніе (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ, и за таковыя вины ихъ наказывать: но и сіе прилежно имъ запо-

---

[43]) Прав. Соб. 1868 г., ч. 2, стр. 72—73.

[44]) Пр. Д. Зн. стр. 93.

вѣдать долженъ епископъ, чтобы хранили на себѣ благообразіе, а именно: чтобы одѣяніе ихъ верхнее хотя убогое, но чистое было и единой черной, а не иной краски. Не ходили бы простовласы, не ложились бы спать по улицамъ, не пили бъ по кабакамъ, не являли бъ въ гостяхъ силы и храбрости къ питію и прочая симъ подобная: таковыя бо неблагообразія показуютъ ихъ быти ярыжными". И всѣ эти исчисленныя Духовнымъ регламентомъ неблагообразія въ поведеніи духовенства тѣмъ болѣе—воспользуемся выраженіемъ регламента—представляли лицъ, носившихъ на себѣ священный санъ „ярыжными", что ими унижалось не только достоинство носимаго ими священнаго сана, но вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко профанировалась и самая святость и важность того или другаго священнодѣйствія. Очень нерѣдко, напр., бывали такіе священники, которые (какъ это было, напр., въ Ростовской епархіи), гордясь безмѣрно въ пьяномъ видѣ своимъ священствомъ, угрожали паствѣ данною имъ отъ Бога властію вязать и рѣшить. „Доносится намъ слухъ, пишетъ св. Димитрій Ростовскій, о нѣкіихъ попахъ неискусныхъ и злонравныхъ, иже дѣтей своихъ духовныхъ исповѣданные грѣхи изъявляютъ, и въ прилучающихся между людьми бесѣдахъ, егда бываютъ пьяніи, хвастаютъ тщеславно дѣтьми духовными, сказующе которыя лица къ нимъ на исповѣдь приходятъ. Егда же за что разгнѣваются на духовныхъ дѣтей, абіе съ укоризною поносятъ имъ, глаголюще: „ты мнѣ духовный сынъ (или духовная дочь) не вѣси ли яко вѣмъ грѣхи твоя сія, абіе обличу тя предъ всѣми" и прочіе безумные глаголы [45]). Вмѣстѣ съ храбростію къ кулачнымъ боямъ и силою къ питью, бывшею источникомъ многихъ самыхъ грубыхъ пороковъ въ средѣ священнослужителей, соединялось еще распутство многихъ, особенно же вдовыхъ и безмѣстныхъ священнослужителей. По словамъ регламента, многіе изъ священнослужителей „вдовы держатъ подъ образомъ потребъ церковныхъ не безъ подозрѣнія, яково не однократно явилось въ духовныхъ дѣлахъ". Какъ велико было зло и соблазнъ, проистекавшіе отъ распутства вдовыхъ священнослужителей, это видно изъ того замѣчанія, которое ставитъ на счетъ ихъ регламентъ Синоду. „Долженъ быти прилежный совѣтъ въ

---

[45]) Ист. Сол. т. XV.

Святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ, говоритъ регламентъ, что дѣлати съ овдовѣлыми iереи и дiаконы, наипаче же которые въ юности своей овдовѣли“.

Таково было состоянiе внутренней жизни въ массѣ низшаго духовенства въ преобразовательную эпоху. Всматриваясь въ эту мрачную, безотрадную картину жизни низшаго духовенства, невольно поражаешься тѣми нескончаемыми затрудненiями, которыя предстояли правительству въ его заботахъ о лучшемъ устройствѣ церковнаго клира и невольно проникаешься чувствомъ глубочайшаго уваженiя къ тѣмъ разумнымъ практическимъ мѣрамъ, которыя предпринимало Петровское правительство съ цѣлiю предупрежденiя грубыхъ пороковъ, царившихъ въ массѣ духовнаго сословiя. Уже чисто внѣшнiя строгiя мѣры, какiя предпринимало Петровское правительство въ своихъ заботахъ о томъ, чтобы по возможности измѣнить безпорядочный внѣшнiй строй соцiальной жизни въ средѣ духовенства и открыть доступъ къ вступленiю въ церковный клиръ и къ принятiю на себя священнаго сана лицамъ достойнымъ его, должны были, какъ само собою разумѣется, въ такой или иной мѣрѣ оказать свое влiянiе на измѣненiе и внутренней жизни въ массахъ духовенства. Если такiя внѣшнiя мѣры и не производили внутренняго преобразованiя, перевоспитанiя духовенства, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что они заставляли поведенiе духовенства постепенно вдвигаться такъ-сказать въ опредѣленныя, оффицiальныя рамки. Но правительство преобразовательной эпохи въ своихъ стремленiяхъ поднять низкiй нравственный уровень въ современномъ ему духовенствѣ не останавливалось только на однихъ лишь отрицательныхъ внѣшнихъ мѣрахъ; параллельно съ этими мѣрами оно старалось выработать положительныя начала, послѣдовательное проведенiе которыхъ во внутреннюю жизнь духовенства давало бы дѣйствительные и постоянные результаты въ измѣненiи этой жизни. Самымъ существеннѣйшимъ изъ такихъ началъ было, разумѣется, образовательное, фундаментъ котораго былъ такъ прочно заложенъ въ первой четверти XVIII в., что на немъ по преимуществу строились всѣ попытки послѣдующаго времени относительно организацiи внутренней жизни въ средѣ духовенства. Но благiе результаты образовательнаго начала въ приложенiи къ духовному сословiю, какъ

ни твердо вѣровало правительство въ силу и дѣйственность этого начала, естественно не могли быть ощутительными въ кратковременную преобразовательную эпоху; а между тѣмъ для тогдашняго нетерпѣливаго такъ сказать въ достиженіи своихъ цѣлей правительства не было кажется ничего тяжелѣе, какъ постоянно видѣть передъ глазами „многія нестроенія и великую скудость въ дѣлахъ духовнаго чина“ и видѣть въ то время, когда правительство осязательно уже такъ-сказать ощущало „толикая благопоспѣшества въ исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина“. Вотъ почему одновременно съ стремленіемъ правительства преобразовательной эпохи регулировать строй внутренней жизни духовенства путемъ постепеннаго развитія образовательнаго начала, правительство останавливается въ дѣлѣ достиженія означенной цѣли на рядѣ мѣръ хотя и положительныхъ, внутреннихъ, но такъ-сказать не радикальныхъ, а палліативнаго свойства. Эти послѣднія мѣры, путемъ которыхъ правительство старалось регулировать внутреннюю жизнь въ средѣ духовенства, сосредоточиваются преимущественно въ постановленіяхъ Духовнаго регламента. Предшествовавшія регламенту законодательныя распоряженія Петра относительно бѣлаго духовенства стремились преимущественно къ организаціи внѣшняго соціальнаго строя въ массѣ низшаго духовенства и дѣйствіе ихъ лишь косвеннымъ образомъ отразилось на внутренней сторонѣ жизни духовенства. Послѣ того какъ законодательными правительственными распоряженіями значительно стѣснена была прежняя свобода вступленія въ церковный клиръ и полученіе священнаго сана обставлено было довольно сложнымъ рядомъ чисто внѣшнихъ формальностей, на очередь выдвигался прежде всего вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать по возможности болѣе или менѣе исправнымъ прохожденіе обязанностей пастырскаго служенія. Этотъ вопросъ и разрѣшается Духовнымъ регламентомъ путемъ разъясненія сущности важнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей. Мы указывали уже на то, что регламентъ запрещаетъ спѣшить рукоположеніемъ въ священный санъ тотчасъ по исполненіи всѣхъ строгихъ внѣшнихъ формальностей кандидатами на полученіе священнослужительскаго сана. Отправивъ всѣ эти внѣшнія формальности или, какъ говорятъ въ настоящее время, „получивъ резолюцію отъ начальства о поступленіи на мѣсто“,

ставленникъ прежде своего посвященія долженъ былъ пройти довольно сложный внутренній искусъ. Этотъ искусъ начинался съ того, что ставленникъ обязательно долженъ былъ изучить „помянутыя книжицы", т.-е. о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ, о собственныхъ всякаго чина должностяхъ и наконецъ 3-ю какъ о главныхъ догматѣхъ, такъ и иначе о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго чина. Пока ставленникъ долженъ былъ трудиться надъ изученіемъ элементарныхъ свѣдѣній изъ области христіанскаго вѣр и нравоученія: во все продолженіе этого времени необходимо должно было „испытывать" чистоту его собственныхъ нравственныхъ убѣжденій—„не ханжа ли онъ, не претворяетъ ли смиренія, такожде не сказуетъ ли своихъ о себѣ или о иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, замѣчаетъ регламентъ, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ, вмѣсто здраваго ученія". Само собою разумѣется, что такая экспиментація внутренняго настроенія человѣка не можетъ быть легкимъ дѣломъ; пословица говоритъ, что „чужая душа—потемки", но регламентъ замѣчаетъ, что „умному человѣку не трудно узнать обо всемъ этомъ". Наконецъ предъ самымъ уже поставленіемъ въ священный санъ ставленникъ долженъ былъ „публично въ церкви" проклянуть всѣ раскольничьи согласія и принести присягу на безусловную вѣрность государству и на то, что въ назначенномъ ему приходѣ не будетъ скрывать раскольниковъ молчаніемъ своимъ о нихъ, но необходимо будетъ доносить о нихъ вѣдѣніемъ на письмѣ епископу своему, по какимъ бы только примѣтамъ онъ ни открылъ ихъ. Такъ регламентъ задерживаетъ нѣкоторое время кандидата священства на порогѣ уже такъ-сказать къ принятію имъ на себя священнаго сана и при помощи нѣсколько іезуитскаго характера средствъ, пытается предупредить обнаруживавшіяся очень нерѣдко на практикѣ злоупотребленія среди духовенства и воспитать въ молодомъ поколѣніи священства чистоту нравственныхъ убѣжденій. Прошедши длинный рядъ внутренняго испытанія, ставленникъ получалъ наконецъ рукоположеніе, но все же еще не отпускался въ свою паству. За поставленіемъ въ священническій санъ, какъ это водится и теперь, слѣдуетъ нѣкоторое время

обученіе новопосвященнаго „церковнымъ служеніямъ“. По предписаніямъ регламента, такое обученіе необходимо должно было происходить на архіерейскомъ подворьѣ. Въ періодъ этого обученія церковнымъ служеніямъ для новопоставленнаго іерея находилась и другое, стороннее дѣло. Если ему не на что было купить печатнаго Духовнаго регламента, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ списывать его во время обученія на архіерейскомъ подворьѣ. Послѣ же обученія, предъ отпускомъ въ свой приходъ, новопоставленный іерей долженъ былъ дать росписку въ приказѣ архіерейскомъ въ томъ, что онъ взялъ съ собою помянутыя правила и по онымъ исправляться будетъ, подъ штрафомъ, по разсужденію архіерейскому. Отпуская новопоставленнаго іерея въ приходъ, регламентъ старается дать ему нѣсколько наставленій касательно исправнаго прохожденія имъ должности. Эти наставленія не ограничиваются только разсмотрѣннымъ нами простымъ указаніемъ и запрещеніемъ тѣхъ злоупотребленій, какія обнаруживались въ оффиціальной жизни тогдашняго духовенства. Составитель регламента озабоченъ вмѣстѣ съ этимъ и тѣмъ, чтобы разъяснить сущность важнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей. Эти его разъясненія сосредоточены главнымъ образомъ на практикѣ таинствъ покаянія и причащенія, такъ какъ именно относительно этихъ двухъ таинствъ чаще всего обнаруживались злоупотребленія священнослужителей. Всѣ регламентскія постановленія относительно практики исповѣди направлены къ двумъ пунктамъ: вопервыхъ, чтобы сообщить исповѣди характеръ дѣйствительнаго таинства и вовторыхъ, чтобы установить правильный взглядъ на духовное наказаніе или эпитиміи. По существу и смыслу, какой усвоется христіанскою церковію таинству покаянія, оно не должно ограничиваться лишь простою передачею кающимся грѣшникомъ грѣховъ духовному отцу. Эта внѣшняя передача грѣховъ необходимо должна предваряться сердечнымъ сокрушеніемъ о нихъ и сопровождаться надеждою на всепрощающее милосердіе Божіе. Возбужденіе въ душѣ кающагося грѣшника чувства внутренняго сокрушенія о грѣхахъ и укрѣпленія въ немъ надежды на милость Божію регламентъ вмѣняетъ въ особенную непремѣннѣйшую заботливость духовника. „Сія суть воистину нужнѣйшія священникамъ должности, говоритъ регламентъ, како на исповѣди кающихся, аще

кого студенаго и безъ умиленія видятъ, судомъ Божіимъ устрашить: аще же кого видятъ сумнящагося и ко отчаянію преклоннаго, како таковаго возставить къ преломленію грѣховнаго обычая; какъ утѣшить больнаго, какимъ словомъ напутствовать умирающаго, ведомаго на казнь“ и т. д.

Такъ какъ нельзя надѣяться, чтобы малоученые священники сами сумѣли все это выполнить, то поэтому нужно сочинить поученія на каждый такой случай, а священники должны выучить эти поученія наизусть и читать ихъ при всякомъ подлежащемъ случаѣ. Послѣдующія регламентскія постановленія относительно практики таинства исповѣди, опираясь на каноническія и главнымъ образомъ просто разумныя основанія, имѣютъ въ виду разъяснить то положеніе, что основному свойству исповѣди — тайнѣ ея отнюдь не противорѣчитъ открытое объявленіе предъ властями нѣкоторыхъ грѣховъ кающагося. Къ числу такихъ грѣховъ отнесены регламентомъ задуманное намѣреніе сдѣлать воровство, бунтъ, измѣну, злой умыселъ на честь и здоровье государя или его семейства. Всѣ эти грѣхи подлежатъ открытому объявленію въ томъ случаѣ, если открывшій ихъ на исповѣди не только, по словамъ регламента, не раскаявается, но ставитъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагаетъ, и не яко грѣхъ исповѣдуетъ: но паче дабы тако согласіемъ, или молчаніемъ духовника своего, въ намѣреніи своемъ утвердился. Кромѣ этихъ государственныхъ преступленій, подлежащихъ открытію священникомъ, духовникамъ поставлено регламентомъ въ обязанность разглашать о тѣхъ злыхъ дѣйствіяхъ, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ народный соблазнъ, напримѣръ, если кто распространилъ въ народѣ свѣдѣнія о ложныхъ чудесахъ, а потомъ открылся на исповѣди въ своемъ грѣхѣ. Каноническое основаніе для такого открытаго объявленія перечисленныхъ преступленій регламентъ усматриваетъ въ извѣстныхъ словахъ Спасителя: „аще согрѣшитъ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ“ (Мѳ. 18, 15), которыя толкуютъ въ пользу выставленнаго имъ положенія въ томъ смыслѣ, что если имя велѣно публично объявлять: „о братни согрѣшеніи до единой точно обиды или подобнаго той касающемся, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя или на тѣло церкви умышленіи, и о хотящемъ отъ того быть вредѣ доносить и объявлять

должно есть". Доказательства же регламента въ пользу объявленія нѣкотораго рода преступленій, основанныя на простыхъ логическихъ соображеніяхъ разума, опираются на томъ положеніи, что „объявленіе беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдающійся открыть не хощетъ, и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ, не есть исповѣдь, ниже часть исповѣди, но коварное къ прельщенію совѣсти своей ухищреніе, на конечную тѣмъ злодѣемъ погибель, и духовникомъ ихъ такое злодѣйственное намѣреніе прикрывающимъ на пагубу, что уже и въ самомъ дѣйствѣ, замѣчаетъ въ подтвержденіе своихъ словъ регламентъ, не точію въ прошлыхъ лѣтѣхъ, но и въ семъ году явно показалось". Нельзя не замѣтить о натянутости этихъ приводимыхъ регламентомъ доказательствъ въ пользу доноса при открытіи извѣстнаго рода грѣховъ на исповѣди и о нѣсколько іезуитскомъ духѣ этихъ доказательствъ; но нельзя также не сказать и того, что это усиленное стремленіе регламента согласитъ необходимость доноса съ истиннымъ смысломъ таинства покаянія вытекало изъ желанія предупредить злоупотребленія священниковъ таинствомъ исповѣди. Множество слѣдственныхъ, въ особенности по расколу и по дѣлу царевича Алексѣя, дѣлъ обнаруживало, что духовные отцы не только покрываютъ объявившихъ имъ на исповѣди свои преступныя намѣренія, но и стараются даже подстрекать такихъ лицъ къ задуманнымъ преступленіямъ. Когда царевичъ Алексѣй, напр. признался на исповѣди своему духовнику отцу Якову Игнатьеву, что желаетъ смерти царю, своему отцу, на это духовникъ отвѣчалъ: „Богъ проститъ! Мы вѣдь и всѣ желаемъ ему смерти" [46]). Увлеченные раскольническимъ мнѣніемъ того времени при исповѣди Левина, что онъ считаетъ Петра антихристомъ, исповѣдники отвѣчали ему: „и мы за такого его признаваемъ". Левинъ ходилъ часто къ Лебедкѣ (духовнику Меньшикова), былъ у него на исповѣди и сообщалъ, что „служить нельзя, что государь жестокой и я признаю его антихристомъ". Лебедка твердилъ тоже: „Петръ—антихристъ, когда дѣвочку (дочь свою) выдамъ, то, покинувъ и попадью, пойду въ монастырь" [48]).

[46]) Рук. къ церк. ист. Зн. стр. 333.
[47]) Есиповъ Раскольн. дѣла XVIII, стр, 11.
[48]) Тамъ же, стр. 14.

Надо думать также, что привлеченные по слѣдственнымъ дѣламъ къ суду въ укрывательствѣ противогосударственныхъ преступленій духовники нерѣдко даже старались оправдать свои проступки, указывая на несообразность доносовъ съ сущностію таинства исповѣди.

Но при всемъ этомъ, если, какъ доказываетъ регламентъ, исповѣдь и дѣйствительно „не порокуется отъ требованія отъ духовника доноса“, то все же слѣдуетъ сказать, что требованіе доноса не ведетъ еще къ предупрежденію преступленія, а слѣдовательно и не достигаетъ цѣли. Въ смутную эпоху, наступившую за смертію Петра 1-го,—эпоху, полную господства тайной канцеляріи съ ея „словомъ и дѣломъ“, вошло въ обыкновеніе домогаться истины путемъ поднятія на дыбы не только виновника, но и обвинителя. Кто же изъ священниковъ сталъ бы доносить, если бы ему и дѣйствительно было открыто злое намѣреніе антиправительственное или какое-нибудь другое, имѣя въ перспективѣ, что его подвергнутъ ужаснымъ мукамъ и пыткамъ? Какъ при исповѣди кающагося регламентъ требуетъ, чтобы духовники непремѣнно доносили объ извѣстныхъ преступныхъ намѣреніяхъ, такъ, наоборотъ, въ вопросѣ о церковномъ наказаніи или эпитиміи регламентъ старается по возможности съузить находящуюся въ ихъ распоряженіи широкую власть. Каноническими правилами, заимствованными изъ опредѣленій шестаго Вселенскаго или Трульскаго собора и изъ сочиненій Василія Великаго, извѣстныхъ византійскихъ канонистовъ Вальсамона патріарха Антіохійскаго, Григорія Нисскаго, Златоуста, Зонары и Аристена, регламентъ старается доказать, что древніе св. отцы никогда не разсуждали объ эпитиміяхъ, какъ о непреложныхъ, и допускали перемѣну ихъ въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ. Если таково было древнее церковноканоническое ученіе объ эпитиміяхъ, то тѣмъ болѣе въ настоящее время, разъясняетъ регламентъ, нельзя строго держаться въ употребленіи этого церковнаго наказанія за букву требника. Особенно это нужно сказать объ одномъ, самомъ строгомъ видѣ эпитиміи—отлученіи отъ св. причастія на болѣе или менѣе продолжительное время. Пользованіе отлученіемъ отъ св. причастія, какъ средствомъ духовнаго наказанія, регламентъ обставляетъ возможною предусмотрительностію и рекомендуетъ это средство только въ томъ случаѣ,

когда духовный отецъ усмотрѣлъ бы, „что исповѣдающійся у него есть человѣкъ такъ на всякую эпитимію готовый, что отлученіе отъ св. причастія ни опровержетъ его ни къ отчаянію, ниже къ лѣности и небреженію, но и паче къ вящшему грѣховной тяжести и гнѣва Божія познанію приведетъ и къ теплѣйшему покаянію устроитъ его". Но даже и при такой прозорливости со стороны духовника души кающагося грѣшника онъ все же самъ лично не можетъ налагать такой эпитиміи, но необходимо долженъ просить разсужденія и благословенія на это дѣло у своего епархіальнаго архіерея. Существовавшаго же въ древности отлученія отъ св. причащенія на нѣсколько лѣтъ теперь даже и совершенно нельзя примѣнять, по мысли регламента,—ибо теперь раскольники, чтобы только не пріобщаться св. таинъ болѣе или менѣе продолжительное время, сами на себя возводятъ страшные тяжелые грѣхи, а „неразумные попы" отлучаютъ ихъ отъ причастія.

Итакъ смягченіе строгости этого рода эпитиміи вызвано въ регламентѣ не намѣреніемъ возстановить утраченный смыслъ ея, а намѣреніемъ открывать раскольниковъ. Во всѣхъ другихъ родахъ эпитиміи это смягченіе прежней строгости эпитиміи, какъ церковнаго наказанія, доведено въ регламентѣ до того, что иногда, по мысли регламента, не смотря на всю тяжесть грѣшника, нельзя наложить совершенно уже никакой эпитиміи. „Кую бо, напримѣръ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ регламентъ, наложити можемъ эпитимію воину рядовому, нуждному путнику, корабельному служителю, нищему, больному и подобнымъ прочимъ; поститися имъ невозможно, милостыни давати нѣтъ изъ чего, таковыхъ убо довольно страхомъ суда Божія обуздавъ... и безъ эпитиміи удостоити причастія таинъ святыхъ". Нельзя не сознаться, что это смягченіе строгости эпитиміи, какъ церковнаго наказанія, доведенное въ регламентѣ до положительнаго отрицанія ея, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть послѣдовательное примѣненіе богословскаго воззрѣнія Ѳеофана на оправданіе грѣшнаго человѣка ради единыхъ заслугъ Христовыхъ—туне, то есть, даромъ, не вслѣдствіе какихъ-либо заслугъ предъ Богомъ со стороны даннаго лица, а единственно вслѣдствіе безграничной благости Божіей. Ограничивши такими узкими рамками эпитимію, какъ духовное наказаніе, и въ особен-

ности самый строгій и крайній родъ эпитиміи—отлученіе отъ причастія св. таинъ на нѣкоторое время, регламентъ въ то же время возлагаетъ на духовныхъ отцовъ обязанность зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ міряне однажды въ годъ пріобщались св. таинъ. Объ уклоняющихся отъ исполненія этой священной обязанности священники непремѣнно должны доносить начальству. Мѣра эта, выставленная еще въ предшествовавшемъ регламенту законодательствѣ Петра о церкви, по мысли регламента, должна была обнаружить всѣхъ раскольниковъ въ государствѣ, которые укрывались подъ именемъ православныхъ, и навлечь на нихъ рядъ притѣсненій со стороны власти. Ею раскольники дѣйствительно поставлены были въ критическое положеніе; чтобы избѣжать преслѣдованія, нужно было или измѣнять своимъ убѣжденіямъ и пріобщаться, или же подвергнуться всѣмъ гоненіямъ. Но имъ естественно не хотѣлось ни того, ни другаго. И вотъ начинаются подкупы раскольниками православныхъ священниковъ. Послѣдніе показываютъ раскольниковъ причащающимися ежегодно; а когда этого не было возможности дѣлать, не рискуя быть уличенными въ противномъ, прибѣгали къ систематическимъ обманамъ. Раскольникъ притворялся больнымъ и принималъ къ себѣ на домъ священника со св. дарами. Дѣлалось это для отвода подозрѣнія; пріобщенія же на самомъ дѣлѣ не было [49]). Въ предупрежденіе подобныхъ злоупотребленій въ регламентѣ постановлено, чтобы во время пріобщенія на дому присутствовали при совершеніи таинства причетники и домашніе больнаго. Регламентъ грозитъ попамъ, скрывающимъ такимъ непозволительнымъ образомъ раскольниковъ, лишеніемъ сана и жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, а раскольникамъ—отнятіемъ всего имѣнія на Государя; точно такое же наказаніе назначается и тому попу, который запишетъ крещенымъ некрещеннаго раскольническаго младенца. Жестокая тѣлесная казнь назначается священнику и за то даже, если онъ дозволитъ чернецамъ заподозрѣннымъ въ расколѣ и раскольничьимъ попамъ входить въ дома прихожанъ.

Такими разъясненіями сущности важнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей пытается регламентъ предупредить злоупотребле-

---

[49]) Есиповъ Раскол. дѣла XVIII ст. стр. 38 и др.

нія служебными обязанностями въ духовенствѣ. Но служебныя злоупотребленія и нравственная распущенность царили въ средѣ духовенства въ продолженіи всего столѣтія. Деморализація духовенства и послѣ реформы въ его жизни, послѣ учрежденія Синода и изданія регламента, продолжала служить предметомъ законодательныхъ увѣщаній, почти дословно повторявшихъ выраженія Петровскаго устава, который, въ свою очередь, во многомъ напоминаетъ собою распоряженія предшествовавшаго ему времени относительно духовенства (Стоглавъ, Соборное уложеніе и др. памятники). Мѣры наказаній строгихъ и жестокихъ не исправляли духовенство. Онѣ только убѣждали въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются. Но не производя кореннаго измѣненія во внутренней жизни духовенства, и слѣдовательно не достигая прямой своей цѣли, совокупность этихъ мѣръ на практикѣ приводила къ результатамъ совершенно иного свойства въ послѣдующей исторической судьбѣ духовенства. Не имѣя надобности раскрывать здѣсь всѣ слѣдствія указаннаго нами основнаго направленія и главныхъ мотивовъ законодательства первой четверти XVIII в., путемъ котораго наше правительство стремилось опредѣлить общественный бытъ духовенства какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, мы ограничимся только тѣми слѣдствіями новыхъ реформъ въ бытѣ духовенства, которыя особенно отразились на его общественномъ положеніи и отношеніяхъ его къ обществу, къ народу и къ самому правительству. Крѣпче всѣхъ другихъ привилось въ послѣдующемъ законодательствѣ, прежде всего, основное направленіе законодательной дѣятельности Петра относительно внѣшней организаціи духовнаго сословія. Въ послѣдующемъ законодательствѣ относительно духовенства правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, стремится всѣми мѣрами уменьшить число духовенства въ Россіи и увеличить число людей непосредственно и матеріально служившихъ государству. Въ періодъ нѣмецкаго владычества надъ Россіею правительству повидимому вполнѣ удается достигнуть своей цѣли. Наборы въ военную службу слѣдуютъ одни за другими; въ солдаты берутъ всѣхъ отъ 15 до 40 лѣтъ, а при церквахъ оставляютъ только самое необходимое число людей выше и ниже этого возраста. При этомъ не спасаетъ даже принадлеж-

ность и къ штату; если и на штатное мѣсто посвящается человѣкъ, который годится въ солдаты, его разстригаютъ и берутъ въ военную службу. Такимъ образомъ въ теченіи немногихъ лѣтъ духовенство было до того опустошено, что Св. Синодъ изъявлялъ даже опасеніе, какъ бы вовсе не истребилось духовное званіе. На ряду съ этимъ разборомъ духовенства со времени Петровской реформы становится гораздо ощутительнѣе и замѣтнѣе обособленность наличнаго духовенства въ ряду другихъ государственныхъ сословій, постепенно развивавшаяся на практикѣ въ теченіе всего XVIII в. Эта обособленность духовенства становится особенно замѣтною при взглядѣ на тѣ послѣдствія, которыя имѣло законодательство Петра по отношенію ко всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ. Мы указывали на результаты соціальныхъ реформъ Петра. Вслѣдствіе этихъ реформъ прежде всего изъ всей массы народонаселенія окончательно выдѣлилось привилегированное сословіе—дворянство; дана была организація посадскимъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ, съ запрещеніемъ даже выхода для нихъ во всѣ другія сословія [50]). Наконецъ соціальными реформами Петра окончательно было закрѣпощено крестьянство. Одновременно и параллельно съ такимъ выдѣленіемъ изъ общества различныхъ разрозненныхъ сословій, выдѣлилось и духовенство въ особое, отдѣльное отъ другихъ сословіе, съ спеціальнымъ назначеніемъ нести церковную службу, съ особыми правами и управленіемъ. А то чиновное значеніе, какое дано было духовенству законодательствомъ Петра, еще рѣзче содѣйствовало этой отчужденности духовенства отъ всего остальнаго общества. „Когда Петръ, какъ справедливо сказано въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ, повелѣлъ указомъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отнынѣ не

[50]) П. С. З. 1674, 2220 NN.

безопасно» [51]). Въ эту систему доносовъ, которой слѣдовала наша администрація во всю первую половину XVIII столѣтія впутано было въ очень многихъ случаяхъ и духовенство. Ему предписано было преслѣдовать раскольниковъ по своимъ приходамъ, доносить о распространеніи суевѣрій, объ исполненіи прихожанами христіанскихъ обязанностей посѣщенія церквей, поста, исповѣди и причащенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ священникъ являлся полицейскимъ органомъ правительства, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ полицейскими сыщиками и дозорщиками изъ Преображенскаго приказа; его доносъ влекъ за собою судъ и расправу; духовный характеръ его церковной дѣятельности исчезалъ за приказнымъ его значеніемъ. Печальнымъ результатомъ такого положенія духовенства было постепенное отчужденіе его отъ народа, который въ большинствѣ враждебно относился къ реформамъ правительства. Духовенство потеряло довѣріе къ себѣ въ народныхъ массахъ, или становилось вмѣстѣ съ народомъ въ ряды противниковъ правительства, защищая старые порядки и обычаи; среди постоянныхъ колебаній между двумя крайними направленіями оно не могло пристать и къ прогрессивной сторонѣ, на которой стояло правительство и часть общества, сочувствовавшая реформамъ. Консерватизмъ духовенства, не всегда одобрявшаго крайнія мѣры и увлеченія реформами, а иногда открыто становившагося въ рядъ приверженцевъ стараго порядка, естественно не могъ внушить къ нему полнаго довѣрія со стороны правительства; за нимъ былъ постоянный и строгій надзоръ; къ новой роли его пріучали, или лучше сказать принуждали страшными угрозами, тѣлесными наказаніями, ссылками и т. п. Прогрессивная часть общества, быстро слѣдовавшая по новому пути преобразованій, видѣла съ своей стороны въ духовенствѣ людей отсталыхъ, упорно преданныхъ старинѣ, неспособныхъ къ усвоенію новыхъ идей, и нерѣдко выражала къ нему открытое презрѣніе...

Такимъ образомъ духовенство, замкнутое въ своей исключительной средѣ, при наслѣдственности своего званія, не освѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ отвнѣ, постепенно должно было ронять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и

---

[51]) Твор. Св. Отц. 1863 г., т. II, стр. 172.

само должно постепенно оскудѣвать умственными и нравственными силами, охладѣвать такъ-сказать къ движенію общественной жизни и ея интересамъ. Его собственные интересы становились все уже и матеріальнѣе и мало привлекали къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Общество охладѣло въ отношеніи къ духовенству, мало интересовалось его бытомъ и потребностями и стало смотрѣть на священника со всѣмъ кругомъ его обязанностей и отношеній, какъ на всякаго другаго человѣка, съ которымъ въ жизни иногда неизбѣжно приходится имѣть дѣло и которому слѣдуетъ платить „за трудъ и время". Ничто такъ быстро и такъ вредно не могло отразиться на положеніи духовенства какъ эта именно общественная холодность къ его служенію и обязанностямъ, потому что едва ли есть еще сословіе, болѣе чувствительное къ нравственнымъ отношеніямъ, въ какихъ находится къ нему общество,—какъ духовенство, и это потому, что обязанности духовенства, главнымъ образомъ, нравственныя и при исполненіи ихъ оно особенно нуждается въ нравственномъ сочувствіи общества, въ сердечномъ и искреннемъ отношеніи къ его служенію. Холодность среды, окружающей духовенство, должна отразиться на немъ самомъ, на пониманіи имъ своихъ обязанностей. И если механически холодное, но правильное и аккуратное исполненіе должнаго не повредило бы, пожалуй, въ другой средѣ общественной дѣятельности, то въ священникѣ оно уже есть несомнѣнный признакъ упадка, равнодушія и апатіи.

Всѣ исчисленныя нами послѣдствія соціальныхъ преобразованій Петра обусловливались въ весьма значительной мѣрѣ тѣми началами, которыя стремилось правительство положить въ основу образованія духовнаго сословія. Къ изображенію заботъ Петровскаго правительства о духовномъ образованіи мы теперь и переходимъ.

ГЛАВА IV.

Мѣры Петра Великаго относительно образованія духовенства.

Вопросъ объ образованіи духовенства въ Духовномъ регламентѣ поставленъ въ самой тѣсной связи съ преобразованіемъ соціальной жизни въ средѣ бѣлаго духовенства. Путемъ разрѣшенія этого вопроса правительство преобразовательной эпохи стремилось, какъ мы уже замѣчали, дать прочную внутреннюю организацію духовенству, поставить его въ нравственномъ отношеніи въ уровень съ его высокимъ назначеніемъ. Духъ и характеръ, какой стремилось усвоить правительство Петровскаго времени дѣлу образованія духовенства или, лучше сказать, начала, на которыхъ оно мечтало укрѣпить систему образованія духовнаго сословія, были прямымъ отраженіемъ и развитіемъ установленной правительствомъ системы народнаго образованія вообще. Происхожденіе же этой послѣдней системы стоитъ въ связи съ сословными реформами Петра. Извѣстны результаты соціальныхъ преобразованій Петра. Сословными реформами Петра на каждый общественный классъ возложена была извѣстная государственная служба. Школа присоединяется сюда для помощи болѣе исправнаго несенія службы. Вотъ почему она отличается исключительно практическимъ направленіемъ; вотъ почему и мѣры Петра по народному образованію стоятъ въ самомъ близкомъ отношеніи къ преобразованіямъ его административнымъ, военнымъ и экономическимъ. Въ этомъ отношеніи

программа новаго образованія совершенно замѣнила собою приноровленное къ потребностямъ церковнаго характера древне-русской жизни изученіе Писанія. Школа должна была теперь отвѣтить на тѣ практическія, профессіональныя задачи, какія поставило новое законодательство каждому классу общества. Общая цѣль народнаго образованія высказана была Петромъ въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію... „Дабы наши подданданные, писалъ преобразователь въ означенномъ манифестѣ, тѣмъ болѣе и удобнѣе могли научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искустнѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ... дабы войска наши нетокмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ... и вообще дабы подданные наши тѣмъ искустнѣе были во всякомъ искуствѣ, указали мы сей манифестъ“ [1]. Сообразно съ начертанною въ этомъ манифестѣ общею программою и цѣлью народнаго образованія законодательство преобразовательной эпохи съ самаго начала своего развитія начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи кромѣ значенія пригодности его для того или другаго сословія или говоря точнѣе, класса людей. Прямая задача, которую поставило себѣ петровское правительство въ дѣлѣ организаціи сословій, состояла въ томъ, чтобы дать возможность отдѣльнымъ государственнымъ сословіямъ наилучшимъ образомъ отправлять лежавшую на нихъ государственную службу военную, гражданскую и всякаго рода другую. При достиженіи этой задачи образованіе было признано государствомъ однимъ изъ главнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ. Но такъ какъ въ дѣлѣ организаціи соціальной жизни тогдашняго общества законодательство напередъ всего ставило указанныя узкія государственныя цѣли, то естественно, что и народное образованіе было понято правительствомъ не въ смыслѣ его значенія самого по себѣ и въ себѣ: тогдашнее законодательство не имѣло понятія объ образованіи самомъ въ себѣ, — а лишь въ узкомъ смыслѣ пригодности его для прямыхъ практическихъ государственныхъ цѣлей. Вотъ почему въ дѣлѣ народнаго образованія государство заботилось собственно объ обученіи, а не объ образованіи, ибо

[1]) Солов. т. XV, стр. 97.

ремеслу можно научить, а не образовывать на немъ человѣка. Вотъ почему съ другой стороны узаконенія преобразовательной эпохи о народномъ образованіи въ строгомъ и точномъ смыслѣ суть узаконенія о государственной службѣ. Говоря короче и проще, въ дѣлѣ народнаго образованія законодательство и администрація преобразовательной эпохи имѣли въ виду слѣдующія цѣли: приготовленіе извѣстнаго круга лицъ къ военной службѣ, приготовленіе другихъ лицъ къ гражданской службѣ съ ея различными раздѣленіями и т. д. Можно было бы въ доказательство сейчасъ указаннаго нами направленія общаго образованія при Петрѣ представить любопытный очеркъ того, какъ постепенно развивалось законодательство преобразовательной эпохи; но не имѣя надобности входить въ подробное разсмотрѣніе этого развитія, мы считаемъ достаточнымъ для своей цѣли отмѣтить здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ характеръ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній возникшихъ при Петрѣ. Въ 1701 году въ Москвѣ на Сухаревой башнѣ была учреждена школа математическая и навигацкая. По свидѣтельству Вебера, бывшаго профессора петербургской морской академіи „юношество обучалось въ этой школѣ наукамъ исключительно относящимся до мореплаванія". Послѣ учрежденія математической и навигацкой школы постепенно развился при Петрѣ цѣлый рядъ техническихъ училищъ съ общеобязательными предметами обученія. Такъ въ 712 году въ новоустроенной столицѣ Петербургѣ учреждена была инженерская школа. Для изученія приготовительныхъ наукъ ученики этой школы нерѣдко посылались на Сухареву башню, а для спеціальнаго курса въ ней былъ поставленъ особый учитель инженеръ. Указами отъ 6-го и 9-то марта того же 712 г. основана была артиллерійская школа съ цѣлью обученія молодаго шляхетства артиллеріи и наконецъ въ томъ же 712 году возникло морское училище, а при архіерейскихъ домахъ заведены были низшія цифирныя школы, гдѣ обучали цифири и нѣкоторой части геометріи. Преподавателями въ этихъ школахъ были воспитанники изъ среднихъ и высшихъ училищъ. Таковъ былъ общій характеръ усвояемый законодательствомъ преобразовательной эпохи народному образованію. Принципъ, объявленный тогдашнимъ законодательствомъ о народномъ образованіи вообще, принципъ пригодности этого образованія для практиче-

скихъ цѣлей былъ развиваемъ и въ узаконеніяхъ преобразователя о образованіи духовенства. Здѣсь этотъ принципъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдній періодъ преобразовательной эпохи съ учрежденіемъ Синода, проведенъ былъ даже съ большею послѣдовательностію, подробностію и законченностію. Духовное сословіе было средою, которой Петръ указывалъ какъ на самое прямое и вѣрное ея назначеніе заботиться о просвѣщеніи народа. Вотъ почему мысль о распространеніи образованія въ средѣ самаго духовенства составляетъ предметъ самой заботливой законодательной дѣятельности Петра во все продолженіе его царствованія. Всѣ указы, касающіеся означеннаго предмета, обнаруживаютъ нетерпѣливую поспѣшность и настойчивость, съ какой правительство бралось за образованіе духовенства. Но до двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка правительство не только не успѣло выработать опредѣленной программы образованія духовнаго сословія, но даже въ этотъ періодъ времени оно не основало и спеціальныхъ школъ для обученія духовенства. Правда, въ Москвѣ была академія, гдѣ обыкновенно получали образованіе дѣти духовенства: но мы видѣли какими печальными красками описывалось положеніе этой школы въ письмѣ Петру прибыльщика Курбатова. Еще раньше смерти патріарха Адріана самъ царь въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ такъ отзывался объ этой школѣ: „мало которыя учатся, что никто школы какъ подобаетъ не надзираетъ, а надобенъ къ тому человѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся и сего ни обрѣтается ни отъ какихъ людей“ [2]). Въ виду такого печальнаго состоянія московской школы на первыхъ порахъ до заведенія собственныхъ духовныхъ школъ въ Великороссіи преобразователь считалъ необходимымъ обратиться къ кіевской коллегіи, которая была тогда единственной школой правильной и прочно устроенной. Это желаніе было высказано Петромъ вскорѣ послѣ возвращенія его изъ перваго путешествія по Европѣ въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ Адріаномъ. Въ 699 году царь былъ у патріарха и говорилъ ему, что „священники ставятся грамотѣ мало умѣютъ, еже бы ихъ таинствъ научити и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно че-

---

[2]) Устр. т. IV.

ловѣка и ни единаго кому сіе творити и опредѣлити мѣсто гдѣ быти тому. Чтобы возъимѣти промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію его христіанъ православныхъ и зловѣрцовъ татаръ, мордвы и черемисы и иныхъ... и для того во обученіе хотя бы послати колико 10 человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которыя бы возможно сему прилежати" [3]). Исполняя это желаніе Петръ дѣйствительно въ 701 году писалъ къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, чтобы онъ „дѣтямъ россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ благочестивой греко-россійской вѣры ревнителямъ не возбранялъ учиться въ кіевской академіи (наименованіе данное кіевской коллегіи Петромъ же [4]), но заказалъ бы префекту и профессорамъ и учителямъ оной преподавать имъ со усерднымъ тщаніемъ и радѣніемъ" [5]). Одновременно съ этимъ и въ Москвѣ нашелся „знатный въ чинѣ и во имени человѣкъ", нужный по мысли преобразователя для надзора за здѣшнею академіею. То былъ ученый мѣстоблюститель патріаршества, митрополитъ Стефанъ, которому вслѣдъ за вступленіемъ его въ должность мѣстоблюстителя поручено было поднять приходившую въ упадокъ московскую академію [6]). Скоро на этотъ начальный громкій призывъ преобразователя къ образованію духовенства послышались хотя и слабыя отголоски изъ разныхъ мѣстъ сѣверной Россіи, гдѣ мало-по-малу стали заводиться свои школы. Это были школы устрояемыя по частной инниціативѣ нѣкоторыхъ изъ епархіальныхъ архіереевъ на собственныя ихъ средства и по произвольнымъ образцамъ. Такъ въ 703 году трудами св. Димитрія открыта была школа въ Ростовѣ. Въ 706 г. новгородскій митрополитъ Іовъ съ помощію братьевъ Лихудовъ открылъ „греко-славянскую школу" при своемъ домѣ. Въ 703—704 г. основана была по именному царскому указу школа въ Сибири при дворѣ тобольскаго митрополита Филоѳея [7]). На подмогу этимъ начальнымъ духовнымъ школамъ съ 714 года явились такъ-называе-

---

[3]) Устр. т. III, прилож. 7, 45 стр.

[4]) Знамен. рук. къ ц. и., 376 стр.

[5]) П. С. З. 1870 №.

[6]) Солов. И. Р. т. XV, 123 стр.

[7]) Влад.-Будан. Госуд. и нар. образ. въ XVIII в., 294 стр.

мыя цифирныя школы, учрежденныя для обученія „цифири и нѣкоторой части геометріи“ всякаго чина дѣтей, кромѣ несвободныхъ состояній. Эти послѣднія школы были особенно доступными и даже обязательными для дѣтей духовенства, потому что открывались по распоряженію правительства при архіерейскихъ домахъ и знатнѣйшихъ монастыряхъ. Это видно особенно изъ того факта, что къ концу существованія цифирныхъ школъ (718—20 гг.) въ нихъ исключительно поступали дѣти духовнаго званія. Явленіе вполнѣ понятное, если принять во вниманіе, что для всѣхъ другихъ званій въ это время существовали уже особыя спеціальныя школы, болѣе или менѣе принаровленныя къ приготовленію обучающихся въ нихъ лицъ для ихъ будущей служебной профессіи. Такъ шло дѣло духовнаго образованія до 20-хъ годовъ XVIII в. Не заводя новыхъ духовныхъ школъ и не опредѣляя совсѣмъ того, въ чемъ собственно должна состоять ближайшая цѣль духовнаго образованія и какіе предметы должны войти въ составъ его, правительство ухватилось за школы, которыя были уже у него подъ руками и выдавало строгіе указы духовенству во что бы то ни стало учиться въ этихъ школахъ. По силѣ этихъ указовъ дѣтей духовенства и другихъ сословій, кто пожелаетъ вступить въ духовное званіе, велѣно было заранѣе непремѣнно учить въ школахъ, чтобы они были годны въ попы, и въ случаѣ вакансій готовы къ посвященію [8]). Образованіе для духовенства признавалось теперь до такой степени обязательнымъ, что въ указѣ 708 г., подтвержденномъ потомъ еще въ 710 г. „поповыхъ и діаконовыхъ, а также по указу 710 г. пономаревыхъ, дьячковыхъ, сторожевыхъ и просворниныхъ дѣтей, если они не похотятъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ не велѣно было принимать ни въ какіе чины гражданской службы опричь служилаго или солдатскаго чина“ [9]). Монастырскому приказу, къ вѣдомству котораго отнесены были теперь всѣ славяно-и греко-латинскія школы, предписывалось, „учениковъ духовныхъ, которые отъ ученья отстали и записались въ разные чины, также которые и вновь будутъ отставать, сыскивать и отсылать въ тѣ школы изъ монастырскаго приказа.

---

[8]) П. С. З. т. V 2186 №.

[9]) Тамъ же 3171, 3175 №.

съ наказаніемъ и за прогульные дни данное имъ жалованье у нихъ вычитать“ [10]). Вмѣстѣ съ этимъ законодательство настрого наказывало и епархіальнымъ архіереямъ при испытаніи уже вышедшихъ изъ школы и желающихъ поступить на служеніе при церкви, или такъ-называемыхъ „ставленниковъ“ быть „опасными и жестокими и аще явится неумѣніе и косночтеніе дьячковъ (даже) такимъ весьма отказывать“ [11]). Очевидно, что всѣми этими строгими распоряженіями, запрещавшими принимать нигдѣ неучившихся дѣтей духовенства въ какіе бы то ни было чины кромѣ служилаго или солдатства, куда былъ открытъ совершенно свободный доступъ для лицъ всѣхъ общественныхъ классовъ, законодательство имѣло въ виду ту цѣль, чтобы указать дѣтямъ духовенства прямую и неизбѣжную для нихъ дорогу,—занятіе должностей ихъ отцовъ, а вовсе еще не имѣло въ виду объяснить,—какимъ характеромъ должно отличаться ихъ школьное образованіе, какъ приготовительное средство для вступленія на означенную дорогу и будущаго поприща на ней.

Эта послѣдняя задача начинаетъ мало-по-малу раскрываться законодательствомъ со времени учрежденія Св. Синода и изданія регламента. Съ этого времени обнаруживается и вообще гораздо болѣе опредѣленная дѣятельность правительства относительно образованія духовенства. Дѣло народнаго образованія къ этому времени получило уже довольно широкое развитіе; заведенъ былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ школъ, имѣвшихъ въ виду профессіональное образованіе различныхъ классовъ общества. Какъ бы въ параллель съ этими школами Духовный регламентъ въ первый разъ проектируетъ цѣлую систему духовныхъ школъ, обнимающихъ собою всю имперію; а именно учреждаетъ архіерейскія школы съ значеніемъ низшихъ духовныхъ училищъ въ каждой епархіи и излагаетъ подробный проектъ внутренняго и внѣшняго устройства высшихъ духовно-учебныхъ заведеній—академіи и семинаріи. Хотя этотъ послѣдній проектъ, какъ извѣстно, и не былъ осуществленъ при Петрѣ во всѣхъ его подробностяхъ, тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія съ нашей стороны, потому что изъ него ясно открывается,

---

[10]) П. С. З. 3182 №.

[11]) Тамъ же т. IV 2352 п. 8—9.

какія цѣли преслѣдовало правительство преобразовательной эпохи при устройствѣ духовныхъ школъ. Но прежде мы скажемъ о низшихъ духовныхъ училищахъ, которые должны были быть устроены по плану регламента при архіерейскихъ домахъ. Общее законодательное учрежденіе архіерейскихъ школъ изложено въ главѣ регламента подъ заглавіемъ „дѣла епископовъ“ въ параграфахъ съ 9 по 13. По распоряженію регламента каждый епархіальный преосвященный непремѣнно обязанъ былъ завести при своемъ домѣ на частныя средства своей каѳедры, безъ всякихъ субсидій со стороны, школу „для дѣтей священническихъ или прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ“. Такъ Духовный регламентъ въ первый разъ назначаетъ свои особыя, спеціально-духовныя школы, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовлять людей годныхъ „въ надежду священства“. Приведенныя слова регламента не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что главный контингентъ лицъ, которыя должны были поступать въ архіерейскія школы, должно доставлять духовенство изъ своей сословной среды. Хотя здѣсь и замѣчается, что въ архіерейскія школы могутъ поступать дѣти и не духовнаго званія („для дѣтей священническихъ или прочихъ“), но значеніе этого вскользь брошеннаго замѣчанія будетъ понятно само собою, когда намъ напередъ извѣстно, что въ вѣдомствѣ гражданскомъ и военномъ въ означенный періодъ времени уже открытъ былъ цѣлый рядъ спеціально профессіональныхъ школъ. Съ учрежденіемъ этихъ архіерейскихъ школъ дѣти духовенства были освобождены отъ требованія въ цифирныя школы; самыя эти школы съ изданіемъ регламента или совсѣмъ были закрываемы или же,—что чаще бывало, соединялись съ архіерейскими школами [12]).

Проектируемыя регламентомъ архіерейскія школы становятся исключительною пріуготовительною ступенью для вступленія на духовныя должности. De jure никто не имѣлъ теперь права, не пройдя полнаго образовательнаго курса архіерейской школы, разсчитывать на полученіе мѣста или должности въ церковномъ клирѣ. На всѣ духовныя должности велѣно помѣщать теперь только „таковыхъ единыхъ въ школѣ архіерейской наставлен-

[12]) П. С. З. т. VI № 4126, т. VII 4326.

ныхъ учениковъ и имъ только открытъ былъ исключительный доступъ въ монашескій степень т.-е. въ архимандриты и игумены, „а если епископъ не ученаго во оной школѣ“, говоритъ регламентъ съ особеннымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, человѣка поставитъ въ священники или монашескій степень, минувъ ученаго и безъ вины правильной, то подлежитъ наказанію, яковое опредѣлено будетъ въ духовномъ коллегіумѣ“. Эта тѣсная зависимость полученія должности въ церковномъ клирѣ отъ предшествовавшаго этому полученія образованія въ архіерейской школѣ уже сама по себѣ должна была служить весьма достаточнымъ побудительнымъ мотивомъ для духовенства къ обученію. Но чтобы придать еще большее значеніе выставленному мотиву, или говоря другими словами, чтобы сильнѣе побудить духовенство отдавать своихъ дѣтей для обученія именно въ эти вновь проектируемыя теперь архіерейскія школы, регламентъ съ особенною заботливостію останавливается на томъ, чтобы изыскать средства къ даровому обученію въ архіерейскихъ школахъ. Все дѣло образованія дѣтей духовенства въ архіерейскихъ школахъ, какъ въ матеріальномъ такъ и чисто въ педагогическомъ отношеніи, возлагается регламентомъ на обязанность высшей епархіальной власти. Матеріальныя средства для содержанія архіерейской школы извлекаются а) изъ доходовъ архіерейскаго дома, б) изъ монастырей и церквей. „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя и на покупаніе книгъ, такожъ на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, говоритъ регламентъ, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ“. Ученики всѣ содержатся на счетъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ. Эти доходы должны идти натурой. Съ земель церковныхъ ежегодно взимается тридцатая доля всякаго хлѣба, а съ монастырскихъ двадцатая. Съ количествомъ этихъ доходовъ въ извѣстной епархіи сообразуется и число учениковъ. „На сколько бы человѣкъ стало хлѣба онаго къ пропитанію (одѣяніе не въ числѣ), толикое бы число учениковъ, говоритъ регламентъ, съ потребными служителями было“. Итакъ штатъ учениковъ въ архіерейскихъ школахъ опредѣляется въ регламентѣ чисто случайнымъ условіемъ: такою или иною степенью хлѣбнаго урожая въ

той или другой епархіи. На счетъ же архіерейской и монастырской казны содержатся и учителя архіерейскихъ школъ. Епископъ долженъ довольствовать учителя кормомъ и денежной ругою въ размѣрахъ опредѣленныхъ духовною коллегіею „по разсужденію мѣста“ т. е. принимая во вниманіе денежные и натуральные доходы той или другой епископской каѳедры. Само собою разумѣется, что такой способъ матеріальнаго обезпеченія низшихъ духовныхъ училищъ требовалъ не мало порядка и честности со стороны высшей епархіальной власти. Прежде всего весьма естественно было—воспользуемся выраженіемъ регламента,—„возроптать“ епархіальнымъ преосвященнымъ на то, что имъ „убыточно ружить учителя или учителей“; регламентъ предвидитъ заранѣе уже этотъ ропотъ, часто на практикѣ въ исторіи архіерейскихъ школъ разражавшійся громкимъ воплемъ, а еще чаще выражавшійся въ прямомъ уклоненіи подъ различными, далеко не всегда благовидными предлогами, отъ устройства и содержанія архіерейской школы, и предвидя старается заранѣе предупредить его указаніемъ нѣкоторыхъ далеко неуспокоительныхъ и пріятныхъ для архіерейскаго чувства мѣръ къ его предотвращенію. Въ виду этой цѣли преосвященнымъ указуется, чтобы лишнихъ служителей не держали, не нужныхъ строеній не дѣлали (развѣ строенія прибыльныя напр. мельницы и пр.). Такожъ священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не умножали“. Самая же полезная и практическая мѣра выставляемая регламентомъ въ виду предположенной цѣли состоитъ въ строгой отчетности предъ Духовною коллегіей по приходорасходнымъ книгамъ всѣхъ доходовъ и расходовъ архіереевъ и монастырей. Такъ должны были быть устроены по регламенту архіерейскія школы въ матеріальномъ отношеніи. Что касается ихъ устройства собственно въ образовательномъ и педагогическомъ отношеніяхъ, то на этотъ счетъ мы находимъ въ регламентѣ самыя элементарныя требованія отъ архіерейскихъ школъ. Прежде всего дѣломъ обученія въ архіерейскихъ школахъ должны завѣдывать избранные епархіальными архіереями учителя. Качества, требуемыя регламентомъ отъ учителя архіерейской школы, состоятъ въ томъ, чтобы учитель былъ „умный и честный“. Программа образованія, какое предположено было давать въ архіерейскихъ школахъ,

также не отличается широтою своихъ размѣровъ. Все дѣло образованія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы „умный и честный учитель" могъ приготовить своихъ учениковъ „не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дѣло), но и разумѣть прочитанное". Только въ томъ случаѣ, если найдется возможность со стороны ученика и учителя (если мощно), послѣдній долженъ обучать школьниковъ „читать двѣ первыя вышеупомянутыя книжицы: одну о догматѣхъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ". Такой уровень образованія въ архіерейскихъ школахъ, характеризующійся въ сущности лишь простымъ обученіемъ грамотѣ, всего ближе приближаетъ архіерейскія школы къ цифирнымъ и указываетъ на то, что онѣ, несмотря на то, что главный контингентъ лицъ, поступавшихъ въ эти школы, выходилъ изъ среды духовнаго сословія, все же не отличались еще исключительно профессіональнымъ характеромъ.

Принципъ спеціальности духовнаго образованія, принципъ отдѣленія духовнаго сословія отъ всѣхъ другихъ сословій въ самомъ его образованіи, съ большею точностію и опредѣленностію выраженъ въ регламентѣ въ томъ проектѣ школьнаго устройства, который излагается въ главѣ слѣдующей за главой „о дѣлахъ епископскихъ" и носящей такое заглавіе „домы училищные и въ нихъ учители и ученики такоже и церковные проповѣдники". Здѣсь прежде всего не оставляется уже никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣти духовенства должны учиться только въ духовныхъ школахъ. Далѣе все устройство проектируемыхъ школъ какъ внѣшнее такъ и внутреннее направлено къ спеціальной цѣли, которую должны имѣть въ виду школа,—„къ воспитанію дѣтей въ надежду священства". Такъ проектируемыя школы совершенно отдѣляются отъ свѣтскихъ, составляютъ особое учебное вѣдомство подъ непосредственнымъ надзоромъ высшей духовной власти Духовной коллегіи. Равнымъ образомъ и расположеніе частей „чина ученія", „кажущагося быть добрымъ" въ проектируемыхъ духовныхъ школахъ, ясно указываетъ, какъ увидимъ, на то, что этотъ „чинъ" принаровленъ къ спеціально духовному образованію.

Вполнѣ вѣруя лично самъ въ возможность осуществленія на дѣлѣ созданнаго имъ широкаго проекта духовныхъ школъ и по-

стоянно лелѣя мысль объ этомъ осуществленіи въ глубинѣ своего сознанія, составитель регламента Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ видно имѣлъ пламенное желаніе пропагандировать это свое субъективное убѣжденіе и въ той средѣ, къ которой обращенъ былъ теперь громкій призывъ къ образованію со стороны преобразователя. Такая пропаганда естественно должна была прежде всего имѣть въ виду разоблаченіе тѣхъ изстари сложившихся аргументовъ, которые въ концѣ XVII в. въ устахъ рьяныхъ противниковъ просвѣщенія сдѣлались какъ бы ходячими фразами. Извѣстно до какой степени ко времени преобразованія де-петровская Русь сжилась съ своимъ невѣжествомъ и косностью. Люди не только не представляли себѣ возможности когда-нибудь выдти изъ своего положенія, но и самый выходъ изъ него считали окончательною гибелью. Это освященіе косности и невѣжества было результатомъ презрительнаго отношенія и вражды къ наукѣ, отъ которой, по мнѣнію нашихъ предковъ, происходили только ереси и отъ которой вслѣдствіе того надобно обороняться всѣми силами, какъ отъ страшнаго врага и супостата. Даже самое чтеніе книгъ считалось опаснымъ: „не читайте книгъ многихъ", заповѣдывали ревнители „простыни", и указывали, что отъ чтенія одинъ „ума изступилъ, другой въ книгахъ зашолся, а третій въ ересь впалъ" [13]). Полное пренебреженіе всякимъ научнымъ знаніемъ и самая характерная черта невѣжества—высокое мнѣніе о своемъ достоинствѣ и презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ ясно высказывается въ словахъ, которыя такъ любили повторять наши грамотѣи. „Еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ ничитахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдахъ не бывахъ, учуся книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавшу мнѣ въ Афинахъ отъ юности, но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ" [14]). Излагая основныя начала духовнаго образованія, составитель проекта духовныхъ школъ Ѳеофанъ Прокоповичъ живо представлялъ себѣ этотъ темный образъ суевѣрныхъ русскихъ начетчиковъ и больше всего опасаясь „дабы не вотще

---

[13]) Сочин. Моров. Ѳ. Прок. какъ писат.

[14]) Тамъ же.

пошло государское иждивеніе и вмѣсто чаянной пользы не была бы тщета смѣха достойная, въ случаѣ если царское величество захощетъ основать академію", онъ считаетъ долгомъ прежде чѣмъ представить начертаніе проекта будущей духовной школы, разоблачить невѣжественные аргументы противниковъ просвѣщенія. Съ этой цѣлію проектъ духовныхъ школъ онъ предваряетъ довольно подробнымъ, исполненнымъ риторики и личныхъ полемическихъ намековъ предисловіемъ на тему „о добромъ и привиденномъ или, выражаясь точнѣе, мнимомъ ученіи". Съ жаромъ оправдывая неусыпную заботливость правительства о просвѣщеніи духовенства, Θеофанъ прежде всего указываетъ здѣсь въ защиту просвѣщенія на дѣйствительный неотразимый фактъ, бывшій у всѣхъ предъ глазами и возражать противъ котораго кажется не представлялось никакой возможности. Это—осязательный фактъ полезности весьма многихъ государственныхъ преобразованій Петра. „Извѣстно есть всему міру, такъ начинаетъ Θеофанъ свое предисловіе къ проекту духовныхъ школъ, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія и какъ несравненно умножилась сила его и надчаяніе велика и страшна стала, когда державный нашъ монархъ его царское величество Петръ I, обучилъ оное изрядными регулами; тожъ и о архитектурѣ и о врачествѣ и о политическомъ правительствѣ и пр. и наипаче тоежъ разумѣти о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія нельзя быть доброму церквы поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Укрѣпивши такимъ образомъ основное положеніе своей апологіи просвѣщенія путемъ сопоставленія ожидаемыхъ результатовъ просвѣщенія съ дѣйствительными результатами Петровыхъ преобразованій, составитель регламента полемизируетъ далѣе съ мнѣніями противниковъ просвѣщенія. Кто бы сталъ, говоритъ Θеофанъ, приписывать образованію происхожденіе ересей, тотъ разсуждая логично „понужденъ былъ бы говорить, что когда и врачъ опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть, и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ того ученіе воинское виновно есть". Но и не на основаніи однихъ только логическихъ соображеній разума можно убѣдиться въ полезности и необходимости добраго ученія. Разительнымъ

доказательствомъ этой истины служитъ и вся исторія человѣчества. „Если посмотримъ чрезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки на мимошедшія вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“. Сославшись затѣмъ въ подтвержденіе этой своей мысли на такихъ авторитетовъ церкви, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ и Златоустъ, которые не только сами были людьми высокообразованными, но и являлись еще при этомъ жаркими поборниками просвѣщенія, составитель регламента резюмируетъ свою апологію просвѣщенію тѣмъ справедливымъ положеніемъ, что „ученіе доброе и основательное есть всякой пользы какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе“. Только необходимо, говоритъ онъ, чтобы это ученіе было на самомъ дѣлѣ доброе и основательное, ибо есть ученіе, которое и имени того не достойно есть, а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ судится быть за прямое ученіе“. Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимоученыхъ, въ которомъ Ѳеофанъ выходитъ изъ роли спокойнаго апологета просвѣщенія и принимаетъ на себя роль рьянаго полемиста съ своими личными врагами, которые не переставали нападать на него словесно и письменно, обвиняя его ни болѣе ни менѣе какъ въ ереси. Эти враги его были большею частію воспитанники кіевской школы. Самъ питомецъ этой школы, Ѳеофанъ живо представляетъ себѣ хорошо знакомый ему типъ кіевскаго школяра съ его „привиденнымъ и мечтательнымъ ученіемъ“. Онъ жолчно осмѣиваетъ въ своей апологіи просвѣщенія этихъ полуобразованныхъ школяровъ, которые считали себя совершенными, а между тѣмъ, ничего не понимая, не хотѣли ничему уже болѣе учиться и ничего не читали. Съ претензіями на богословствованіе они, по изображенію Прокоповича, постоянно впадаютъ въ ереси, а мнѣнія своего, разъ высказаннаго перемѣнить не хотятъ, чтобы не показать себя не знающими чего-нибудь. Они вредны суть и дружеству и отечеству и церкви, предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролесть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ и если кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ несомнѣнно заключается намекъ на Стефана Яворскаго

и на его доносъ съ обвиненіемъ самаго Θеофана въ неправославіи, потому-то Прокоповичъ и непреминулъ добавить, что не основательные мудрецы „къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія (конечно надежду на патріаршество).

При помощи такой аргументаціи составитель регламента пытается пропагандировать идею о важности и настоятельной необходимости просвѣщенія духовенства въ виду тогдашняго положенія церкви. Изъ этой довольно остроумной аргументаціи нельзя не видѣть того, что самъ Θеофанъ отстаиваетъ необходимость просвѣщенія, какъ имѣющаго важность самаго въ себѣ, по самому принципу просвѣщенія, безотносительно къ тѣмъ полезнымъ практическимъ результатамъ, которыхъ можно ожидать отъ него впослѣдствіи. И это конечно не отъемлемое достоинство умнаго прогрессиста, далеко опередившаго во взглядѣ на означенный предметъ людей не только своего, но даже и гораздо болѣе поздняго времени...

Слѣдующій за изложеннымъ и объясненнымъ сейчасъ нами вступленіемъ къ проекту академіи и семинаріи планъ для этихъ духовно-учебныхъ заведеній составленъ чрезвычайно подробно и обнимаетъ собою не только программы и планъ преподаванія, но касается вопроса и объ образѣ жизни, занятіяхъ и даже развлеченіяхъ учащихся. Разсматривая этотъ планъ въ его цѣломъ видѣ не трудно примѣтить, что составитель его, воспитанникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кіевской академіи, не могъ совершенно отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій господствовавшихъ въ его время и внесъ сюда во многихъ отношеніяхъ духъ и характеръ воспитавшей его самого кіевской школы, хотя весь вообще внутренній и внѣшній строй новой жизни мечталъ построить на совершенно иныхъ началахъ. Это особенно замѣтно обнаруживается въ тѣхъ параграфахъ устава новыхъ духовныхъ школъ, которые главнымъ предметомъ своимъ имѣютъ такъ-называемую дисциплинарную сторону школьной жизни. Но приступимъ къ частнѣйшему разсмотрѣнію изложеннаго въ Духовномъ регламентѣ проекта устройства духовныхъ школъ. Проектъ этотъ прежде всего начертываетъ планъ устройства высшей духовной школы — академіи. Всматриваясь какъ во внѣшній, такъ и во внутренній распорядокъ этого плана находимъ, что весь онъ принаровленъ къ тому, чтобы сдѣлать

изъ академіи спеціально духовно-учебное заведеніе. Первый вопросъ, который долженъ былъ представиться составителю регламента при мысли о внутреннемъ устройствѣ высшей духовной школы, былъ вопросъ о прісканіи учителей для проектируемой академіи, а равнымъ образомъ и о томъ, какими научно-образовательными качествами должны обладать педагоги духовныхъ школъ. Въ то несчастное по просвѣщенію время, разумѣется чувствовался весьма большой недостатокъ въ учителяхъ. Найти сразу годное количество нужныхъ учителей разумѣется не было возможности, а между тѣмъ настоятельная нужда въ ученыхъ людяхъ именно и должна была возбуждать у правительства желаніе поскорѣе осуществить свои планы. Что касается количества учителей для занятія во вновь проектируемой академіи, то на первый разъ для скорѣйшаго достиженія образовательныхъ цѣлей, говоритъ регламентъ, многихъ учителей сюда и не нужно: достаточно одного или двоихъ, которые бы обучали граматикѣ языковъ латинскаго и греческаго. На второй же и третій академическіе годы съ дальнѣйшимъ расширеніемъ количества учениковъ и образовательной программы „придается и большее количество учителей". Степень научно-образовательныхъ способностей избираемыхъ для преподаванія учителей опредѣляется путемъ пробныхъ испытаній. Лица, желающія преподавать въ академіи, подвергаются испытанію въ знаніи ими того предмета, который желаютъ преподавать. Эти способы испытанія учителей похожи на конкурсы въ настоящее время. Учителя, желающіе напримѣръ преподавать языки, составляютъ переводы классическихъ произведеній, написанныхъ тѣмъ языкомъ, который они желаютъ избрать для преподаванія на русскій или точнѣе славянскій. „Велѣть (желающему преподавать означенные предметы) сложеніе русское перевесть на латинское, такожъ латинское слово нѣкоего славнаго въ языкѣ томъ автора, перевесть на русское и велѣть искуснымъ осмотрѣть и освидѣтельствовать переводы его и тотчасъ покажется совершенъ ли есть или средній или итого нижае или и весьма ничего".

Такой способъ предварительнаго испытанія кандидатовъ для занятія той или другой академической каѳедры очевидно имѣлъ въ виду гарантировать академію, какъ высшее духовно-учебное заведеніе отъ занятія здѣсь праздныхъ учительскихъ вакансій

лицами мало способными или плохо подготовленными для преподаванія избраннаго ими предмета. Впрочемъ лицамъ послѣдняго класса не отказывается совершенно въ доступѣ въ число членовъ академической наставнической корпораціи. Обнаружившимъ въ первый разъ во время пробныхъ уроковъ недостаточное знакомство съ своимъ предметомъ, но лицамъ „остроумнымъ“ дозволяется въ теченіе года или полгода самимъ вновь приготовляться по избранному предмету „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ“ для занятія учительской должности въ академіи. Такую привиллегію оказываемую „остроумію“ регламентъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что человѣкъ остроумный, но оказавшійся неудовлетворительнымъ въ знаніи своего предмета на предварительныхъ пробныхъ лекціяхъ, „за лѣностію или за плохимъ своимъ учителемъ недостигнулъ того“.

Опредѣливши способъ избранія преподавателей для замѣщенія академическихъ каѳедръ составитель регламента ставитъ далѣе себѣ задачею строгій выборъ и рекомендацію учебныхъ пособій по предметамъ академическаго курса. Въ дѣлѣ этого выбора учебныхъ пособій учитель того или другаго предмета долженъ руководиться только тѣмъ, что ему будетъ оффиціально предписано со стороны высшаго начальства школы или Духовной коллегіи и не можетъ замѣнить одно руководство другимъ по своему произволу: „избравъ убо, замѣчаетъ регламентъ, лучшихъ въ грамматики риторики и въ прочихъ ученіяхъ авторовъ, подать въ академію, и приказать, чтобы оныхъ руководствомъ, а не иныхъ учено въ школахъ“. По всѣмъ вообще предметамъ этого курса въ качествѣ руководствъ рекомендуется „избрать изряднѣйшихъ во всякомъ ученіи авторовъ, которые свидѣтельствованы суть въ славныхъ академіяхъ“. Такъ напримѣръ въ качествѣ учебныхъ руководствъ для переводовъ съ латинскаго языка рекомендуется „избрать латинскую грамматику, которая въ Парижѣ повелѣніемъ короля Людовика четвертагонадесять такъ кратко и совершенно заключена, что мощно надѣятися остроумнаго ученика, заединъ годъ совершенно научить языки онаго, когда у насъ за пять и за шесть лѣтъ мало кто постизаетъ, что мощно знать потому, что студентъ изъ философіи или богословіи исшедшій не можетъ перевесть и средняго стиля латинского“. Въ кругу предметовъ академическаго курса вниманіе

составителя регламента особенно сосредоточивается на выборѣ учебныхъ руководствъ по предмету христіанскаго богословія. Извѣстно, что самъ составитель регламента Ѳеофанъ Прокоповичъ явился ревностнымъ реформаторомъ русской богословской науки, который, по выраженію Знаменскаго, „первый сдѣлалъ попытку эмансипировать ее отъ рабскаго подражанія разнымъ католическимъ суммамъ theologiae, изъ которыхъ она получила и свой схоластическій методъ и нерѣдко почерпала самыя богословскія понятія". Выработанный имъ методъ преподаванія богословія онъ хотѣлъ всецѣло провести и въ новый академическій Уставъ. Основныя начала этого метода богословія состояли въ слѣдующемъ. Фундаментальнымъ руководствомъ богословія признано Священное Писаніе. „Челъ бы учитель богословскій Священное Писаніе и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній: и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ Писаній". Такъ Ѳеофанъ старался сблизить богословіе прежде всего съ самыми первоисточниками богословскихъ истинъ. Въ качествѣ комментаріевъ къ основному источнику христіанскаго богословія Священному Писанію признаны весьма полезными полемическія произведенія святоотеческой литературы. „Въ помочь того дѣла (преподаванія богословія) челъ бы (учитель) прилежно святыхъ отецъ книги: да таковыхъ отецъ, которые прилежно писали о догматѣхъ, за нужду распрь въ церкви случившимся съ подвигомъ на противныя ереси". Не отрицается важность и полезность для той же цѣли наибольшаго успѣха въ преподаваніи богословія знакомство и „съ иновѣрными" (западными) христіанскими писателями - догматистами. Однако доводамъ этихъ послѣднихъ руководителей въ преподаваніи богословія „не легко вѣрить, но посмотрѣть, есть ли таковое въ Писаніи или въ книгахъ отеческихъ слово и тую ли имѣетъ силу, въ яковой они пріемлютъ; многажды бо лгутъ господа оные, замѣчаетъ регламентъ, и чего не было приводятъ". Въ видахъ между прочимъ предостереженія отъ ненадежнаго руководства всякихъ иновѣрныхъ учителей регламентъ рекомендуетъ учителю богословія преподавать свою науку во всякомъ случаѣ „не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣдѣнію и при чтеніи Священнаго Писанія, знакомить студентовъ академіи съ текстами, на которыхъ основываются догматы вѣры,

чтобы они не сомнѣвались въ истинѣ преподаваемаго имъ ученія. Таковъ долженъ былъ быть, по взгляду Прокоповича, методъ преподаванія богословія въ проектируемой академіи. Реформаторъ богословской науки не счелъ нужнымъ въ своемъ учебномъ планѣ ни однимъ словомъ обмолвиться о церковномъ преданіи, какъ несомнѣнно важномъ источникѣ христіанскаго догматическаго богословія. Это обстоятельство въ послѣдствіи дало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на его мнѣнія со стороны его противниковъ. Онъ вѣруетъ, писалъ Маркеллъ Родышевскій,—яко едино токмо Священное Писаніе, еже есть ветхій и новый завѣтъ, полезно намъ ко спасенію, а святыхъ де отецъ Писаніе имѣетъ въ себѣ многія неправости“ [15]).

Въ числѣ учебныхъ пособій для академическаго преподаванія по другимъ предметамъ рекомендуется еще регламентомъ для переводовъ съ латинскаго языка историкъ Іустинъ, какъ такой, сочиненія котораго написаны „чистымъ латинскимъ языкомъ“ и наконецъ, если найдется возможнымъ въ академіяхъ преподавать политику, то это преподаваніе должно по сокращенному руководству Пуффендорфа. Таковы учебныя пособія, которыя рекомендуетъ регламентъ какъ учителямъ такъ и ученикамъ проектируемыхъ школъ. Но не желая ограничивать дѣло образованія въ этихъ школахъ изученіемъ однихъ только, такъ-сказать, оффиціально предписанныхъ, казенныхъ учебниковъ составитель регламента имѣетъ въ виду вмѣстѣ съ этимъ изученіемъ дать еще питомцамъ духовной школы средства съ самостоятельному развитію умственнаго кругозора. Средства эти состоятъ въ томъ, что по плану при проектируемой школѣ необходимо должна быть устроена библіотека „ибо безъ библіотеки какъ безъ души академія“. Значеніе этого послѣдняго образовательнаго средства признается въ такой мѣрѣ полезнымъ, что оно очень скоро „какъ бы перерождаетъ человѣка, или, выражаясь буквальными словами Устава, „претворяетъ въ иного, хотя бы прежде онъ былъ грубыхъ обычаевъ“. Академическая библіотека должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и публичною библіотекою. Чтеніе книгъ библіотечныхъ дозволяется всѣмъ учителямъ, студентамъ и постороннимъ лицамъ. Читать впрочемъ дозволяется только въ одной

---

[15]) Чистовичъ 212 стр.

„конторѣ“ библіотеки, а на дома книги не отпускаются. Учителя имѣютъ полное право посѣщать библіотеку и читать въ конторѣ ея во всѣ часы дня и ночи; прочіе же только въ извѣстные дни и часы. Чтобы чтеніе библіотечныхъ книгъ достигало своей цѣли, т.-е. приносило дѣйствительную пользу въ дѣлѣ самообразованія молодыхъ людей, составитель Устава уполномочиваетъ учителей спрашивать учениковъ о прочитанномъ. Студенты же могутъ обращаться къ учителю за разъясненіемъ темныхъ мѣстъ прочитываемаго. Такъ новый Уставъ духовной школы старается по возможности представить ей широкія образовательныя средства. Это обнаруживается также и изъ той пространной образовательной программы, которую Уставъ проектировалъ ввести въ духовныхъ школахъ.

Обращаясь къ программѣ наукъ академическаго курса, начертанной въ регламентскомъ проектѣ академіи, не трудно примѣтить, что новая академическая программа заключаетъ въ себѣ двѣ характерныя особенности. Съ одной стороны новая академическая программа сравнительно съ программою старыхъ академій кіевской и московской отличается повидимому преимущественно свѣтскимъ характеромъ, а съ другой—въ ней весьма ясно обнаруживается принципъ специальности и сословнаго значенія проектируемой школы. Проектируемый уставомъ академическій курсъ долженъ слагаться изъ слѣдующихъ наукъ: 1) грамматики купно съ географіей и исторіей, 2) ариѳметики и геометріи, 3) логики и діалектики (и едино то двоименное ученіе, 4) риторики (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ), 5) политика краткая Пуффендорфа (аще она потребна судится быть и можетъ та присовокупиться къ діалектикѣ), 6) физика присовокупя краткую метафизику, 7) богословіе. На первый поверхностный взглядъ въ этомъ „чинѣ ученія“ повидимому только лишь одинъ послѣдній предметъ имѣетъ спеціальное значеніе. Однако, ближе всматриваясь въ расположеніе частей этого чина, не трудно примѣтить, что весь онъ направленъ къ преслѣдованію спеціальной цѣли—дать образованіе пригодное для будущей служебной профессіи духовнаго сословія. Повидимому такія науки въ этой общей схемѣ, какъ риторика, логика и метафизика съ физикой вовсе не имѣютъ никакого спеціальнаго значенія и скорѣе должны были бы быть отнесены къ обще-

образовательнымъ предметамъ. Однако эти науки не введены ни въ какое другое специальное образованіе, исключая образованія духовнаго сословія [16]) и, слѣдовательно, только въ этомъ послѣднемъ онѣ, по взгляду законодателя, должны были имѣть свой смыслъ и значеніе. И дѣйствительно: по взгляду преобразователя профессія будущихъ служителей церкви должна состоять въ томъ между прочимъ, чтобы истины религіи распространять посредствомъ проповѣди. „По мнѣнію законодателей XVIII в., говоритъ Владимірскій-Будановъ, къ этому именно и подготовляетъ изученіе логики, риторики и философіи“ [17]). Только первыя двѣ группы наукъ въ представленной регламентомъ программѣ духовнаго образованія, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія. Эти группы составляютъ собою приготовительное образованіе. Здѣсь къ обычному составу его низшей математикѣ прибавляется грамматика, которая въ схемѣ Прокоповича имѣетъ значеніе не грамматики отечественнаго языка, а изученія иностранныхъ языковъ, „понеже по регуламъ грамматическимъ нужно есть дѣлать экзерциціи, сіе есть обучатися въ переводѣ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и вопреки съ языка того на мой языкъ“. Подъ иностранными языками разумѣется собственно языкъ латинскій; греческій же и еврейскій допускаются условно,—„если будутъ учители“. Допущеніе исторіи и географіи въ составъ приготовительнаго образованія есть значительный шагъ впередъ. Но законодатель понималъ, что это ученіе „пространное есть“ и потому экономія времени заставила его предписать странный и оригинальный способъ обученія этимъ предметамъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Такъ новая академическая программа, повидимому совершенно исключающая спеціальность духовнаго образованія, въ то же время въ дѣйствительности постоянно имѣетъ ее въ виду. Это можно видѣть и изъ того также, что въ изложенномъ нами выше курсѣ академическихъ наукъ богословію отдано преимущество предъ всѣми другими науками; для изученія его назначено два года, тогда какъ на изученіе прочихъ наукъ отведено по году, а нѣкоторыхъ даже по полугоду. Кромѣ изученія богословія согласно спеціаль-

---

[16]) Вл.-Буд. Госуд. ин. обр. XVIII в. 170 стр.

[17]) Ibidem.

ному назначенію духовныхъ школъ, въ курсѣ ихъ обращено также особенное вниманіе на изученіе ихъ воспитанниками проповѣдническаго искусства. Послѣ статей о школахъ въ регламентѣ помѣщенъ особый отдѣлъ о проповѣдникахъ, излагающій регулы, которымъ они должны слѣдовать. Мы остановимся здѣсь на разсмотрѣніи этихъ регулъ въ связи съ образовательною программою въ духовныхъ школахъ.

Извѣстно, какъ смотрѣлъ преобразователь на церковную проповѣдь и чего онъ ожидалъ отъ нея. Онъ весьма высоко цѣнилъ проповѣдь и стремился дать ей характеръ преимущественно свѣтскій, общественный. Благодаря такому стремленію проповѣдь по справедливому замѣчанію Самарина, получила для него значеніе служенія не столько церкви, сколько государству [18]). „Европейскій идеалъ, говоритъ авторъ сочиненія „Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель", внесенный въ русскую жизнь Петромъ, былъ независимъ отъ церковнаго авторитета и подъ вліяніемъ этого идеала церковная сторона жизни отошла на задній планъ, была настолько заслонена интересами государственными, что даже церковь и ея слово получили характеръ свѣтски общественный" [19]). Въ этомъ новомъ своемъ качествѣ, какъ орудіе государственныхъ цѣлей, церковная проповѣдь, по взгляду преобразователя должна была главнымъ образомъ стремиться къ разъясненію сущности и мотивовъ тѣхъ дѣйствій правительства, которыя тяжело ложились на народъ, непонимавшій ихъ непосредственной пользы и потому относившійся къ нимъ недовѣрчиво. Такъ церковная каѳедра по взгляду преобразователя должна была обратиться въ политическую трибуну, отъ которой должны исходить ораторскія рѣчи, направленныя къ уясненію правительственныхъ мѣропріятій. Такимъ требованіямъ рѣшительно предъявленнымъ преобразовательнымъ духомъ времени ученое и искусственное проповѣдничество малорусскихъ ученыхъ, единственно почти господствовавшее у насъ въ XVII ст. далеко не удовлетворяло. Какъ развившееся по отвлеченнымъ правиламъ и въ полномъ отчужденіи отъ современной жизни, такое проповѣдничество разумѣется не могло имѣть на эту жизнь ни-

---

[18]) Соч. т. V, 392 стр.

[19]) Ж. М. Н. П. 80 г. мартъ 82 стр.

какого вліянія. Въ объемистыхъ томахъ проповѣдей нашихъ малорусскихъ проповѣдниковъ XVII в. Симеона Полоцкаго, Голятовскаго, Родивилловскаго, Барановича, Яворскаго и др. за очень немногими, почти незамѣтными исключеніями,—напрасно стали бы мы искать свѣжей живой струи, оригинальныхъ мыслей, словомъ всего того, что создаетъ опредѣленную литературную физіономію писателя. Здѣсь нѣтъ ни одного живаго звука: все сухо и мертво. Что же касается до состоянія проповѣдничества среди великорусскаго духовенства въ то время, то нужно замѣтить, что живое слово проповѣди на сѣверѣ Руси замолкло еще въ XVI в. Здѣсь давно среди духовенства сложилось убѣжденіе, что не слѣдуетъ позволять читать не только свои собственныя проповѣди, но даже готовыя поученія святыхъ отцовъ, положенныя по Уставу. Даже высшія іерархическія лица, какими были епископы, „не всегда, какъ замѣчаетъ Духовный регламентъ, и не всѣ могли сложить здѣсь чистое слово". „Оле окаянному времени нашему, восклицаетъ святитель Димитрій Ростовскій: яко отнюдь пренебрежеся сѣяніе слова Божія: сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ, іереи небрегутъ, а людіе невѣжествуютъ и заблуждаютъ, іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ ниже слушати хотятъ". Жаркимъ противникомъ схоластическаго направленія въ проповѣди, внесеннаго въ нее малорусскими учеными, является Ѳеофанъ Прокоповичъ въ главѣ о проповѣдникахъ слова Божія сочиненнаго имъ Духовнаго регламента. Здѣсь Ѳеофанъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Петра относительно значенія церковной проповѣди. Въ духовномъ регламентѣ онъ старается точно формулировать, о чемъ именно и какъ должны говорить проповѣдники. Его взглядъ на проповѣдничество стоитъ въ тѣсной неразрывной связи съ его богословскимъ ученіемъ. Извѣстно, что Ѳеофанъ, основатель особенной школы въ богословской наукѣ, сильно возсталъ на этомъ пути противъ вліянія католическихъ преданій, вкравшихся въ нашу церковь, и ревностно трудился надъ ихъ искорененіемъ. Въ этомъ критическомъ трудѣ онъ руководствовался однимъ писаніемъ и личнымъ разумомъ. Отъ проповѣди онъ требовалъ обличенія предразсудковъ и суевѣрій и преподаванія основныхъ догматовъ христіанства, всѣмъ доступнаго, яснаго и подкрѣпленнаго текстами. Онъ особенно предостерегалъ противъ

произвольныхъ, натянутыхъ толкованій, противъ обычая, мимо прямаго смысла искать аллегорій и символовъ, и предписывалъ строго держаться буквальнаго смысла. Ѳеофанъ требуетъ отъ проповѣдника основательнаго знакомства съ Священнымъ Писаніемъ и твореніями Отцовъ церкви, въ особенности же рекомендуетъ изучать Іоанна Златоуста; католическихъ же авторитетныхъ богослововъ рѣшительно отвергаетъ: „не приводи мнѣ, говоритъ онъ,—свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивой секты людей,—ибо ими не подтвердишь своего предмета, но оскверниишь и рѣчь и слухъ священнаго собранія [20]). Глава Духовнаго регламента „о проповѣдникахъ слова Божія“ всего лучше опредѣляетъ намъ взглядъ Прокоповича на цѣль и характеръ церковнаго краснорѣчія. Сознавая всю необходимость проповѣдыванія съ церковной каѳедры и въ то же время не довѣряя способностямъ великорусскаго духовенства и знанію ими догматовъ вѣры, Ѳеофанъ въ регламентѣ даетъ право проповѣдыванія слова Божія только лицамъ, окончившимъ полный курсъ наукъ въ академіи и въ иностранныхъ коллегіяхъ. Послѣдніе однако допускаются къ проповѣдничеству не прежде, какъ по удостовѣреніи Духовною коллегіею въ томъ, что ищущій проповѣдническаго права обладаетъ даромъ слова и знаніемъ Священнаго Писанія. Удостовѣреніе это производится посредствомъ пробнаго слова и экзамена. Достойному выдается изъ Духовнаго коллегіума свидѣтельство на право проповѣдывать. Что касается самаго содержанія проповѣдей и ихъ тона, то, по опредѣленію регламента, предметомъ для проповѣди должно служить увѣщаніе, исправленіе, въ особенности же разъясненіе необходимости повиновенія властямъ и обязанностей каждаго чина людей. Эти два послѣдніе пункта, требуемые составителемъ регламента отъ содержанія церковной проповѣди, яснѣе всего обозначаютъ стремленіе преобразователя обратить церковную каѳедру въ политическую трибуну, откуда должно исходить выясненіе именно тѣхъ сторонъ политической жизни, съ которыми тяжелѣе всего приходилось сживаться народной массѣ. Указывая на вкоренившіеся въ обществѣ пороки, проповѣдникъ долженъ избѣгать указанія и даже намековъ на подвержен-

---

[20]) Ж. М. Н. П. мартъ 80 г. 119 стр., соч. Морозова.

ныхъ имъ. О порокахъ даже въ отвлеченной формѣ непозволительно говорить въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, о какомъ-либо лицѣ прошла недобрая молва, что оно сдѣлало такой-то дурной поступокъ или грѣхъ. Всякій намекъ съ церковной каѳедры на этотъ грѣхъ будетъ понятъ какъ укоризна согрѣшившему. Публичное же поруганіе той или другой личности всегда приноситъ вмѣсто пользы одинъ вредъ: согрѣшившій будетъ заботиться не объ исправленіи своемъ, а объ отмщеніи оскорбившему его проповѣднику. Послѣ этого понятно, какъ безразсудно и низко поступаютъ тѣ изъ проповѣдниковъ, которые иногда по чувству личной мести къ извѣстнымъ лицамъ такими яркими чертами обрисовываютъ ихъ недостатки и пороки, что народъ даже безъ наименованія въ проповѣди лицъ знаетъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь. „Таковые проповѣдники, говоритъ регламентъ, самые бездѣльники суть, и оныхъ бы жестокому наказанію подвергать“. Да и вообще говоря, рѣзкій и суровый обличительный тонъ въ проповѣдяхъ весьма неумѣстенъ и переходитъ въ неприличіе, какую-то гордость, „наипаче когда такъ властительски о грѣхахъ говоритъ юный проповѣдникъ“. Иногда напримѣръ, говоритъ регламентъ, поясняя вышеуказанное положеніе о тонѣ проповѣдничества, слышатся съ церковной каѳедры такого рода выраженія: „нѣтъ у васъ, братіе, любви къ Богу и ближнему, немилосердни есте“ и т. д. Подобныя фразы выражаютъ безтактность проповѣдника. Гораздо приличнѣе въ подобныхъ случаяхъ говоритъ: „нѣтъ у насъ братіе любви къ ближнему“ и пр., т.-е. употреблять первое лицо множественнаго числа. Въ такомъ случаѣ проповѣдникъ и себя самого включаетъ въ разрядъ грѣшниковъ.

Всѣ эти постановленія Духовнаго регламента о тонѣ церковнаго проповѣдничества заключаютъ въ себѣ весьма прозрачный намекъ на проповѣди Стефана Яворскаго и другихъ представителей южно-русскаго схоластическаго направленія гомилетики. Въ доказательство этого достаточно припомнить извѣстную уже намъ знаменитую проповѣдь Стефана Яворскаго на день тезоименитства царевича Алексѣя, въ которой онъ такъ „властительски“ выступаетъ обличителемъ пороковъ самого царя. Не даромъ властительскій тонъ его проповѣдей былъ тогда же замѣченъ ему преобразователемъ, который получа указанную нами сейчасъ

проповѣдь мѣстоблюстителя патріаршества, сдѣлалъ на ней слѣдующее собственноручное замѣчаніе: „перво одному, потомъ съ свидѣтели“ [22]), замѣчаніе, которымъ царь далъ пылкому обличителю—проповѣднику понять, что онъ не соблюлъ самаго главнаго евангельскаго правила, повелѣвающаго сначала обличить наединѣ, потомъ со свидѣтелями, наконецъ уже въ церкви.

Еще рѣзче и замѣтнѣе выступаетъ составитель регламента обличителемъ схоластическаго направленія, до крайностей развитаго въ проповѣдяхъ нашихъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVIII в., когда излагаетъ въ Духовномъ регламентѣ постановленія относительно внѣшняго поведенія проповѣдника. Извѣстно, что схоластическая гомилетика изобрѣла чрезвычайное множество внѣшнихъ пріемовъ, троповъ и фигуръ, извѣстныхъ тѣлодвиженій, интонацій голоса и т. п. вещей, служащихъ „ко украшенію рѣчи“. Она старалась обставить извѣстными казенными предписаніями и правилами не только самое содержаніе и форму церковной проповѣди, но даже и самое внѣшнее поведеніе проповѣдника на церковной каѳедрѣ. Въ небольшомъ учебникѣ риторики Стефана Яворскаго, написанномъ имъ вѣроятно для употребленія въ московской академіи, который носитъ заглавіе: „Рука риторическая пятью частьми или пятью персты укрѣпленная“, въ третьей части, въ главѣ „о краснословіи“ перечисляются одиннадцать троповъ и пятьдесятъ одна фигура, которыми должна украшаться рѣчь. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующее весьма любопытное замѣчаніе объ аффектахъ; „аффекты или страсти ко украшенію слова весьма ключимствуютъ и безъ аффектовъ слово несладостно, яко увядшо и гнило содѣвается. Тѣмъ же аффекты суть яко душа слову или соль брашну, безъ которыхъ слово мертво и несладостно издается“ [23]). О поведеніи самого Стефана на церковной каѳедрѣ извѣстно, что онъ весьма любилъ украшать свои проповѣди фигурою недоумѣнія и въ произнесеніи ихъ вообще держался пріемовъ католической школы. „Что витійства касается, говоритъ о немъ авторъ извѣстнаго сочиненія „Молотокъ на камень вѣры“ [24]), правда, что онъ имѣлъ

---

[22]) Солов. XVI т. 354 стр.

[23]) Ритор. руки стр. 80, соч. Мороз. Ж. М. Н. Пр. мартъ.

[24]) Ж. М. Н. Пр. мартъ, стр. 18, іюнь, стр. 87.

удивительный даръ и едва подобные ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случилось видѣть въ церкви, что онъ могъ въ ученіи слушателей привесть плакать или смѣяться, къ чему движеніе его тѣла и рукъ, очей помаваніе и лицъ примѣненіе весьма помоществовало. Онъ, когда хотѣлъ, то часто *отъ ярости* забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ"... „Сей порядокъ, замѣчаетъ далѣе авторъ „Молотка" въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляемъ, ибо когда они своего суевѣрнаго предложенія изъ письма (вѣроятно Св. Писанія хочетъ сказать авторъ) доказать не могутъ, то тщатся логическими силлогизмы, т.-е. рѣчей подобіями утвердить, а истинное дѣло затемнить и утаить"... Вопреки такимъ пріемамъ внѣшняго поведенія проповѣдника на церковной каѳедрѣ, употребляемымъ южно-русскими проповѣдниками, регламентъ старается сдѣлать напоминаніе, что проповѣдникъ долженъ находиться въ благоговѣйномъ уваженіи къ отправленію своей высокой должности. Въ виду благоговѣнія къ проповѣданію слова Божія и самое внѣшнее поведеніе проповѣдника должно быть запечатлѣно тѣмъ же характеромъ. „Если проповѣдникъ замѣчаетъ, говоритъ регламентъ, что слова его не производятъ желаннаго впечатлѣнія на народъ, падаютъ на почву безплодную, при такомъ неуспѣхѣ не должно отчаяваться и прекращать проповѣдь слова Божія, а терпѣливо должно выносить холодность къ проповѣди сердецъ слушателей и продолжать свое дѣло, твердо памятуя, что обращеніе грѣшника на путь спасенія есть дѣло Божіей благодати. Когда же проповѣдникъ замѣчаетъ, что труды его приносятъ народу пользу, сообщая ему знаніе вѣры и нравственности, онъ не долженъ гордиться успѣхомъ и приписывать его необыкновенному своему дару слова. Вообще не слѣдуетъ ни прямо говорить, ни косвенно намекать слушателямъ о краснорѣчивомъ построеніи слова, дѣлать восклицанія и при этомъ поднимать указательный палецъ или брови. Такія тѣлодвиженія выражаютъ, будто бы проповѣдникъ удивляется собственному краснорѣчію. Необходимымъ тономъ проповѣдей должно быть поэтому смиреніе, выраженіе собственнаго недостоинства къ проповѣдыванію слова Божія. Во время произнесенія „слова" не прилично проповѣднику шататься изъ стороны въ сторону, всплескивать руками, упираться въ бока, прыгать, смѣяться и

даже рыдать. Еслибы въ порывѣ искренности онъ и почувствовалъ приливъ слезъ, то долженъ воздержаться отъ нихъ. По произнесеніи слова въ храмѣ, если проповѣднику случиться быть въ гостяхъ, онъ не долженъ заводить рѣчи о своей проповѣди и обязанъ отклонять всякій разговоръ на эту тему. Еслибы его даже стали спрашивать объ ней, ему не слѣдуетъ ни хвалить, ни осуждать ея: первымъ своимъ поступкомъ онъ высказалъ бы самохвальство, а порицаніемъ, съ одной стороны внушилъ бы къ проповѣдямъ неуваженіе слушателямъ, а съ другой—слушатели приняли бы самопорицаніе за вызовъ на похвалу. Еслибы даже кто изъ собесѣдниковъ искренно похвалилъ рѣчь, по чувству собственнаго достоинства и смиренія проповѣдникъ долженъ отклонить разговоръ на другую какую-нибудь тему. Таковы „полезныя регулы“, которыя счелъ нужнымъ напомнить составитель Духовнаго регламента проповѣдникамъ слова Божія. Всѣ эти наставленія Духовнаго регламента относительно проповѣдыванія слова Божія, начиная съ самаго внутренняго характера проповѣдей, точно опредѣленнаго регламентомъ и кончая внѣшнимъ поведеніемъ проповѣдника на церковной каѳедрѣ, были приняты церковною практикою и въ продолженіе весьма долгаго времени повторялись какъ въ старинныхъ курсахъ риторики, такъ и въ болѣе позднѣйшихъ учебныхъ руководствахъ по такъ-называемой гомилетикѣ.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію проекта устройства духовной школы по регламенту. Въ виду того, чтобы начертанные въ регламентѣ широкіе образовательные планы достигали дѣйствительной цѣли, уставъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на разъясненіи первоначальныхъ пріемовъ и метода преподаванія. Составитель регламента какъ бы желаетъ человѣка признаннаго достаточно приготовленнымъ къ чтенію академическихъ лекцій лично ввести на первый курсъ въ академическую аудиторію и наглядно показать здѣсь ему, что и какъ долженъ онъ дѣлать. Первый дебютъ новаго учителя въ академической аудиторіи предъ его слушателями долженъ открыться не иначе, какъ разъясненіемъ значенія или приложенія преподаваемой имъ науки. Цѣль такого разъясненія скрывается не въ интересахъ всего дальнѣйшаго курса науки, какъ это принято понимать преподавателями нашего времени, а въ томъ, чтобы каждый изъ уча-

щихся понялъ на первыхъ же порахъ прямую пользу, получаемую отъ той или другой науки, „чтобы ученики, какъ выражается регламентъ, заранѣе видѣли берегъ, къ которому плывутъ и лучшую бы охоту возъимѣли и познавали бы повседневную прибыль свою, такожъ и недостатки“. Въ дальнѣйшемъ разъясненіи пріемовъ или методовъ преподаванія въ духовныхъ школахъ регламентъ прежде всего косвеннымъ образомъ имѣетъ въ виду указаніе такихъ пріемовъ преподаванія, путемъ которыхъ можно было бы преслѣдовать достиженіе троякой цѣли: по возможности точнаго выполненія начертанной имъ широкой программы духовнаго образованія при соблюденіи самой строгой экономіи во времени и наконецъ, въ третьихъ, достиженія болѣе легкаго и успѣшнаго способа изученія нѣкоторыхъ предметовъ. Ясно сознавая съ одной стороны то, что въ указанной имъ широкой образовательной программѣ „всякое ученіе (кромѣ діалектики и грамматики) пространное есть, а съ другой, что въ школахъ сокращенно толковать надобѣ и главное только чести, потому что послѣ самъ долгимъ чтеніемъ и практикою совершится кто доброе руководство получитъ“, регламентъ находитъ возможнымъ примиреніе двухъ первыхъ повидимому несовмѣстныхъ между собою условій въ крайне оригинальномъ способѣ обученія тѣмъ академическаго курса предметамъ, которые въ виду спеціальнаго назначенія проектируемыхъ школъ должны занимать второстепенное значеніе. Къ такимъ предметамъ, какъ извѣстно, относятся въ программѣ академическихъ наукъ географія и исторія. Обученіе этимъ предметамъ должно быть, въ виду указанныхъ цѣлей, соединено съ обученіемъ грамматикѣ. „Могутъ нѣкоя ученія двое или трое вдругъ одного часа однимъ дѣломъ подаватися, наприм. уча грамматикѣ, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію“. Какъ же это? Можно велѣть ученикамъ переводить съ одного языка на другой по части географію или исторію. Такое на взглядъ настоящаго времени оригинальное и даже курьёзное соединенное преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ съ исторіей и географіей регламентомъ признается наоборотъ весьма полезнымъ въ видахъ наилучшаго изученія сухихъ классическихъ языковъ. Въ такомъ хитроумномъ пріемѣ преподаванія, по мысли регламента, должна выразиться самая разумная метода—соединеніе полезнаго преподаванія съ

пріятнымъ: „ибо ученицы великое ко ученію возъимѣютъ доброхотство, говоритъ регламентъ, когда не веселое языка ученіе толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено имъ будетъ и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ и еще почитай при берегѣ училищномъ не мало драгихъ товаровъ обрящутъ“. Въ примѣненіи къ преподаванію исторіи же имѣетъ мѣсто и тотъ пріемъ преподаванія, который рекомендуетъ регламентъ, какъ наилегчайшій и успѣшный способъ изученія этого предмета. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы изученіе географіи шло впередъ изученія исторіи: „понеже исторію честь безъ вѣдѣнія географскаго есть какъ бы съ завязанными глазами по улицѣ ходить“. Поэтому годъ назначенный на грамматику, раздѣляется на двѣ половины: въ первую половину должно учить съ грамматикой географію, во вторую—исторію. Впрочемъ въ первую половину года назначается и особенный день недѣли собственно на географію и именно на знакомство съ общею картою частей свѣта. Въ этотъ день учитель показываетъ „циркулы, планисферіи и универсальную ситуацію міра“. При помощи такихъ педагогическихъ пріемовъ новый уставъ духовной школы находитъ возможнымъ скорое и успѣшное выполненіе начертанныхъ имъ широкихъ образовательныхъ плановъ.

Для успѣшнаго обученія въ академіи и для точнаго исполненія начертанной программы, при ней состоятъ назначенныя отъ духовнаго коллегіума начальники—ректоръ и префектъ изъ лицъ, которыхъ ученіе и труды уже извѣстны. На этихъ начальствующихъ лицахъ лежитъ полная отвѣтственность за успѣшный ходъ педагогическаго дѣла въ академіи: „ежели не чинно пойдутъ ученія и не благопоспѣшно, то они сами суду подпадутъ въ духовномъ коллегіумѣ“. На ихъ обязанности лежитъ: наблюдать, чтобы ученіе въ академіи шло надлежащимъ порядкомъ. Въ видахъ достиженія этой цѣли они обязываются смотрѣть, не манкируютъ ли учителя своими занятіями въ академіи и дѣйствительно ли учатъ въ томъ порядкѣ, какой имъ предписанъ. Для знакомства съ точнымъ соблюденіемъ системы обученія ректоръ и префектъ въ теченіе каждой недѣли обязаны посѣтить два класса. Во время посѣщенія, если они застанутъ въ классѣ учителя, обязаны промедлить хотя полчаса и послушать, хорошо ли преподаетъ наставникъ. Для узнанія успѣховъ они должны предла-

гать ученикамъ вопросы объ объемѣ пройденнаго. Какъ высшее административное лицо школы, ректоръ доноситъ духовному коллегіуму объ учителяхъ, не подчиняющихся академическому уставу; по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла виновный или оставляется при академіи или подвергается наказанію. Наконецъ въ тѣхъ же видахъ строгаго наблюденія за ходомъ педагогическаго дѣла въ академіи регламентъ проектируетъ внести сюда повсюду распространенный духъ фискальства. „Можно и фискаловъ опредѣлить, говоритъ регламентъ, которые бы надсматривали все ли въ академіи порядочно". Соображая всѣ изложенныя нами регламентскія постановленія относительно внутренняго устройства высшаго учебнаго заведенія—академіи находимъ, что взятая на себя Ѳеофаномъ весьма трудная какъ по существу своему, такъ и по новости, задача выполнена имъ болѣе чѣмъ удовлетворительно. Отвѣчая на запросы своего времени, онъ стремится выработать проектъ устройства школы профессіональнаго характера, хотя при этомъ вовсе не теряетъ изъ виду возможности соединенія общаго образованія съ профессіональной педагогической проблемой, слабые проблески разрѣшенія которой, указанные въ регламентѣ, могутъ быть выставлены въ качествѣ поучительнаго образца для педагоговъ нашего времени. За разсужденіемъ о внутреннемъ устройствѣ духовной школы, о постановкѣ въ ней учебнаго дѣла, Духовный регламентъ старается опредѣлить подробно планъ и внѣшняго ея устройства. Какъ по внутреннему своему характеру проектируемая школа носитъ на себѣ печать главнымъ образомъ спеціальнаго учебнаго заведенія, точно такою же является она въ уставѣ и по своему внѣшнему строю. Въ этомъ прежде всего не оставляетъ никакого сомнѣнія самый составъ учениковъ проектируемой школы, относительно котораго регламентъ даетъ „сіе разсужденіе". „Должни вси протопопы и богатніи и иніи священницы дѣтей своихъ присылать въ академіи. Мощно тоежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людемъ: а о дворянѣхъ какъ собственная воля будетъ царскаго величества". Итакъ, дѣти духовенства, по этому разсужденію, необходимо должны учиться только въ этихъ школахъ. Слабо выраженная въ послѣднихъ словахъ указаннаго пункта регламента надежда на то, что та же профессія привлечетъ и лицъ изъ другихъ классовъ въ дѣйствительности имѣла за себя еще болѣе

слабое основаніе. Само собою очевидно, насколько основательна была эта надежда, если каждый классъ общества точно такъ же, какъ и духовный, будетъ требовать отъ своихъ сочленовъ непремѣннаго пріобрѣтенія образованія по своей профессіи. А такъ и было въ дѣйствительности [24]). Чтобы сдѣлать для дѣтей собственно духовенства обязательнымъ обученіе въ проектируемыхъ школахъ, новый уставъ старается по возможности облегчить для нихъ доступъ къ поступленію въ эти школы. Дѣти духовенства могутъ поступить сюда и учиться здѣсь до полнаго окончанія курса безъ всякихъ препятствій. Пріемный академическій экзаменъ состоитъ только въ томъ, чтобы „отвѣдать память и остроуміе" и только въ томъ случаѣ новопоступающій лишался права на поступленіе въ академію, если онъ оказывался „весьма глупымъ" по своимъ способностямъ. Но составитель устава хорошо понималъ, что и при всей легкости поступленія въ академію едва ли найдется много добровольныхъ охотниковъ получать здѣсь образованіе. Напротивъ онъ видѣлъ, что даже и отъ оффиціальнаго строгаго предписанія закона объ обязательномъ образованіи бывали весьма частые случаи уклоненія. Вотъ почему сказавши, что тупоумные по способностямъ ученики не могутъ быть принимаемы въ академію, онъ сейчасъ же дѣлаетъ оговорку; „а чтобы кто-нибудь изъ новопоступающихъ студентовъ намѣренно не претворялъ себѣ тупости, желая отпуску за малоспособностію въ родительскій домъ, какъ то другіе претворяютъ тѣлесную немощь отъ солдатства, искушенію ума его цѣлый годъ положить". Въ способахъ и средствахъ этого искушенія ума опытный педагогъ, по замѣчанію регламента, не станетъ долго задумываться. „Онъ можетъ промыслить способы искушенія таковые яковыхъ тотъ (ученикъ) познать и ухитрить не дознается". Годичный срокъ искушенія ума рѣшаетъ участь новопоступающаго: онъ или останется въ числѣ студентовъ академіи или отсылается обратно, какъ малоспособный. Впрочемъ не одни только „весьма тупые и неостроумные студенты подлежатъ исключенію изъ академіи. „Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, говоритъ регламентъ, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ непокоривъ и буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жесто-

---

[24]) Влад. Будановъ.

кими наказаніи одолѣть ему невозможно, хотя и остроумнѣе иного будетъ, выслать изъ академіи, чтобы бѣшеному меча не дать". Чтобы привлечь въ академію молодое поколѣніе уставъ обѣщаетъ окончившимъ въ ней курсъ важнѣйшее право при поступленіи на должности какъ духовныя, такъ и гражданскія. Они получаютъ преимущественно первенство предъ неучеными. Спеціальный характеръ проектируемой школы весьма ясно обнаруживается и изъ всего дальнѣйшаго внѣшняго строя школы съ тщательною подробностію очерченнаго на страницахъ регламента. Въ основаніи этого строя несомнѣнно легла та мысль, что для воспитанія новаго поколѣнія пастырей въ духѣ реформы нужно совершенно оторвать воспитанника отъ грубаго общества. По плану регламента имѣется въ виду устроить закрытое учебное заведеніе, почти такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Кіевѣ и въ Москвѣ. Мотивы, обусловливавшіе эту форму учебныхъ заведеній въ Великороссіи, понятны и безъ допущенія мысли о томъ, что проектъ новыхъ духовныхъ школъ вышелъ изъ подъ пера ректора кіевской академіи и ученика іезуитской коллегіи. То была давняя традиціонная форма, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; пересадить эту форму на почву Великороссіи въ данное время было необходимо, потому что по новости здѣсь образовательнаго дѣла, считалось весьма важнымъ сдѣлать обученіе въ школѣ обязательнымъ, такъ какъ иначе никто не захотѣлъ бы посылать въ школы своихъ дѣтей. Руководствуясь такими соображеніями составитель устава новой духовной школы проектируетъ выбрать самое мѣсто для ея постройки хотя и „веселое", но въ то же время не въ городѣ, а въ сторонѣ отъ него и въ возможной дали отъ народнаго шума, куда даже не бываетъ частыхъ оказій, „которыя обычно мѣшаютъ ученію и находитъ на очи (развлекаетъ), похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіемъ не попускаетъ". Поступившій въ построенную на такомъ „веселомъ" мѣстѣ школу студентъ долженъ былъ дать письменное обязательство предъ академическимъ начальствомъ въ томъ, что онъ „до конца ученій пребудетъ въ академіи безвыходно". Жестокое „наказаніе" грозитъ тому „преступнику", будетъ ли это ректоръ или префектъ академіи, или кто другой, который рѣшился бы отпустить безъ вѣдома духовной коллегіи студента академіи изъ стѣнъ заведенія даже и на самое короткое время.

Такимъ же духомъ полной изолированности отъ окружающаго міра проникнуты и регламентскія постановленія относительно учрежденія при академіи семинаріумовъ. „Такихъ семинаріумовъ, говоритъ регламентъ, въ иноземныхъ странахъ довольно вымышлено есть". Устройство семинаріума полезно и необходимо привести въ исполненіе даже раньше учрежденія самой академіи, ибо семинаріумы имѣютъ цѣлію воспитывать и приготовлять учениковъ къ успѣшному изученію академическаго курса. Итакъ въ учебномъ отношеніи семинаріумъ не есть самостоятельное заведеніе. Это есть нѣчто въ родѣ общей квартиры для семинаристовъ, похожее на пансіоны при нынѣшнихъ гимназіяхъ. Въ зданіи семинаріума нѣтъ классныхъ комнатъ, сюда не ходятъ учителя, и то и другое находится только въ академіи. Правила или, по выраженію регламента, регулы относительно учителей и ученія семинарскихъ тѣ же, какія установлены и для академіи. По смыслу регламента, когда въ семинаріумѣ будутъ открыты школы, т.-е. самостоятельные классы, тогда они будутъ называться академіями. Проектъ устройства семинаріумовъ, какъ воспитательныхъ заведеній, составленъ вполнѣ въ духѣ тогдашнихъ педагогическихъ правилъ, не придававшихъ почти никакого значенія такъ-называемому домашнему воспитанію и свято вѣровавшихъ въ воспитательную силу закрытыхъ училищъ, въ которыхъ питомецъ „аще и тигръ нравомъ будетъ, агнчую восприиметъ кротость нося... аще самолюбіемъ или гордостію, или напыщеніемъ, или высокимъ о себѣ мнѣніемъ, или иною какою безмѣрною страстію поврежденъ есть, въ толицѣмъ собраніи (т.-е. въ закрытомъ общежитейномъ учебномъ заведеніи) не трудно обрящетъ врачество болѣзнемъ симъ; смирится бо, тишайшій будетъ и не велико о себѣ мудрствовати начнетъ" [25]). Для выполненія этого мудраго педагогическаго правила тогдашняго времени въ приложеніи его къ воспитанію будущихъ пастырей, составитель устава новыхъ воспитательно-учебныхъ заведеній проектируетъ построить домъ образомъ монастыря вмѣстимостію человѣкъ на 50 или 70. Это зародышъ тѣхъ пресловутыхъ бурсъ, которыя томили семинаристовъ въ прошломъ и въ

---

[25]) Ѳѳики іерополитика, составленная въ 712 г. въ Кіевѣ къ наставленію о пользѣ юныхъ и издаваемая потомъ два раза въ Петербургѣ въ 718—21 гг.

началѣ нынѣшняго столѣтія. До самаго позднѣйшаго нашего времени среди зданій многихъ духовныхъ семинарій Россіи живо уцѣлѣлъ этотъ характерный монастыреобразный типъ постройки семинарскаго зданія, кажется, послѣдній уже въ наше время дѣйствительный свидѣтель прошлой исторіи семинарской жизни. Въ эту монастыреобразную школу дѣтей велѣно принимать на воспитаніе отъ 10—15 лл., т.-е. въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда изъ ребенка большею частію можно сдѣлать все, что угодно, „а свыше того развѣ за прошеніемъ честныхъ лицъ свидѣтельствующихъ, что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страхѣ“. Принятыя на воспитаніе въ семинарію дѣти должны жить здѣсь по 8 или 9 человѣкъ въ комнатѣ, притомъ такъ, что самыя младшія должны жить въ одной комнатѣ, средняго возраста въ другой и старшаго въ третьей. Здѣсь въ общей комнатѣ всякому ученику должно быть отведено свое особое мѣсто „при стѣнѣ вмѣсто собственной конторы гдѣ его стоитъ кроватка складная, (чтобы въ день логовища знать не было настрого, замѣчаетъ мимоходомъ составитель Устава), такожъ шкафа на книжки и иныя вещицы и стуликъ для сѣденія“. За пользованіе такими удобствами общежитія, за казенный столъ и одежду семинаристы болѣе богатые платятъ однажды опредѣленную сумму, бѣдные же воспитываются на казенный счетъ. Впрочемъ, не всѣ семинаристы необходимо обязывались жить въ зданіи семинаріума; не желавшіе вступать въ семинарское общежитіе имѣли право жить внѣ стѣнъ семинаріума и посѣщать классы. Въ видахъ удобства для такихъ учениковъ составитель Устава думаетъ построить вблизи семинаріума нѣсколько избъ съ спеціальнымъ назначеніемъ отдавать ихъ въ наймы семинаристамъ, не желающимъ жить въ семинаріумѣ.—Съ самаго момента поступленія въ семинарское общежитіе ребенокъ надолго разрываетъ всѣ свои связи съ обществомъ и родной семьей и почти безвыходно запирается въ мрачныхъ стѣнахъ бурсы. Его не велѣно было выпускать изъ этихъ стѣнъ до тѣхъ поръ, „пока онъ не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія“. Не раньше какъ по прошествіи трехгодичнаго срока времени дозволяется питомцу посѣтить родственниковъ не болѣе, какъ дважды въ годъ. Но отлучка изъ семинаріи должна продолжаться не дольше недѣли; и въ этомъ случаѣ за нимъ зорко слѣдитъ

глазъ неотлучнаго отъ него префекта или инспектора, который, по возвращеніи школьника въ бурсу, подаетъ ректору „репортъ" относительно его поведенія во время визитаціи имъ родственниковъ. Но недостаточно кажется ревностному о своихъ питомцахъ педагогу и зоркаго надсмотра за питомцемъ во время его отлучки изъ семинаріи со стороны префекта: несмотря на то, что онъ грозитъ, еслибы „тотъ приданный инспекторъ, понорови питомцу, утаилъ о немъ нѣчто худое, таковаго плута бить гораздо",—мудрый творецъ не менѣе премудрыхъ педагогическихъ правилъ совѣтуетъ по возвращеніи семинариста въ бурсу испытывать его еще особыми какими-нибудь способами въ томъ, „не явилось ли въ немъ нѣкоей прежнихъ нравовъ охоты". Какъ бы смягчая нѣсколько эту суровую строгость своихъ правилъ относительно отлучки семинаристовъ изъ стѣнъ заведенія, составитель воспитательнаго проекта является въ этомъ проектѣ, повидимому, болѣе снисходительнымъ къ посѣщенію семинаристовъ родственниками въ стѣнахъ семинарскихъ. Впрочемъ, и въ этомъ снисхожденіи проглядываетъ, кажется, больше желаніе представить въ глазахъ родственниковъ, по возможности, въ привлекательномъ свѣтѣ разобщенную со всѣмъ остальнымъ міромъ школьную жизнь семинаристовъ. Въ случаѣ посѣщенія семинариста родственниками ихъ велѣно принимать въ какой-нибудь болѣе видной и удобной комнатѣ семинарскаго зданія—„въ столовой, или въ иной общей избѣ, или наконецъ въ саду семинарскомъ и „мѣрно кушаніемъ и питіемъ потрактовать ихъ можно", хотя семинаристъ — родичъ разговаривать съ ними имѣетъ право не иначе, какъ въ присутствіи кого-нибудь изъ начальствующихъ лицъ заведенія. Всѣ эти тяжелыя и внушительныя сами по себѣ внѣшнія условія, которыми была обставлена жизнь въ семинарскомъ общежитіи, осложнялись еще не менѣе тяжелымъ внутреннимъ распорядкомъ жизни и занятій семинаристовъ. Вся жизнь семинаристовъ распредѣлена была по часамъ. Особые часы въ сутки проектируется назначить для спанья, молитвы, трапезы, гулянья и проч.,—„и вси бы оные часы колокольцемъ означать, сказано въ Уставѣ, и вси бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принимались за дѣло, какое на часъ уреченный назначено". Эта военная дисциплина наблюдалась такъ строго,

что даже прогулки въ свободное время получили оффиціальный и обязательный характеръ". На всякъ день два часа опредѣлить на гулянье семинаристамъ, а именно по обѣдѣ и по вечери и тогда будетъ невольно никому учитися и ниже книжки въ рукахъ имѣть". Такъ составитель воспитательнаго Устава думаетъ самыми точными правилами опредѣлить жизнь семинаристовъ-воспитанниковъ. Помимо этихъ точныхъ правилъ, съ которыми долженъ быть соразмѣряемъ каждый шагъ, такъ-сказать, воспитанниковъ, средствами для возбужденія въ нихъ смиренія и тихости опредѣляется въ Уставѣ строгій надзоръ за ихъ поведеніемъ. Въ каждой комнатѣ семинарскаго общежитія должно быть по префекту или по инспектору, которымъ можетъ быть и неученый человѣкъ—„только бы не вельми свирѣпый и не меланхоликъ", лѣтами отъ 30 до 50. На его обязанности лежитъ предупреждать ссоры и драки между семинаристами, воспрещать сквернословія и другія безобразія, наблюдать, чтобы никто изъ семинаристовъ не выходилъ изъ комнаты, онъ необходимо долженъ требовать объясненія причинъ отлучки. Помимо надсмотрщиковъ въ семинаріумѣ должно быть не менѣе трехъ человѣкъ и изъ ученыхъ: одинъ былъ ректоромъ, управителемъ всего семинаріума, а остальные два экзаменаторами, „сіесть розыщики ученія, поясняетъ регламентъ, какъ кто учится лѣниво или прилежно". Ректоръ олицетворяетъ въ себѣ верховную власть надъ семинаристами: онъ можетъ дѣлать имъ за проступки или лѣность въ ученіи выговоры, наказывать розгами; исключать же изъ семинаріума можетъ не иначе, какъ съ вѣдома Духовной коллегіи. Власть экзаменаторовъ нѣсколько ограниченнѣе: учениковъ младшаго возраста префекты за дурное поведеніе, а экзаменаторы за лѣность въ ученьи имѣютъ право сѣчь розгами, на воспитанниковъ же средняго и старшаго возрастовъ они дѣйствуютъ укорительными словами, а о неисправимыхъ доносятъ ректору.

Пересматривая всѣ изложенныя нами регламентскія постановленія относительно устройства учебно-воспитательныхъ заведеній для духовенства, обращая вниманіе на эти способы насильственнаго задержанія учениковъ, караула, чтобы они не ушли изъ школы, на эту замкнутость жизни учениковъ въ стѣнахъ семинаріума и господство здѣсь жестокихъ наказаній, невольно приходишь къ мысли о томъ, какъ однообразна и скучна должна

была быть описанная въ регламентѣ жизнь семинаристовъ въ этихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, или, лучше сказать, казематахъ. Составитель регламента и самъ ясно сознаетъ этотъ недостатокъ своего педагогическаго проекта. „Такое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное, пишетъ онъ въ заключеніи къ этому проекту, и заключенію плѣнническому подобное". Но онъ вѣритъ, что „кто обыкаетъ такъ жить хоть одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ". Для уврачеванія же скуки заключенныхъ въ стѣны бурсы учениковъ онъ предлагаетъ „угодныя регулы". Такъ, для разогнанія неизбѣжной при такой обстановкѣ жизни тоски семинаристамъ позволена регулярная прогулка и игры съ полезнымъ наставленіемъ,—„таковое, напримѣръ, есть водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и проч. Въ виду той же цѣли—поразвлечься отъ скуки,—можно одинъ или два раза въ мѣсяцъ, въ лѣтнее время, съѣздить на острова, въ поля и на загородныя государевы дачи. Къ числу развлеченій, отличающихся характеромъ полезности и служащихъ къ утѣшенію и уврачеванію скуки семинаристовъ относится также чтеніе при трапезѣ „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ", которыхъ „слышаніе и сладко есть и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ такожде" гласъ музикійскихъ инструментовъ, нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторическія экзерциціи". Всѣ эти развлеченія семинаристовъ, кромѣ того, что дѣлаютъ, по выраженію регламента, „перемѣжку" въ обычныхъ занятіяхъ семинаристовъ, имѣютъ еще и воспитательное значеніе, потому что они „зѣло полезны къ наставленію и къ резолюціи сіесть честной смѣлости, каковыя потребуетъ проповѣдь слова Божія". Изложенный въ Духовномъ регламентѣ проектъ устройства новыхъ духовныхъ школъ заканчивается постановленіями, касающимися правъ окончившихъ курсъ въ семинаріумѣ. Здѣсь прежде всего ясно высказывается мысль о назначеніи этихъ духовныхъ школъ въ пользу собственно церковной службы. Выраженіе этой мысли мы находимъ въ томъ, что при поступленіи семинаристовъ по окончаніи курса на службу по духовному вѣдомству имъ дается, по мысли регламента, предпочтеніе предъ неучеными, или же хотя и равными съ ними по образованію, но не въ семинаріумѣ воспитанными. „А которые семинаристы,

говоритъ регламентъ, по совершеніи ученія угоднѣйшіе покажутся къ дѣлу духовному и они будутъ у епископовъ ближайшіе ко всякимъ степенамъ властительнымъ паче прочихъ, хотя бы и равно онымъ искусныхъ, но не въ семинаріумѣ воспитанныхъ". Но несмотря на эту ясно выраженную мысль, самъ же регламентъ постоянно сбивается въ своихъ правилахъ относительно ихъ практической пользы на другую противоположную точку зрѣнія и выражается явное намѣреніе правительства привлекать духовныхъ воспитанниковъ и на разные роды свѣтской службы. Такъ, по достиженіи семинаристами совершеннолѣтія, они присягаютъ въ вѣрности Государю Императору и „готовности къ службѣ до которой угоденъ есть и позванъ будетъ указомъ Государевымъ". Объ окончившихъ курсъ ректоръ доводитъ до свѣдѣнія коллегіума, который и представляетъ ихъ Его Величеству. Затѣмъ имъ дается отпускъ, увольненіе изъ семинаріума съ обозначеніемъ ихъ успѣхокъ—„абшитъ со свидѣтельствомъ искусства ихъ", какъ говоритъ регламентъ.

ГЛАВА V.

Заботы Петра Великаго относительно образованія монашествующаго духовенства.

Во второй части прибавленія къ Духовному регламенту излагаются постановленія касательно другаго класса духовнаго сословія—духовенства монашествующаго. Въ большинствѣ случаевъ законодательство преобразователя относительно монашествующаго духовенства стремилось развивать тѣ же самые принципы, на основаніи которыхъ оно заботилось перестроить и социальную жизнь бѣлаго духовенства. Какъ тамъ, такъ и здѣсь принципы эти мало заключали въ основѣ своей новаго — такого, что такъ или иначе не было бы высказано предшествовавшимъ законодательствомъ XVII вѣка. Новое законодательство относительно монашества во многихъ случаяхъ, цѣпляясь за мысли стараго, пыталось только развить эти мысли съ большею послѣдовательностію и рѣзкостію. И дѣйствительно едва ли въ какой-либо другой области Петровскаго законодательства проведены съ такою неумолимо послѣдовательною логикою основные его взгляды, какъ это мы видимъ въ законодательствѣ Петра относительно монашества. Здѣсь, въ законахъ Петра относительно монашества все проникнуто однимъ духомъ: несмотря на крупную энергію и поспѣшность, съ какою Петръ подъ вліяніемъ первыхъ же впечатлѣній выдавалъ распоряженіе за распоряженіемъ, въ этихъ распоряженіяхъ нѣтъ взаимнаго противорѣчія до мельчайшихъ подробностей. Требованія времени, громадная перестройка всей

Россіи, сопровождавшаяся непомѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ народа, чисто хозяйственный взглядъ правительства на подданныхъ, требовавшій непремѣннаго участія всѣхъ въ государственномъ дѣлѣ, строго наблюдавшій, чтобы никто не уклонялся отъ государственной службы, никто „въ избылыхъ не былъ", стали теперь въ прямое противорѣчіе съ идеею монастырскаго отреченія отъ міра, заставляли правительство навсегда отрѣшиться отъ идеализаціи монастырской жизни, столь нерѣдко свойственной допетровскому законодательству. Эта идеализація монашества смѣняется въ законахъ Петра положительнымъ, сухопрактическимъ взглядомъ на монастырь и монашество. Духъ времени, искавшій видѣть въ каждомъ явленіи общественной жизни одно лишь полезное, обращался съ предъявленіемъ такихъ же требованій общественной пользы и къ монашеству, оставляя въ сторонѣ первичныя истинно-христіанскія цѣли этого института. Внутреннее благочестіе, которымъ такъ любило возвышать себя монашество предъ общественнымъ мнѣніемъ, было извѣстно конечно только одному Богу, а непригодность монаховъ для современной жизни была замѣтна и людямъ, въ особенности же тому, кто „самъ на тронѣ вѣчный былъ работникъ". „Нынѣшнее житіе монаховъ, читаемъ въ знаменитомъ указѣ Петра отъ 31 января 24-го года, точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ..., понеже большая часть (монаховъ) тунеядцы суть..., такожъ у насъ почитай всѣ (монахи) изъ поселянъ, то что оные оставили, явно есть не точію не отреклись, но и приреклись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, т.-е. дому своему, государству и помѣщику; а въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилежатъ же ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ молятся, то и всѣ молятся и сію оговорку отвергаетъ Василій святый. *Что же прибыль обществу отъ сего?* воистину только старая пословица: ни Богу ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности дабы даромъ хлѣбъ ѣсть" [26]). Этотъ отрывокъ изъ указа Петра о монашествѣ

---

[26]) П. С. З. т. VII, № 4450.

всего выразительнѣе уясняетъ намъ взглядъ преобразователя на монашество. Съ другой стороны участіе монашествующаго духовенства въ стрѣлецкихъ бунтахъ и другихъ народныхъ волненіяхъ этого времени, множество подметныхъ писемъ, разсылавшихся изъ монастырей, появленіе проповѣдниковъ и прорицателей въ черныхъ рясахъ, которые или тайкомъ или всенародно на базарныхъ площадяхъ раздавали народу свои „тетрадки" и провозглашали царя „антихристомъ" все это только еще болѣе укореняло и поддерживало сейчасъ указанный нами взглядъ Петра на монашество. Взглядъ этотъ весьма ясно обнаружился уже въ самомъ началѣ преобразовательной дѣятельности царя. „Странныя сцены, говоритъ Самаринъ [27]), встрѣтили Петра у колыбели и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши называвшихъ себя защитниками православія и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черныя рясы, доходили до него страшныя, зажигательныя проповѣди и онъ исполнился непріязненнаго чувства къ монашеству". Несчастныя обстоятельства послѣдующаго времени, упорная борьба съ приверженцами старины судъ надъ супругой, судъ надъ сыномъ царевичемъ Алексѣемъ, еще болѣе развили въ Петрѣ непріязненное чувство къ монастырямъ. Обстоятельства эти нерѣдко обнаруживали сколь враждебная государственному порядку сила скрывалась въ стѣнахъ монастырей, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Самаринъ [28]), „не было такого заговора противъ намѣреній Петра, котораго тайныя сокровенныя нити не скрывались бы въ какомъ-нибудь монастырѣ". Подъ впечатлѣніемъ этихъ обстоятельствъ преобразователь сталъ видѣть въ монахахъ людей праздныхъ, отъ которыхъ являются на свѣтъ только „забобоны, ереси и суевѣрія". Такъ съ одной стороны считая монастырь учрежденіемъ практически малопригоднымъ для современной жизни, а съ другой—главнымъ очагомъ противугосударственнаго стремленія, Петръ долгое время недоумѣвалъ: какое мѣсто отвести ему въ государствѣ и не лучше ли отмѣнить его совершенно... Но этого онъ не могъ и потому

---

[27]) **Сочин. Самар. V т., стр. 244.**
[28]) **Ibid.**

онъ терпѣлъ монашество, хотя очень рано сталъ заботиться о томъ, чтобы путемъ строгихъ, репрессивныхъ мѣръ ограничить и стѣснить его во всѣхъ отношеніяхъ. Еще въ 1701 году въ указѣ о выдачѣ монахамъ одинаковаго жалованья Петръ писалъ: „древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали. Нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаша отъ трудовъ своихъ, но сами чужды труды поядоша и начальные монахи во многія роскоши впадоша и подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша; и вотчинъ же ради свары и смертныя убійства и неправыя обиды многи твориша“ [29]). Сообразно съ своими взглядами на монастырь преобразователь прежде всего начинаетъ заботиться о томъ, чтобы сократить по возможности число этихъ непроизводительныхъ по его мысли потребителей: а) уменьшеніемъ самаго числа монастырей; б) установленіемъ тяжелыхъ условій для принятія въ монашество, введеніемъ строгихъ правилъ монашескаго житія—умѣрить число желающихъ поступить въ монастырь и наконецъ в) вопреки основному характеру монашества—дать ему практическое направленіе, извлечь изъ него какую-нибудь пользу. Стремясь къ достиженію послѣдней цѣли, преобразователь, казалось, охотно обратилъ бы всѣ монастыри въ фабрики, училища, лазареты и т. п. общеполезныя государственныя учрежденія. Въ исторіи монашества XVII в. вниманіе изслѣдователя невольно останавливается на весьма значительномъ явленіи, именно на чрезвычайно широкомъ развитіи въ тогдашнемъ обществѣ стремленія къ иноческой жизни. Насколько это стремленіе было общимъ явленіемъ въ XVII в. видно изъ того лучше всего, что въ XVII стол. только вновь возникло до двухъ сотъ двадцати монастырей и пустыней [30]). При патріархѣ Никонѣ въ XVII ст. было 3,000 монастырей (см. Ч. О. Л. И. Д. Р. 1881 г. кн. 3, стр. 65). Въ это время въ Великороссіи было около 500 монастырей, у которыхъ были богатыя вотчины (Зап. р. и слав. археол. 1861, т. II, стр. 401—422). Конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, что изъ означеннаго приблизительнаго числа монастырей большая часть

---

[29]) П. С. З. т. IV, 1886 №.

[30]) Щаповъ, Раск. старообр.. стр. 207.

состояла изъ маленькихъ монастырьковъ, имѣвшихъ шесть или семь человѣкъ братіи, а иногда даже и меньше [31]). Не входя здѣсь въ подробное изображеніе причинъ, которыми объясняется въ такой или иной мѣрѣ сильная страсть нашихъ предковъ къ монашеству въ указанный періодъ времени, мы замѣтимъ только, что одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ членовъ различныхъ классовъ тогдашняго общества удаляться изъ міра въ монастырь, скрывалось, по нашему мнѣнію, въ политико-экономическомъ устройствѣ и состояніи тогдашняго общества. Въ указываемое время многихъ привлекали монастырскія стѣны не потому только, что въ нихъ можно было найти тихое пристанище отъ мірской суеты, но и потому, что онѣ представляли надежную защиту отъ политическихъ и административныхъ преслѣдованій и угнетеній. При томъ „нестроеніи" какое представляла тогдашняя Русь въ политическомъ, административномъ и экономическомъ отношеніяхъ, монастырь естественно долженъ былъ привлекать очень многихъ своею тишиною защитой отъ бѣдствій и преслѣдованій, также и матеріальной обезпеченностію. Монастырь въ особенности сталъ получать обаятельное значеніе въ глазахъ каждаго древне-русскаго человѣка съ тѣхъ поръ, какъ Уложеніе царя Алексѣя начало прикрѣплять къ землѣ разрозненныя русскія общины, обязывать ихъ неизбѣжною службою государству, съ тѣхъ поръ какъ крѣпостное право стало тяготѣть надъ крестьянствомъ безъ прежней свободы перехода. Монастырь становился теперь самымъ удобнымъ мѣстомъ, куда безопасно можно было укрыться всякому, желавшему „избыть тягло государево". Но каковы бы ни были причины быстраго увеличенія числа монастырей и монашествующихъ въ XVII в., только уже тогдашнее правительство ясно замѣчало это увеличеніе, доходившее до злоупотребленій. Соборъ 1667 года жаловался на то, что въ его время „умножися (въ монастыряхъ) бѣглыхъ изъ рабства и изъ христіанства (крестьянства), которые постригались не душевнаго ради спасенія, но нехотя въ рабѣхъ и христіане (крестьяне) въ христіанствѣ быти" [32]) Соборы 667 и 681 годовъ издали нѣсколько постановленій въ

---

[31]) Исторія р. церкви, Филарета, ч. III, стр. 164.

[32]) П. С. З. т. III, № 1627.

видахъ препятствовать распространенію зла. Первый ограничилъ свободу постриженія въ монашество, второй велѣлъ сводить малые монастыри въ одинъ, обращать ихъ въ приходскія церкви и стѣснилъ возможность самовольнаго построенія новыхъ скитовъ и пустынь. Это стремленіе уменьшить количество монастырей и монаховъ, высказанное правительствомъ XVII в., раньше всѣхъ другихъ стало предметомъ законодательныхъ распоряженій преобразователя относительно чернаго духовенства. Еще въ девяностыхъ годахъ XVII ст. мы видимъ въ его царствованіе нѣсколько частныхъ распоряженій не строить новыхъ монастырий безъ дозволенія государя, причемъ обыкновенно говорится что и старыхъ монастырей вполнѣ довольно для спасенія желающихъ. Въ 701 г. монастырскому приказу первымъ дѣломъ по его учрежденіи поручено было переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе. На основаніи этой переписи предполагалось составить подробный штатъ всѣхъ монастырей. Эти переписи монастырей, неоднократно повторявшіяся и потомъ до двадцатыхъ годовъ XVII стол., привели наконецъ къ тому, что съ изданіемъ Духовнаго регламента и учрежденіемъ Синода совершенно запрещено было строить вновь какъ мужскіе, такъ и женскіе монастыри и въ особенности монастыри скитскіе безъ вѣдома Синода. Авторъ Духовнаго регламента Ѳеофанъ Прокоповичъ вполнѣ раздѣлялъ государственно-утилитарный взглядъ Петра на монашество. Мы не беремся рѣшать насколько справедливо замѣчаніе Самарина [33]) будто взглядъ Ѳеофана на монашество находится въ тѣсной связи съ его ученіемъ объ оправданіи человѣка грѣшника ради единыхъ Христовыхъ заслугъ туне, т. е. даромъ, не вслѣдствіе какихъ либо заслугъ предъ Богомъ со стороны даннаго лица, а единственно вслѣдствіе безграничной благости Божіей, но во всякомъ случаѣ единомысліе Прокоповича съ Петромъ по вопросу о монашествѣ есть несомнѣнный фактъ явственно выраженный во многихъ сочиненіяхъ Ѳеофана [34]).

---

[33]) Соч. Самар. т. V, 318—319 стр.

[34]) Взглядъ Ѳеофана Прокоповича на монашество болѣе рѣзко и опредѣленно выраженъ въ нѣкоторыхъ его проповѣдяхъ и особенно въ „объявленіи когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ и како нынѣшнихъ исправить, хотя по нѣскольку древнихъ монаховъ подобію надлежитъ“. Это „объявленіе“ напечатано въ сочиненіи Чистовича „Ѳ. Пр. и его время“, стр, 709—718.

Раздѣляя по тѣмъ или другимъ основаніямъ взглядъ Петра на монашество, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Духовномъ регламентѣ старается подыскать основаніе подсказанной ему раньше распоряженіями преобразователя мысли о уменьшеніи количества монастырей. Такъ запрещая окончательно постройку новыхъ монастырей безъ предварительнаго синодальнаго разрѣшенія, Ѳеофанъ совѣтуетъ и наличные монастыри, особенно которые имѣютъ мало братіи (а такихъ какъ извѣстно было большинство въ тогдашней Россіи), соединить въ одну обитель, потому что тогда съ одной стороны соблюденіе благолѣпія церковнаго будетъ легче, ибо нѣтъ никакого спора, что тридцати человѣкамъ легче отправлять службу ежедневно, чѣмъ троимъ, а съ другой стороны и внѣшнее благолѣпіе монастырей легче поддерживать („всякое монастырское благообразіе"), ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что легче обновлять одну церковь, чѣмъ двѣ. Оставшіяся отъ упраздненныхъ монастырей церкви переименовать въ приходскія: изъ земель тѣхъ монастырей нарѣзать священникамъ оныхъ приходовъ достаточные для пропитанія причтовъ участки. Остатки же той земли приписать къ тѣмъ монастырямъ, куда будетъ переведена братія упраздненнаго монастыря. По соединеніи всѣхъ вотчинныхъ монастырскихъ земель, конечно и братія будетъ имѣть больше достатка и изобилія во всемъ. Такими соображеніями мотивируетъ Духовный регламентъ свое желаніе относительно уменьшенія количества монастырей. Болѣе любопытные мотивы выставляетъ регламентъ въ основаніи приводимаго имъ запрещенія постройки монастырей скитскихъ. Въ XVII в. широкое развитіе частной собственности въ монастыряхъ, послужившп къ разложенію монастырскихъ нравовъ, вызывало очень нерѣдко въ сферѣ монашествующей братіи духъ своеволія, гордости, стремленіе свергнуть съ себя всякую монастырскую власть, избавиться даже отъ самой легкой подчиненности. Результатомъ такого нравственнаго настроенія было отдѣленіе не покорныхъ, сварливыхъ членовъ монастырской братіи и удаленіе ихъ въ какое-нибудь пустынное мѣсто. Здѣсь эти отшельники созидали свой монастырь, свою общину. Вотъ что напримѣръ пишетъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ собору 681 года. „Многіе монахи мужеска пола и женска, нехотя быть у наставниковъ своихъ въ послушаніи, отходятъ изъ монастыря и начинаютъ жить въ лѣсахъ и по малу наби-

раютъ къ себѣ такихъ же ослушниковъ и устрояютъ часовни". Регламентъ безусловно запрещаетъ такой своевольный выходъ изъ одного монастыря съ цѣлью пустынножительства. „Скитковъ пустынныхъ, говоритъ онъ, монахамъ строити недопускати", потому что устройство ихъ дѣлается, поясняетъ регламентъ свое запрещеніе, не въ цѣляхъ душевнаго спасенія, а „свободнаго ради житія", чтобъ отъ всякой власти и надсмотрѣнія удаленъ жити возмоглъ по своей воли, и дабы на новоустрояемый скитъ собиралъ деньги, и тѣми корыстовался". Достиженіе цѣли наилучшаго душевнаго спасенія при пустынножительствѣ даже и совершенно невозможно по мысли регламента. Хотя исторія и представляетъ намъ прекрасные образцы христіанскаго пустынножительства въ лицѣ подвижниковъ—пустынниковъ Павла Ѳивейскаго, Антонія Великаго, Макарія египетскаго и др., но то были мужи, „добрѣ въ богословіи христіанстѣй обученніи и великаго разсужденія и искусства". „Человѣку же невѣжливому", какими тогда конечно было большинство русскихъ скитниковъ „таковое житіе опасно есть и душепагубному бѣдствію подлежащее", потому что, если гдѣ, то конечно въ пустынѣ трудно найти себѣ хорошаго духовнаго совѣтника, столь необходимаго для человѣка поставившаго цѣлью своей жизни спасеніе души, къ которому можно бы обратиться за „рѣшеніемъ сумнительныхъ помысловъ и падежей совѣсти" или человѣка, у котораго можно было бы поучиться „образу подвиговъ монашескихъ". Наконецъ самое свойство природы и климата Россіи вовсе неблагопріятствуетъ, по замѣчанію регламента, монашескому пустынножительству". Пустынямъ прямымъ быть въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно, ибо въ Палестинѣ, въ пустыняхъ и впрочіихъ теплыхъ странахъ, есть довольно плодовъ, чѣмъ питаться и тако можетъ отъ міру весьма отлучитца: здѣже безъ пашни, рыбы, огородовъ, пробыть невозможно, что тайно и уединенно быть не можетъ". Такъ совершенно забывая исторію возникновенія сѣверно-русскихъ монастырей въ XIV, XV и послѣдующихъ вѣкахъ, авторъ регламента старается во что бы то ни стало охладить любовь русскихъ подвижниковъ къ пустынножительству и тѣмъ прекратить дальнѣйшую возможность постройки новыхъ скитскихъ монастырей. Стремясь къ сокращенію количества монастырей преобразователь усиленно заботился въ своихъ зако-

нодательныхъ распоряженіяхъ о томъ, чтобы распространить на монастыри дѣйствіе государственнаго начала прикрѣпленія, до чего тщетно старалось достигнуть московское правительство XVII в. и вмѣстѣ съ этимъ по возможности ограничить прежнюю свободу поступленія въ монашество.

Монастырская жизнь въ XVII стол. больше всего кажется страдала отъ слишкомъ свободныхъ сношеній съ міромъ. Первыя и такъ-сказать самыя ближайшія требованія отъ монашествующей братіи, именно,—чтобы въ міръ не ходить, чтобы міръ не любить и забывались прежде всего и скорѣе всего. Между монастыремъ и міромъ далеко не вовсе была прекращена связь. Нѣкоторые монастыри даже женскіе въ XVII в. и устроены были среди мірскаго строенія и отъ всякаго дома къ нимъ подѣланы были ходы, которыми міряне день и ночь ходили въ монастырь [35]). Кромѣ того, кромѣ такого временнаго наплыва въ монастыри мірянъ, гостей для монастырскихъ пировъ и братчинъ, въ монастыряхъ постоянно жило множество мірянъ всякаго рода, родни властей и соборныхъ старцевъ. Наконецъ и между монахами тогдашняго времени былъ такъ-сказать особый классъ, которые всю свою жизнь проводили бродя изъ монастыря въ монастырь и естественно, что такіе монахи находились въ самомъ тѣсномъ общеніи съ міромъ. Они выходили изъ монастыря по неуживчивости на одномъ мѣстѣ, потому что въ монастырскихъ стѣнахъ имъ было душно и тѣсно. Этотъ бродячій классъ монаховъ своимъ поведеніемъ бросалъ самую невыгодную тѣнь на все остальное монашество. Они жили очень грязно: напримѣръ по жалобамъ собора 681 года они „ходили по кабакамъ и по корчмамъ и по мірскимъ домамъ, упиваясь до пьяна и волочаясь по улицамъ“, а которые побѣднѣе собирали милостыню по церквамъ, базарамъ, на перекресткахъ, причемъ принимали участіе во всѣхъ хитростяхъ, какими тогдашніе нищіе выманивали копѣйку у простодушнаго народа. Чтобы прекратить съ одной стороны это тѣсное общеніе монастырей съ міромъ, а съ другой—уничтожить эту настоящую бродячесть въ средѣ монашествующей братіи, Петръ старался путемъ цѣлаго ряда указовъ о переписи монастырей и монаховъ закрѣпить послѣднихъ за своими монастырями

[35]) А. Эксп. т. V, № 75, ст. 8.

точно такъ же, какъ имѣлось въ виду путемъ указовъ о ревизіи закрѣпить крестьянъ за ихъ помѣщиками, и очистить монастыри отъ лицъ проживавшихъ въ нихъ, но неимѣвшихъ къ нимъ въ сущности никакого отношенія. Въ 701 году монастырскому приказу дано было распоряженіе переписать всѣ монастыри въ Россіи какъ мужскіе, такъ и женскіе. Сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно; развѣ по какой-нибудь важной, законной причинѣ монахъ можетъ перейти въ другой монастырь и то съ отпускнымъ письмомъ отъ настоятеля прежняго монастыря. Въ 703 году для женскихъ монастырей эти постановленія были подтверждены съ еще большими строгостями. Изъ монастыря монахинямъ быть неисходными, читаемъ въ этомъ подтвержденіи; если будетъ великая нужда выдти, то отпускать на малое время часа на два и на три съ письмомъ и за печатью: писать именно для какой нужды и насколько времени отпущена и за письмо и за печать отнюдь взятокъ не брать. Ворота въ женскомъ монастырѣ должны быть всегда заперты; подлѣ воротъ должны стоять караульные. Міряне въ монастырь входятъ только во время церковной службы, во всякое же другое время они могутъ входить сюда не иначе какъ съ позволенія игуменьи монастыря. Вмѣстѣ съ постояннымъ закрѣпленіемъ монаховъ и монахинь за тѣми монастырями, въ которыхъ заставали ихъ переписи, путемъ означенныхъ указовъ имѣлось въ виду разъ навсегда очистить монастыри отъ проживавшихъ на монастырскомъ содержаніи излишнихъ потребителей, неимѣвшихъ въ то же время къ монастырю прямаго отношенія. Переписчики монастырей должны были выгонять изъ нихъ вонъ всѣхъ не монаховъ, такъ ли проживавшихъ здѣсь или же занимавшихъ тѣ или другія должности, какъ напримѣръ чтецовъ или пѣвцовъ, какъ нерѣдко подобное бывало.

Послѣдующими постановленіями Духовнаго регламента монастыри объявляются почти совершенно заключенными. Регламентъ позволяетъ монаху выходить изъ монастыря къ роднымъ и знакомымъ не болѣе четырехъ разъ въ году и непремѣнно съ благословенія настоятеля. У себя принимать гостей позволено также не иначе какъ съ благословенія настоятеля и при свидѣтеляхъ назначенныхъ отъ послѣдняго. Женщины же регламентомъ

вовсе не допускаются въ келіи монаховъ, а онѣ могутъ быть принимаемы лишь въ особой монастырской гостинной и притомъ „въ присутствіи благочестивыхъ старцевъ“. Еще большимъ ограниченіямъ въ этомъ отношеніи регламентъ подвергаетъ монастыри женскіе. Онъ особенно ревниво старается охранить ихъ отъ всякихъ сношеній съ міромъ. Монахини по Регламенту отнюдь не пускаются даже на праздники и въ крестные ходы къ мужскимъ монастырямъ или къ приходскимъ церквамъ. Имъ не дозволяется ходить ни по какимъ случаямъ даже и въ женскіе монастыри. Одна игуменья въ женскомъ монастырѣ составляетъ исключеніе, но и та только въ сопровожденіи двухъ или одной старицы можетъ выходить изъ монастыря. Для всѣхъ же остальныхъ сестеръ женскіе монастыри и день и ночь должны быть заперты. Входъ въ монашескія кельи въ женскихъ монастыряхъ „жестоко“ запрещенъ всѣмъ мірянамъ; послѣдніе могутъ посѣщать только монастырскую церковь и монастырскія святыни. Да и эти святыни, напримѣръ мощи, велѣно перенести въ церкви надъ монастырскими воротами, куда велѣно устроить входы съ улицы, а въ монастырь изъ церкви сдѣлать одинъ проходъ чрезъ келіи игуменьи, чтобы монастырь такимъ образомъ оставался совершенно недоступенъ для постороннихъ лицъ. Даже во время самаго церковнаго богослуженія и то монахини не должны мѣшаться съ народомъ, а должны были стоять отдѣльно отъ него. Въ случаѣ, еслибы у женскаго монастыря оказалась необходимость предъявить искъ въ гражданскомъ судѣ, то и здѣсь регламентъ строго запрещаетъ самимъ монахинямъ вступать въ такія тяжбы; онѣ должны посылать по всѣмъ судебнымъ хлопотамъ монастырскихъ стряпчихъ. Если наконецъ монахинямъ представится необходимость быть въ столичномъ городѣ, то самимъ имъ опять-таки не ходить туда, а доносить о своей необходимости епархіальному епископу, который передаетъ о ихъ нуждахъ Синоду, а послѣдній уже дѣлаетъ такія или иныя распоряженія объ удовлетвореніи ихъ.

Сокращая количество наличныхъ монастырей, стѣсняя затруднительными предписаніями постройку новыхъ монастырей, прикрѣпляя монаховъ къ монастырямъ и очищая послѣдніе отъ не монаховъ, Петръ наконецъ въ своемъ законодательствѣ путемъ установленія цѣлаго ряда самыхъ стѣснительныхъ условій для

вступленія въ чинъ монашескій имѣлъ въ виду достигнуть возможнаго сокращенія количества желающихъ принять на себя санъ монашескій, или ослабить стремленіе къ поступленію въ монашество. Впрочемъ въ этомъ отношеніи законодательство Петра иногда помимо всякихъ условій категорически и строго запрещало дальнѣйшія постриженія вновь. Уже послѣ самыхъ первыхъ переписей, произведенныхъ надъ монастырями монастырскимъ приказомъ, постриженія вновь или вовсе не допускались или же, если допускались, то только съ особеннаго разрѣшенія монастырскаго приказа, который нерѣдко руководствовался при этомъ особыми указами самого царя или сената. Такъ напримѣръ по указу отъ 703 года въ женскіе монастыри велѣно было постригать бѣлицъ не раньше сорока лѣтъ, на мѣсто же убылыхъ монаховъ насылались теперь въ монастыри больные и нищіе, даже умалишенные и осужденные въ каторгу, но по болѣзненному состоянію неспособные къ работѣ [36]). Послѣ 715 года въ замѣнъ убылыхъ монаховъ по монастырямъ стали помѣщать отставныхъ военныхъ всѣхъ чиновъ, не имѣющихъ своихъ собственныхъ средствъ къ прокормленію. Съ этого времени вошло въ общій законъ обыкновеніе, по которому увѣчные и вообще больные военные чины стали пользоваться по прошеніямъ отъ монастырей содержаніемъ. Для приведенія въ дѣйствіе этого закона велѣно было прямо сокращать наличное число монаховъ того или другаго монастыря, доводить его до такой нормы, по которой бы за покрытіемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ по содержанію монаховъ оставался избытокъ отъ ежегодныхъ монастырскихъ доходовъ для благотворительныхъ цѣлей [37]). Духовный регламентъ, не запрещая прямо постригаться въ монахи, тѣмъ не менѣе старается всевозможными мѣрами заградить доступъ къ монашеству. Регламентъ указываетъ слѣдующія тяжелыя условія для поступленія въ монашество. Въ монахи не принимать никого моложе тридцати лѣтъ. Для женщинъ временемъ для постриженія назначается и еще болѣе поздній срокъ отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ. „Къ монашескому бо житію, говоритъ регламентъ, мотивируя устанавливае-

[36]) П. С. З. № 2179.

[37]) Мон. приказъ Горч., стр. 171.

мое имъ правило, недовольно имѣть совершенный разумъ, но искусство состава своего, аще имѣетъ даръ къ безженному житію“. Не велѣно постригать служащихъ безъ увольненія ихъ начальствъ (приказныхъ, солдатъ и пр.); связанныхъ какимъ нибудь обязательствомъ, напримѣръ должниковъ, подсудимыхъ и т. п., лицъ иноепархіальныхъ „всѣ таковіи, по словамъ регламента, „не каятися, но спрятатися ищутъ, и великую бѣду на монастырь наволакиваютъ“. Отнюдь не принимать крестьянъ безъ отпускной отъ помѣщика, да и самую отпускную прилежно разсмотрѣть „кто (крестьянинъ) таковъ, каковыхъ лѣтъ и нѣтъ ли каковаго подлога, а неграмотныхъ изъ крестьянъ не принимать безъ особаго указа императора и синодальнаго опредѣленія, не принимать въ монастыри супруговъ, произвольно разведшихся или оставившихъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей. Дѣтей безъ родительскаго согласія не принимать: настоятели монастырей, архимандриты, игумены и пр. должны разъяснять такимъ дѣтямъ, что оставлять своихъ родителей будто во имя Божіе дѣло богопротивное, ибо изрекая „аще кто оставитъ отца или матерь и пр.“ Господь освящалъ только оставленіе по необходимости; не принимать также дѣтей по одному благочестивому обѣщанію родителей безъ согласія самихъ дѣтей. Наконецъ настоятелямъ монастырей предписывается подъ страхомъ лишенія настоятельской власти отнюдь не принимать въ монашество вкладчиковъ, сдѣлавшихъ вклады, которые, по словамъ регламента, т.-е. вкладчики, за вкладъ свой „аки за долгъ нѣкій угодія въ монастырѣ ищутъ и отъ настоятеля съ роптаніемъ истязуютъ“. Когда нѣтъ ни одного изъ вышеозначенныхъ препятствій, дозволяется принимать въ монахи. Это, такъ-сказать, отрицательныя условія, требуемыя регламентомъ отъ поступающаго въ монашество и несомнѣнно основаніемъ для нихъ послужила практика старорусской монастырской жизни. Къ положительнымъ условіямъ относится прежде всего трехлѣтній „искусъ“. Поступающихъ въ монашество отдаютъ на испытаніе подъ надзоръ честному старцу. Находящійся на испытаніи проходитъ общія монастырскія послушанія и частныя, какія укажетъ настоятель. Всякій годъ онъ долженъ исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ по четыре раза въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ составитель регламента, что трехлѣтнее испытаніе тяжело, но истинно желающіе

поступить въ монашество не отрекутся отъ него, а лжеобѣщанники и тунеядцы конечно не могутъ его снести. Послѣ трехлѣтняго испытанія настоятель монастыря вмѣстѣ съ духовникомъ испытуемаго и старцемъ, подъ надзоромъ котораго онъ состоялъ, доносятъ архіерею, что онъ искренно желаетъ поступить въ монахи и достоинъ того. Поучивши его, архіерей благословляетъ постричь. Предъ постриженіемъ должно прочитать ему монашескіе обѣты, чтобы онъ обдумалъ, можетъ ли исполнить ихъ, также и всѣ написанныя въ регламентѣ правила о монашествѣ. Если же поступающій въ монашество послѣ трехлѣтняго испытанія не захочетъ быть монахомъ, то свободно отпустить его „безъ всякаго удержанія и укоризны". Въ случаѣ новаго желанія быть монахомъ онъ обязанъ во второй разъ подчиниться трехлѣтнему испытанію. Если кто изъ поступающихъ пожелаетъ сдѣлать вкладъ въ монастырь, то оный принимается не прежде, какъ по исполненіи имъ трехлѣтняго испытанія и при томъ съ подпискою, что за вкладъ этотъ онъ не будетъ требовать не только угожденія себѣ, но и не станетъ хвалиться имъ, даже вспоминать объ немъ.

Такъ путемъ цѣлаго ряда стѣснительныхъ условій регламентъ старается заградить доступъ къ монашеству. Къ той же самой цѣли стремится петровское законодательство вмѣстѣ съ регламентомъ, начертывая новый планъ внѣшняго и внутренняго устройства монастырской жизни. Кажется древне-русскій монастырь XVII в. главнымъ образомъ потому и имѣлъ особенное обаятельное значеніе, что его стѣны далеко не разлучали монаха съ міромъ и со всѣми обольщеніями послѣдняго. Монахъ оставался и въ монастырѣ почти тѣмъ же мірскимъ человѣкомъ какимъ онъ былъ въ міру; онъ удерживалъ за собою даже свое недвижимое имущество; по крайней мѣрѣ такъ было до Уложенія Алексѣя Михайловича. Уложеніе [38]) запретило этотъ обычай, но не уничтожило права частной собственности въ монастыряхъ; въ замѣнъ потери недвижимаго имущества оно признало обязательными всѣ повинности, какія монашествующій налагалъ на тѣхъ, кому передавалъ имущество, дозволило также недвижимую собственность обращать въ деньги и уносить ихъ съ собою въ мо-

[38]) Уложеніе 17 гл., п. 42, 43, 44.

настырь. Это дозволяемое закономъ развитіе частной собственности въ монастыряхъ, кажется, больше всего и было причиною того разложенія монастырскихъ нравовъ, какое мы замѣчаемъ въ XVII в. Монахи собственники отдѣлялись отъ остальной братіи, имѣли отдѣльныя кельи и жили въ нихъ съ своей прислугою, своимъ хозяйствомъ. Живя своимъ хозяйствомъ монахъ принималъ у себя гостей и самъ ходилъ всюду въ гости. „Нынѣ, писалъ митрополитъ суздальскій Иларіонъ въ 694 году къ монахамъ Флорищевой пустыни, нестяжательное жительство стало отъ васъ изгубляться; многіе отъ братіи стали особое имѣніе держать и предпочитаемы стали быть хотящіи развратити прежнее общежительство“ [39]). Въ 1660 г. [40]) „великому государю вѣдомо учинилось, что въ монастыряхъ старцы живутъ безчинно, по вся дни по мірскимъ домамъ ходятъ, а иные на дворахъ и ночуютъ и съ дѣтьми своими и съ братьями, съ родичи и съ иными мірскими людьми въ кельяхъ пьютъ допьяна и изъ монастырей питье и медъ, пиво и квасъ и съѣстное выдаютъ, а иное и продаютъ“. Такъ развитіе частной собственности и вѣками пріобрѣтенныя богатства монастырей служили причиною тому, что монастырская жизнь въ XVII вѣкѣ ослабѣла и распустилась во всѣхъ отношеніяхъ. Монастыри находились въ состояніи нравственнаго разложенія. Царскія и святительскія грамоты послѣднихъ годовъ XVII столѣтія исполнены увѣщаній и обличеній, обращенныхъ къ инокамъ. Въ 636 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ жаловался на монаховъ Соловецкой обители, укоряя ихъ въ пьянствѣ. Въ 47 году царь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ патріарху Іосифу, чтобы онъ повелѣлъ чтобы „монахи въ монастыряхъ хмѣльное всякое питье, вино и медъ и пиво, хмѣльные квасы оставили и впредь не держали“. Въ 668 году митрополитъ новгородскій Питиримъ писалъ въ Ниловъ Столбенскій монастырь: „многіе старцы, не хотя жить въ монастырѣ, но хотя пить хмѣльное питье, а иные де и для пожитковъ своихъ изъ тое Ниловы пустыни выбѣгаютъ и платье и правильныя книги съ собою сносятъ“. Тотъ же Питиримъ въ наказной грамотѣ изображаетъ жалкую картину тогдашнихъ нравовъ мо-

---

[39]) Акт. Эксп. т. IV, № 328.
[40]) Тамъ же, № 116.

нашескихъ: „и сами игумены и черные и бѣлые попы и діаконы хмѣльнаго питья допьяна упиваются и о церкви Божіей нерадятъ“. Въ концѣ грамоты онъ предписываетъ: „учинить заказъ крѣпкій, чтобы игумены и черные и бѣлые попы и діаконы и старцы и черницы на кабакъ пить не ходили и въ монастырѣ до великаго пьянства не упивались и пьяны бы по улицамъ не валялись“. Но само собою понятно, что однихъ простыхъ предписаній недостаточно было для исправленія нравовъ монашескихъ. Главною причиною распущенности монашескихъ нравовъ было слишкомъ тѣсное общеніе монастыря и монаховъ съ міромъ и со всѣми его прелестями. Вотъ почему преобразователь, ясно сознавая корень зла, заключивши монаховъ строжайшими предписаніями въ монастырскихъ стѣнахъ, старается и здѣсь лишить ихъ всего того, чѣмъ они могли бы быть связаны съ міромъ. Прежде всего на мѣсто прежней частной собственности Петръ стремился установить опредѣленную норму жалованья оставшимся въ монастырѣ монахамъ. Въ 701 г. былъ изданъ именной царскій указъ, гласившій, что въ монастыри монахамъ и монахинямъ слѣдуетъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія. Согласно съ такимъ законодательнымъ постановленіемъ сначала давали каждому монаху по десяти рублей денегъ, по десяти четвертей хлѣба, но скоро эта дача уменьшена была вдвое. Въ 706 году Меншиковъ доносилъ Петру: „писалъ я нынѣ въ Новгородъ къ коменданту Татищеву велѣлъ ему вѣдать всѣ Новгородскаго уѣзда патріаршія, архирейскія и монастырскія вотчины и архирею и старцамъ давать хлѣбъ противъ того какъ въ монастырскомъ приказѣ опредѣлено, денегъ же старцамъ противъ гарнизону по шести рублей. Неизволить ли государь, московскихъ и другихъ монастырей старцамъ деньги отпускать противъ гарнизонныхъ же солдатъ по шести рублей. Воистину досыть, понеже солдату противъ старца всегда лишнее, у него есть жена, дѣти, они же служатъ и работаютъ не имѣя себѣ покоя. А старцу что больше того надобно чтобы были хлѣбъ и вода. Они въ то себя опредѣлили, чтобы послѣдовать святымъ отцамъ, которые денегъ не любили, такъ

и имъ жить надлежитъ“ [41]). Царь дѣйствительно велѣлъ выдавать монахамъ содержаніе по пяти рублей денегъ, по пяти четвертей хлѣба съ готовыми дровами. Въ которыхъ монастыряхъ по расходнымъ книгамъ оказалось, что прежде учрежденія монастырскаго приказа на каждаго монаха приходило меньше пяти и четырехъ рублей, тѣмъ и монастырскій приказъ выдавалъ столько же, а малымъ монастырямъ съ небольшими доходами позволено было даже и вотчины свои вѣдать по прежнему „понеже, писалъ Мусинъ-Пушкинъ царю, въ нихъ ни малаго прибытка учинить невозможно“ [42]).

Имѣя въ виду возстановить въ монастыряхъ строгое общежитіе Духовный регламентъ съ большею заботливостію чѣмъ предшествовавшее ему законодательство старается установить строгій контроль надъ тѣмъ, чтобы имѣніями монастырскими пользовались сообразно ихъ назначенію и чтобы монахи не держали отнюдь по монастырямъ никакой частной собственности. Монастырскихъ продуктовъ, говоритъ регламентъ, монахамъ отнюдь не продавать ни въ самомъ монастырѣ, ни по улицамъ города. Оставшейся отъ трапезы пищи монахи не должны разбирать по своимъ кельямъ кромѣ кваса. Пища и одежда должны быть у всѣхъ одинаковы, иначе всякій будетъ воровать, чтобы сдѣлать себѣ лучшую одежду и приготовить вкусную пищу. Изъ монастыря никто ничего монастырскаго не имѣетъ права отдавать, кромѣ настоятеля. Но и онъ можетъ дѣлать не иначе, какъ съ объявленіемъ старѣйшей братіи и съ запискою кому, чего и по какому случаю дано. Всѣ доходы отъ монастырскихъ вотчинъ, боголюбцевъ собирать въ одно мѣсто и изъ него расходовать. Никому въ монастырѣ чужихъ вещей, кромѣ книгъ, не держать, ежели найдется у кого такая вещь, она отбирается въ монастырскую казну. Безъ увѣдомленія настоятеля подъ страхомъ жестокаго тѣлеснаго наказанія монахи не должны даже держать чернилъ и бумаги и не должны никому писать никакихъ писемъ. Писать могутъ только тѣ изъ монаховъ, кому дозволено заниматься этимъ для общемонастырской пользы. Ежели которому брату случится дѣйствительная потребность написать письмо,

---

[41]) Соловьевъ, Ист. Р., т. XVI, 21 стр.

[42]) Тамъ же.

то онъ можетъ писать въ трапезѣ изъ общей чернилицы, на общей бумагѣ съ дозволенія настоятеля. Лишая монаховъ возможности сноситься съ міромъ, Регламентъ заботится о томъ, чтобы и въ стѣнахъ монастырскихъ они не проводили праздной жизни. Настоятели всегда, говоритъ Регламентъ, должны „избрать дѣло нѣкое, а добре бы въ монастыряхъ завести художества, напримѣръ дѣло столярное, иконное и проч., а въ женскихъ монастыряхъ пряжу, шитье, вязанье кружевъ и т. п. занятія непротивныя монашеству. Нечего уже и говорить конечно о томъ, что монахи сами должны исполнять всѣ работы по монастырю, поэтому кромѣ престарѣлыхъ и настоятелей никто не имѣетъ права держать прислуги. Но начальники должны брать прислуги не свыше потребности, а для престарѣлыхъ и больныхъ нужно устроить больницы. Наконецъ по всѣмъ монастырямъ кромѣ обученія монаховъ различнымъ художествамъ и ремесламъ ихъ необходимо учить также еще чтенію. Для этого надобно избирать въ учителя монаховъ, которые бы знали смыслъ св. писанія. Обученныхъ такимъ образомъ только и рекомендуется посвящать въ санъ священства.

Въ заключеніе своихъ постановленій о преобразованіи монастырской жизни въ русской церкви Духовный регламентъ излагаетъ рядъ правилъ относительно устройства монастырской администраціи. Прежде всего Регламентъ подтверждаетъ выборъ настоятеля соборомъ всей братіи, господствовавшій въ древней Россіи. Выбирать въ настоятели слѣдуетъ честныхъ людей и испытанныхъ въ иноческомъ житіи, хорошо знающихъ священное писаніе и уставъ монастырской жизни, чтобы они заботились болѣе о душевномъ спасеніи братіи, а не о построеніи стѣнъ монастырскихъ и собираніи богатствъ. Настоятелей при опредѣленіи ихъ слѣдуетъ приводить къ присягѣ въ томъ, что они со всеусердіемъ будутъ исполнять послѣднее требованіе. Ежели по избраніи и присягѣ настоятели не станутъ заботиться о спасеніи душъ, порученныхъ руководительству ихъ, то ихъ надлежитъ низводить на низшую степень братства. На мѣсто же ихъ совѣты монастырскіе избираютъ другихъ. Указавъ правила выбора монастырскихъ настоятелей, Регламентъ предписываетъ затѣмъ правила относительно исправнаго отправленія настоятелями своего служенія. Если какой-нибудь настоятель

приметъ самовластно въ монастырь бѣглаго монаха, то такого начальники низводятъ на низшую степень монастырскаго послушанія, именно: въ монастырскую работу по самую смерть его. Бѣглыхъ же монаховъ также посмерть держать въ монастырскихъ работахъ и вдобавокъ въ оковахъ. Въ монастыряхъ должна быть книга, въ которую записывается время постриженія каждаго монаха, его имя и прежнее званіе. Монастырская казна должна быть хранима за ключемъ настоятеля, ключемъ казначея и монастырскою печатью. Также и ризница. Однажды въ недѣлю или въ мѣсяцъ настоятель съ келаремъ и другими старцами обязанъ слушать отчеты о приходѣ и расходѣ монастырской казны и записывать ихъ въ книгу. Настоятель не имѣетъ права держать при себѣ родственниковъ или опредѣлять ихъ къ монастырскимъ дѣламъ. Настоятелю, какъ и монахамъ, запрещается брать что-либо отъ мірскихъ людей на храненіе. По смерти архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ монаховъ оставшееся послѣ нихъ имѣніе родственникамъ не отдается, но присылается въ Святѣйшій Синодъ. Имѣніе же низшихъ монастырскихъ служекъ отбирается въ монастырскую казну. Какъ духовный руководитель и начальникъ братіи настоятель отнюдь не долженъ понуждать братію идти къ нему на исповѣдь, потому что такая исповѣдь будетъ притворною. Въ монастырѣ долженъ быть одинъ честный монахъ духовникъ, утвержденный епископомъ. Онъ повременамъ можетъ говорить настоятелю какой порокъ преобладаетъ въ братіи, не именуя однако лицъ и не обозначая келій. Настоятель можетъ принять къ свѣдѣнію его сообщенія для принятія мѣръ къ искорененію того порока.

Такими постановленіями законодательство преобразовательной эпохи старалось опредѣлить до малѣйшихъ подробностей монастырскую жизнь. Несмотря на всю строгость этихъ распоряженій они казались царю недостаточными для исцѣленія „вреднаго недуга“ и вотъ двадцать восьмаго генваря 1723 года былъ изданъ указъ, съ строгимъ наказомъ духовной власти „дабы отнынѣ отнюдь никого не постригать, а на убылыя мѣста въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ.“ Но это распоряженіе было уже слишкомъ радикально и не могло просуществовать долго. Сознавая это, Петръ рѣшился составить подробныя правила о монашествѣ съ объяснительною къ нимъ запискою, въ

которыхъ доказывается необходимость всѣхъ предшествовавшихъ распоряженій относительно монашества. Тридцать перваго генваря 724 года было издано на имя Синода пространное „Объявленіе“ [42]), написанное отчасти авторомъ Духовнаго регламента, а отчасти и самимъ государемъ [43]) относительно монашества. Это объявленіе начинается такими словами: „Святѣйшій Синодъ! Какое мы опредѣленіе учинили о монастыряхъ и объявленіе людямъ, для чего оное учинено, то слѣдуетъ ниже сего“. Въ самомъ объявленіи подробнѣе развита мысль, повторяющаяся во всѣхъ петровскихъ указахъ о монашествѣ. Между прочимъ здѣсь доказывается, что монашеское званіе само по себѣ вовсе не заслуга, что монашеская жизнь, развитіе которой обусловлено внѣшними историческими причинами, требуетъ особеннаго призванія и ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна считаться обязательною. Особенно любопытны въ этомъ „объявленіи“ приводимыя его авторомъ историческія причины возникновенія монашества. Двѣ причины по мнѣнію объявленія возбуждали въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ стремленіе къ уединенной монашеской жизни. Первая изъ этихъ причинъ имѣетъ свое основаніе въ психологическомъ особенномъ настроеніи нѣкоторыхъ людей. Въ первенствующей христіанской церкви одни лица стремились къ монашеству „ища уединенія по совѣсти“, ради токмо природной къ тому склонности, и безо всякія страсти или мнѣнія, якобы невозможно въ мірѣ спастись.“ Но была и другая причина, порождавшая монашескій образъ жизни въ первенствующей церкви. Причина эта лежала въ томъ положеніи, какое пришлось занять христіанской церкви въ языческомъ греко-римскомъ государствѣ. Испытывая различныя угнетенія въ гонимой церкви многіе члены оной въ первенствующее время „укрывались въ уединеніе и неволею ради мучителей и гонителей, хотя соблюсти душу свою, право толкуя слова Спасителя Христа, еже оставити все его ради.“ Побуждаемые этими двумя мотивами искать уединенной жизни, монахи первенствующей христіанской церкви представляли въ своей жизни воплощеніе монашескаго идеала. Они, какъ говоритъ объявленіе, не точію

---

[42]) П. С. З. VII т. № 4450.

[43]) Чистовичъ Ѳ. Пр. 139—140.

что отъ людей не требовали, но ниже хотѣли, чтобы ихъ люди видѣли и слышали о нихъ, пребывали же въ Палестинѣ, въ Египтѣ, Африкѣ и прочихъ зѣло теплыхъ мѣстахъ, и овощи для пропитанія натуральные, кромѣ трудовъ человѣческихъ довольно имуще, и тако, кромѣ книгъ, ниже одѣянія имъ было потребно, ниже храмины"... Что же потомъ произошло, спрашиваетъ объявленіе. „Когда къ греческимъ императорамъ нѣкоторыя ханжи подошли наипаче же къ ихъ женамъ и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городахъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежной помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше яко и нетрудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему императоры паче своей должности, въ чемъ было имъ трудитися надлежало сею мнимою святынею или обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, какъ исторіи цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царягорода, который не болѣе тридцати верстъ, протягивается съ триста монастырей. Сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ..., но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ какъ греческихъ въ не разсмотрѣніи сего излишества, которые въ умѣренности оныхъ держали"...

Въ первый разъ на Руси былъ высказанъ такой односторонній, матеріальный взглядъ на монашество. Не отвергая монашество какъ родъ уединенной жизни въ цѣляхъ душеспасенія, преобразователь требовалъ отъ монаха, чтобы онъ или совершенно отрекся отъ міра, ничего не требовалъ отъ другихъ людей, подобно древнимъ подвижникамъ, или же пользовался постороннею помощію, но въ замѣнъ этого и самъ приносилъ пользу обществу.

Послѣдній классъ лицъ подвѣдомственныхъ Синоду составляютъ міряне. Въ постановленіяхъ Духовнаго регламента относительно ихъ проглядываетъ стремленіе подчинить мірянъ нравственному вліянію ихъ пастырей. Прежде чѣмъ обозначить существеннѣйшія обязанности мірянъ по отношенію къ церкви и ея предста-

вителямъ Регламентъ предпосылаетъ „малое предисловійце къ лучшему уразумѣнію, почему міряне нарицаются міряне и въ чемъ отъ чина духовнаго имѣютъ разнствіе.“ Это объясненіе признано необходимымъ потому, что „за невѣдѣніемъ сего многая и дѣются и сказуются дурости душепагубныя“—въ родѣ побужденія къ монашеству и т. п. Излагая далѣе обязанности мірянъ по отношенію къ церкви и ея представителямъ, Регламентъ прежде всего обязываетъ мірянъ слушать голоса своихъ пастырей „ибо овцы не суть овцы, когда не слушаютъ голоса своего пастыря.“ Вмѣстѣ съ обязанностію повиновенія своимъ пастырямъ всякій мірянинъ христіанинъ долженъ строго повиноваться и уставамъ церкви: долженъ хотя однажды въ годъ исповѣдываться и пріобщаться Св. Таинъ, иначе, неисполняющіе этой обязанности будутъ объявлены раскольниками. Въ заключеніе Регламентъ предписываетъ, чтобы прихожане не скрывали отъ священниковъ сомнительныхъ вопросовъ по брачнымъ дѣламъ, чтобы браки, хотя и законные, не вѣнчались въ другихъ приходахъ, тѣмъ болѣе въ другихъ епархіяхъ, чтобы гражданскія власти по дѣламъ духовнымъ подчинялись власти своего епархіальнаго епископа.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изложивъ въ своемъ изслѣдованіи церковно-преобразовательную дѣятельность Петра, мы постараемся въ заключеніе его подвести итоги этому изложенію, кратко отвѣчая на вопросъ: что собственно хотѣлъ сдѣлать Великій преобразователь съ русской церковью? По частямъ отвѣтъ на означенный вопросъ уже данъ въ нашемъ изслѣдованіи. Тотъ историческій памятникъ, который легъ въ основу нашего изслѣдованія, самъ собою намѣчалъ намъ общую программу нашей работы. Духовный регламентъ — это всё, что сдѣлано или что только проектировалось преобразователемъ въ цѣляхъ переустройства русской церкви. Написанный человѣкомъ, кажется, больше всѣхъ другихъ „сотрудниковъ Петра“ единомысленнымъ ему, регламентъ съ замѣчательною мѣткостію выражаетъ въ себѣ планы Петра относительно церковнаго устройства. Эти планы стоятъ въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ общему направленію гражданскихъ реформъ Петра. Какъ будто Псковскій архіепископъ, авторъ регламента, былъ постояннымъ, неотлучнымъ наперсникомъ Петра во всѣхъ его намѣреніяхъ и начинаніяхъ: такъ близки его мысли ко всему тому, что говорилось и дѣлалось Петромъ! Ѳеофанъ Прокоповичъ съумѣлъ разрѣшить въ регламентѣ чрезвычайно трудную возложенную на него преобразователемъ задачу. Онъ представилъ въ регламентѣ довольно обдуманный и выработанный проектъ церковнаго устройства, вполнѣ отвѣчавшій тому строю жизни государственной, какой постепенно опредѣлялся подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра. Трудность задачи Прокоповича состояла вопервыхъ, въ томъ, чтобы угадать въ об-

щемъ хаотическомъ теченіи реформъ Петра общее ихъ направленіе,—если можно такъ-сказать относительно петровскихъ реформъ,—общій планъ ихъ; и вовторыхъ—поставить въ соотвѣтствіе съ этимъ общимъ направленіемъ гражданскихъ реформъ церковное устройство. Эта задача очень удовлетворительно разрѣшена регламентомъ. Разсматриваемый со стороны разрѣшенія этой задачи Духовный регламентъ — есть ничто иное какъ попытка отвѣта на вопросъ, какъ долженъ быть измѣненъ строй церковной жизни примѣнительно къ тому переустройству жизни государственной, которое стремился создать Петръ Великій. Съ этой стороны регламентъ главнымъ образомъ и представляетъ интересъ для изслѣдователя историка. Въ этомъ послѣднемъ своемъ качествѣ регламентъ и дополняющіе его историческіе акты разрѣшаютъ свою задачу слѣдующимъ образомъ. Перемѣну, произведенную реформами Петра Великаго въ области церковной жизни нашего отечества, въ исторической литературѣ нерѣдко обозначаютъ приблизительно такою формулою. „Петръ ввелъ церковь въ общій порядокъ государственной, подчинилъ ее общей системѣ государственнаго правленія какъ одну изъ ея вѣтвей и духовное правительство сдѣлалъ коллегіею на ряду съ прочими коллегіями" [1]). Когда затѣмъ возникаетъ вопросъ объ опредѣленіи и уясненіи смысла этой общей и потому малопонятной формулы, то въ отвѣтъ на этотъ вопросъ большею частію обнаруживаются очень смутныя представленія о смыслѣ петровской церковной реформы. Этотъ отвѣтъ обыкновенно развиваютъ приблизительно въ такихъ общихъ чертахъ. Русская церковь, представляя до времени Петра совершенно самостоятельный почти ни въ чемъ независимый отъ государства организмъ, разомъ теряетъ теперь свое независимое положеніе и изъ церкви, этого status in statu, превращается въ государственное учрежденіе. Прежде, существуя самостоятельно и независимо отъ государства, церковь имѣла возможность развиваться съ такою же свободою и самостоятельностію какъ и государство; теперь, въ силу преобразованія, она могла развиваться только какъ одно изъ государственныхъ учрежденій и на ряду съ прочими учрежденіями по предписаніямъ верховной власти, подъ наблюденіемъ и не-

---

[1]) Чистовичъ: Ѳ. Прок. и его время, стр. 69.

посредственнымъ руководствомъ „изъ офицеровъ человѣка добраго и смѣлаго". Въ еще болѣе рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ развивается сейчасъ указанное нами воззрѣніе на смыслъ и значеніе церковныхъ реформъ Петра въ нашихъ обыденныхъ не научныхъ сужденіяхъ, напримѣръ въ журнальныхъ и газетныхъ замѣчаніяхъ на этотъ предметъ. Здѣсь очень не рѣдко съ неподдѣльнымъ чувствомъ прискорбія заявляется о томъ, что „великій преобразователь занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣческая не должна касаться" и что благодаря этому „навсегда рушилась свобода и самостоятельность многовѣковаго строя отечественной церкви, разорвалось существовавшее до сихъ поръ живое взаимнодѣйствіе между клиромъ и обществомъ", что церковь съ момента произведенной въ ея средѣ реформы въ началѣ XVIII в. „одѣтая въ государственный мундиръ, навсегда взята была въ казну, и что наконецъ духовное вѣдомство, захватывающее въ свой кругъ самые дорогіе, самые святые интересы народа, вѣдающее, такъ-сказать, самую душу народную, съ этого времени стало не болѣе какъ одно изъ государственныхъ бюрократическихъ учрежденій, принадлежитъ къ одному съ ними разряду и пользуется за то одинаковою съ ними долею нравственнаго авторитета и сочувствія въ русской землѣ". Такой взглядъ на смыслъ петровской церковной реформы высказывается нерѣдко въ наше время какъ въ церковноисторической литературѣ, такъ и въ обществѣ. Всматриваясь ближе въ содержаніе этого взгляда, нетрудно примѣтить, что онъ не принадлежитъ исключительно только нашему времени. Исторически взглядъ этотъ, кажется, служитъ отголоскомъ того мнѣнія или впечатлѣнія, какое оставляла по себѣ церковная реформа Петра въ ближайшихъ современникахъ и очевидцахъ ея. Извѣстно, что на современниковъ Петра, до буквализма строгихъ ревнителей церковной старины и потому не отдававшихъ себѣ холоднаго безпристрастнаго отчета въ церковнопреобразовательной дѣятельности правительства, крутой вихрь церковныхъ реформъ Петра подѣйствовалъ очень сильно и они склонны были подвергать эти реформы самой строгой и мелочной критикѣ,—писать противъ нихъ въ риторическомъ вкусѣ XVIII в. „возраженія и обличенія со всякимъ доводомъ". Защитники старины и рьяные противники цер-

ковныхъ мѣропріятій Петра намѣренно стремились уничтожить, исказить дѣйствительный смыслъ этихъ мѣропріятій. Въ своихъ желчныхъ риторическихъ памфлетахъ они старались доказать, что церковными реформами Петра „явно вся святая церковь была поносима и воничтожаема“ и даже, что всѣ ея „догматы и преданія разрушены и превращены“, а на мѣсто ихъ было введено „безбожное лютеранство и прочее еретичество“.

Такъ въ нашей церковноисторической литературѣ давно сложилось мнѣніе, по которому церковная реформа Петра Великаго была кореннымъ измѣненіемъ стараго строя церковной жизни, не только сдвинувшимъ эту жизнь со старой колеи, но и поставившимъ ее на совершенно новыя начала. Правда до сихъ поръ еще мы нигдѣ не находимъ въ литературѣ опредѣленія этихъ новыхъ началъ. Не пытаясь опредѣлить ихъ точно, изслѣдователи и публицисты (послѣдніе въ гораздо большей мѣрѣ) больше заняты вопросомъ о значеніи и послѣдствіяхъ этихъ началъ въ церковно-исторической жизни.

Разсматривая церковно-преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, мы совсѣмъ не находимъ оправданія указанному взгляду. Воспроизведемъ кратко церковныя реформы Петра. Прежде всего Петромъ была преобразована, какъ мы видѣли, центральная церковная администрація и сообщены были нѣкоторыя новыя свойства областной или епархіальной администраціи. Глубоко ошибаются тѣ изслѣдователи церковныхъ реформъ Петра, которые видятъ въ этомъ преобразованіи намѣреніе царя, какими бы мотивами ни объясняли это намѣреніе,—подчинить своей власти церковь въ смыслѣ цезарепапизма и такимъ образомъ утвердить строй церковной жизни на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ на какихъ онъ держался въ до-петровскую эпоху. Ни Духовный регламентъ, ни какой другой актъ, относящійся до церковно-преобразовательной дѣятельности Петра, не даютъ права къ такому заключенію. Да и вообще въ памятникахъ того времени мы совершенно не находимъ мысли о суприматѣ и верховенствѣ государя въ дѣлахъ церкви, какъ равно не находимъ мысли о полнотѣ подчиненія самобытности церкви государству, сдѣлавшему будто бы изъ нея государственное учрежденіе „государственную коллегію по церковнымъ дѣламъ“, на ряду съ прочими коллегіями. Правда къ внѣшнему

устройству церкви примѣнены были Петромъ во многомъ формы гражданскаго порядка, тѣмъ не менѣе эти формы не нарушали самобытнаго начала церкви и въ то же время въ основномъ (устройствѣ центральной и областной или епархіальной церковной администраціи) согласовались съ каноническими формами церковнаго устройства. По мысли преобразователя такой порядокъ былъ даже необходимъ для того, чтобы вызвать столь необходимую въ то время возможно бо́льшую дѣятельность на пользу церкви же со стороны тѣхъ, кому вручено кормило церковной власти. Если одному лицу трудно править правильно церковными дѣлами, если это одно лицо, въ силу ли традиціонныхъ убѣжденій или по какимъ-либо другимъ мотивамъ, не всегда охотно склоняется на необходимыя церковныя реформы, какъ бы такъ разсуждалъ великій преобразователь, вводя новую форму церковнаго правленія, то пусть широкій кругъ его дѣятельности распредѣлится между нѣсколькими лицами. Нарушенія каноническихъ правилъ церкви относительно устройства церковнаго управленія здѣсь не будетъ („понеже" можно устроить „соборъ"), но церковная дѣятельность при этомъ пойдетъ правильнѣе и живѣе, въ ней будетъ больше отчетности и порядка и отсюда несравненно больше дѣйствительной пользы для церкви и народа.

Такъ отношенія власти государственной къ церкви по проекту церковныхъ преобразованій Петра въ сущности должны были оставаться и съ учрежденіемъ новой синодальной формы церковнаго правленія такими же, какими они были до этого времени. На дѣлѣ, правда, эти отношенія становились произвольнѣе, потому что теперь пали старинные традиціонные обычаи и понятія, на основаніи которыхъ созидались эти отношенія въ древней Руси. Вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго псковскій архіепископъ вице-президентъ новаго церковно-административнаго учрежденія Синода Ѳеофанъ Прокоповичъ имѣлъ безчисленное множество случаевъ наблюдать, какъ много заключаетъ въ себѣ коллегія духовная „свободнѣйшаго духа", какъ „не боится она власти сильныхъ міра сего" и пр. и пр. Въ наступившій вскорѣ послѣ смерти великаго преобразователя смутный періодъ нѣмецкаго владычества на Руси духовная коллегія нерѣдко дѣлалась игралищемъ въ рукахъ свѣтскаго правительства и не могла проявлять не только „свободнѣйшаго", но и какого бы то ни

было самостоятельнаго духа въ своей дѣятельности. Такъ церковно-административныя реформы Петра Великаго вовсе не вносили въ церковную жизнь отечества перемѣнъ церковнаго права. Стремясь поставить въ связь строй жизни церковной съ новымъ устройствомъ жизни государственной, реформы эти только разграничивали церковное право отъ права государственнаго, область котораго была перемѣшена съ нимъ въ прежнее время церковной жизни.

Въ связи съ церковно-административными реформами Петра нужно поставить перемѣны, внесенныя преобразователемъ въ сословную жизнь духовенства. Перемѣны эти развивались въ самой тѣсной связи и совершенно параллельномъ направленіи съ гражданскими сословными реформами Петра. Духовенство, какъ и всѣ прочія сословія въ государствѣ, не получило подъ вліяніемъ петровскихъ реформъ никакихъ новыхъ правъ. Какъ бы въ замѣнъ этихъ правъ ему точнѣе было указаны и опредѣлены его обязанности. Преобразователь стремился къ тому, чтобы напомнить духовенству о его высокомъ назначеніи, указанномъ ему въ словѣ Божіемъ—быть истинными пастырями и руководителями духовно-нравственной жизни народа.

Къ этому онъ призывалъ его постоянно и изъ этого желанія Петра истекалъ широкій рядъ заботъ правителя о матеріальномъ обезпеченіи и нравственномъ усовершенствованіи духовенства. Въ обоихъ послѣднихъ отношеніяхъ Петръ пытался поставить духовенство въ условія, которыя бы благопріятствовали духовенству точнѣе и съ большею пользою выполнять высокое его назначеніе.

Въ связи съ стремленіями правительства преобразовательной эпохи къ достиженію показанныхъ цѣлей въ дѣлѣ преобразованія духовнаго сословія стоятъ заботы Петра о духовной школѣ. Сообразно съ точнымъ опредѣленіемъ обязанностей духовнаго сословія духовная школа, по взгляду Петра, должна была отличаться спеціальнымъ характеромъ. Ея прямое назначеніе воспитывать духовное юношество „въ надежду священства“. Итакъ, эта школа должна была носить на себѣ такой же точно профессіональный характеръ, какимъ отличался рядъ другихъ, свѣтскихъ школъ, устроенныхъ Петромъ. Къ такому спеціальному ея направленію по проекту ея устройства долженъ былъ быть при-

наровленъ весь внутренній и внѣшній строй ея. На ряду съ духовенствомъ бѣлымъ и монашествующее духовенство преобразователь старался поставить въ условія болѣе или менѣе благопріятствовавшія цѣлямъ монашескаго института. Петръ вовсе не отрицалъ монашества въ принципѣ, какъ нерѣдко желаютъ утверждать это. Несмотря на всю строгость узаконеній его относительно монашества, мы нигдѣ въ указахъ Петра о монашествѣ не встрѣчамъ постановленій, въ которыхъ бы проглядывали мысли, отрицавшія совершенно институтъ монашескій. Требованія времени, глубокій упадокъ нравственной жизни въ средѣ монашествующаго духовенства съ другой стороны, заставляли правительство петровскаго времени путемъ рѣшительныхъ, строгихъ мѣръ стремиться къ пересозданію внѣшней и внутренней жизни въ средѣ монашествующаго духовенства. Это пересозданіе направлено было къ тѣмъ цѣлямъ, чтобы отрѣшить монашество отъ того мірскаго духа, которымъ оно проникнулось въ предшествовавшій періодъ церковно-исторической жизни и въ противоположность этому духу, сообщить монашескому институту истинный смыслъ и значеніе требуемыя отъ него, какъ отъ подвига христіанствомъ. Таковы въ общемъ результаты церковно-преобразовательной дѣятельности Петра. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторыя связи этой дѣятельности съ предшествовавшею ей работою въ области церкви. Дѣйствительный результатъ церковно-преобразовательной дѣятельности Петра Великаго состоялъ въ разграниченіи права церковнаго отъ права государственнаго и сообщеніи административному и соціальному строю церкви такого устройства, при которомъ она, развиваясь въ гармоническомъ единеніи съ государствомъ, имѣла бы возможность стоять на высотѣ своего назначенія и оказывать свойственными ей средствами свое вліяніе на прогрессивное развитіе жизни государственной. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключался весь смыслъ петровскихъ церковныхъ реформъ, какъ бы ни была широка въ своихъ частнѣйшихъ подробностяхъ программа этихъ реформъ. Къ такой дѣятельности въ сферѣ церковной преобразователь прямо вызывался тѣмъ положеніемъ, какое занимала церковь въ государствѣ въ до-реформенное время. Древне-русское до-петровское правительство въ своихъ заботахъ о преобразованіи церкви по различнымъ причинамъ не стремилось рѣзко

провести мысль, несомнѣнно ясно сознаваемую имъ, болѣе или менѣе точнаго опредѣленія границъ церковнаго права и вѣдомства, отдѣленія его отъ права и вѣдомства государственнаго. Попытка открыто провести эту мысль въ нѣкоторыхъ областяхъ церковной жизни, напримѣръ въ стародавнемъ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ, выразившаяся въ учрежденіи царемъ Алексѣемъ, такъ-называемаго монастырскаго приказа для управленія этими имуществами, влекла за собой горячую распрю между церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ [2]). При Петрѣ Великомъ вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ государственной жизни, всестороннихъ государственныхъ преобразованій, путемъ которыхъ происходила широкая разработка права государственнаго, больше чѣмъ когда-либо и притомъ съ разныхъ сторонъ ощущалась необходимость болѣе или менѣе точнаго распредѣленія границъ церковнаго и государственнаго права. Широкія гражданскія реформы Петра при томъ отношеніи, которое существовало въ древней Руси между церковію и государствомъ, прежде всего выдвигали на очередь вопросъ о предѣлахъ права и вѣдомства церковнаго и государственнаго. Вслѣдъ за смертію послѣдняго патріарха преобразованія въ области церковной и начались, какъ мы видѣли, съ тѣхъ именно сторонъ церковной жизни, въ которыхъ интересы и права церкви перемѣшивались съ интересами и правами государственными. Сказавшаяся въ этихъ начальныхъ преобразованіяхъ въ сферѣ церковной мысль превительства прямо направлялась къ изолированію этой сферы и болѣе точному опредѣленію ея границъ. Послѣднія ясно были намѣчены въ указѣ Петра, назначавшемъ мѣстоблюстителя патріаршества Яворскаго правителемъ церкви съ предоставленіемъ ему духовныхъ дѣлъ церкви почти исключительно. Частнѣйшая разработка границъ церковнаго права, непрерывно продолжавшаяся во весь двадцатилѣтній періодъ патріаршаго мѣстоблюстительства митрополита Стефана, окончательно завершена была коренною реформою

---

[2]) Какъ извѣстно, учрежденіе монастырскаго приказа было одною изъ причинъ распри между царемъ Алексѣемъ и патріархомъ Никономъ. Впослѣдствіи, въ періодъ открытой вражды съ царемъ, Никонъ весьма несочувственно относился къ этому учрежденію и считалъ его противузаконнымъ; а вмѣстѣ съ нимъ не сочувствовало приказу и прочее духовенство.

церкви, установившею новую форму церковнаго управленія. Оффиціальный актъ этой реформы—Духовный регламентъ въ вѣдомствѣ церковной администраціи пытается оставить только тотъ кругъ дѣлъ, который принадлежитъ церкви по каноническимъ ея опредѣленіямъ. Церковь, по опредѣленіямъ регламентомъ границъ ея вѣдомства, окончательно теряетъ теперь тотъ полумірской характеръ какъ бы особаго государства въ государствѣ, съ какимъ она выступала въ допетровской Руси. Вполнѣ признавая ея самостоятельность и даже въ иныхъ случаяхъ возвышая эту самостоятельность, регламентъ въ первый разъ еще пытается вывести церковь изъ круга не церковныхъ мірскихъ заботъ и поставить ее на высотѣ ея дѣйствительнаго назначенія. Такъ поступаетъ онъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ очерчивается устройство, права и границы вѣдомства преобразованной имъ церковной администраціи. Точно такое же направленіе какъ во всѣхъ прочихъ актахъ петровскаго времени, такъ и въ регламентѣ выражается и въ вопросѣ о преобразованіи духовнаго сословія. Его права и обязанности въ первый разъ еще были опредѣлены съ такою живою изобразительностію, какая проглядываетъ во всѣхъ актахъ петровскаго времени и особенно въ регламентѣ. Общій громкій призывъ къ дѣятельности въ свойственномъ кругѣ дѣлъ обращенный Петромъ въ равной мѣрѣ ко всѣмъ русскимъ сословіямъ, коснулся теперь и духовенства. Если ты членъ государства, какъ бы такъ говорилъ великій преобразователь, организуя готовыя каждую минуту распасться храмины древне-русскихъ сословій и призывая ихъ къ дѣятельности, принадлежишь въ немъ къ извѣстному сословію и пользуешься его правами, то будь не мертвымъ, а живымъ и дѣятельнымъ членомъ этого государства; дворянинъ—служи, пастырь церкви—руководи свою паству, наставляй и назидай ее, человѣкъ отрекшійся отъ міра въ цѣляхъ душеспасенія—молись, не прирекайся больше уже къ тому, отъ чего разъ на всегда отрекся....

Такъ опредѣливши положеніе церкви, преобразователь организовалъ для управленія церковными дѣлами постоянный соборъ высшихъ іерархическихъ лицъ церкви, которому и вручилъ на будущее время всю заботу о церкви, духовенство же русской церкви Петръ вызывалъ своими реформами созидать христіанскую жизнь народа и руководить ею въ духѣ началъ Евангелія.

